Б
63290

ОТДѢЛЪ III-й.

№ 903

VI
408.

Sc 1
15

523
БИБЛІОТЕКА ВЛАДИМІРСКОЙ ученой архивной комиссіи
Б 928 К 21

ПИСЬМА

Н. М. КАРАМЗИНА

КЪ

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

1810—1826

(Изъ Остафьевскаго архива)

ИЗДАНЫ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

НИКОЛАЯ БАРСУКОВА

Библиотека инв. № Владимирского Архива

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1897

Ж.Г.
ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В.О. 5 ЛИН. 28

ПИСЬМА

Н. М. Карамзина къ князю П. А. Вяземскому

(1810—1826).

Въ Остафьевскомъ архивѣ, между драгоцѣнными источниками исторіи русской литературы, находятся не напечатанныя доселѣ письма исторіографа Н. М. Карамзина къ своему шурину князю П. А. Вяземскому. О значеніи подобнаго рода источниковъ самъ князь Вяземскій писалъ: „По мнѣ, въ предметахъ чтенія нѣтъ ничего болѣе занимательнаго, болѣе умилительнаго чтенія писемъ, сохранившихся послѣ людей, имѣющихъ право на уваженіе и сочувствіе наше. Самыя полныя, самыя искреннія записки не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какими дышатъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, по крайней мѣрѣ на ту минуту, проговаривающеюся рукою. Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея. Какъ семейный и домашній бытъ древняго міра, внезапно остывшій въ лавѣ, отыскивается цѣликомъ подъ развалинами Помпеи, такъ и здѣсь жизнь нетронутая и нетлѣнная, такъ сказать, еще теплится въ остывшихъ чернилахъ“.

Извѣстно, что 8-го января 1804 года Н. М. Карамзинъ вступилъ во второй бракъ съ старшею сестрою князя Петра Андре-

вича, Екатериною Андреевною *). Со вступленіемъ Карамзина „въ семейство наше", свидѣтельствуетъ самъ князь Вяземскій,—„русскій литературный оттѣнокъ смѣшался въ домѣ нашемъ съ французскимъ колоритомъ, который до него преодолѣвалъ. По возвращеніи изъ пансіона, нашелъ я у насъ Дмитріева, Василія Львовича Пушкина, юношу Жуковскаго и другихъ писателей". О своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Карамзину князь Вяземскій вспоминаетъ въ письмѣ своемъ къ сыну исторіографа Владиміру Николаевичу: „Никогда не прощу себѣ, что я не велъ постояннаго дневника, и что въ особенности не записывалъ всего слышаннаго мною отъ Карамзина и Дмитріева. Эти записки составили бы любопытнѣйшую книгу. Карамзинъ мало говорилъ о себѣ, мало разсказывалъ. Бесѣды его касались болѣе нравственныхъ и философическихъ вопросовъ, а иногда и политическихъ. Въ нихъ выражались свѣтлый умъ, свѣтлая душа и безпредѣльная любовь ко всему и ко всѣмъ. Съ Карамзинымъ жилъ я въ ежедневныхъ и домашнихъ сношеніяхъ въ лѣта моего отрочества и первой молодости. Тогда умъ мой былъ мало наблюдателенъ и разсѣянность и увлеченія жизни не давали ни времени, ни охоты сосредоточиваться и запасаться. Позднѣе, когда Карамзинъ переѣхалъ въ Петербургъ, я оставался еще въ Москвѣ и только на короткое время пріѣзжалъ въ Петербургъ. Вотъ еще причина скудости моихъ воспоминаній и пробѣловъ въ памяти. Карамзинъ не имѣлъ общественной и дѣятельной жизни въ прямомъ смыслѣ этого выраженія. Жизнь его заключалась въ литературныхъ, а послѣ историческихъ трудахъ, въ семейномъ кругу, а потомъ въ личныхъ сношеніяхъ его со дворомъ, а главное съ Императоромъ Александромъ I. Эти послѣднія сношенія могли бы имѣть историческую важность, но, къ сожалѣнію, не имѣютъ исторической гласности. Можно. ихъ угадывать и заключать о томъ, что̀ было, по малымъ отрывкамъ, которые теперь *извѣстны въ печати*" **).

Каждое лѣто, начиная съ 1804 года и до переѣзда своего въ Петербургъ въ 1816 году, Карамзинъ жилъ въ Остафьевѣ и

*) Родилась 16-го ноября 1780 года.

**) Неизданныя сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина. Часть первая. С.-Пб. 1862.

тамъ писалъ свою „Исторію Государства Россійскаго“; зиму же онъ проводилъ въ Москвѣ, гдѣ жилъ и князь П. А. Вяземскій; а потому непрерывный рядъ писемъ Карамзина къ князю Вяземскому начинается только со 2-го іюня 1816 года и прекращается въ апрѣлѣ 1826 года. „Тутъ предъ вами“, пишетъ князь Вяземскій,— „жизнь. Всѣ эти заботы, радости, скорби, эти мимоходныя исповѣди, надежды, сожалѣнія, всѣ эти едва уловимые оттѣнки, которые въ свое время имѣли такую полную дѣйствительность, все это и самыя лица, запечатлѣвшія ихъ, за скрѣпою руки и души своей, все это давно увлечено потокомъ времени, все это сдано въ архивъ давно минувшихъ дѣлъ или вовсе предано забвенію и жертву настоящему... Письма Карамзина обыкновенно кратки, рѣдко, и то въ послѣдніе только годы, касаются мимоходомъ событій дня, которыя позднѣе переходятъ въ собственность исторіи; въ нихъ нѣтъ систематически заданныхъ себѣ и разрѣшаемыхъ вопросовъ по части литературы, политики и философіи, но есть личныя воззрѣнія или чувства то по одному, то по другому предмету. Въ нихъ спеціально ничему не научишься, но вмѣстѣ съ тѣмъ научишься всему, что̀ облагораживаетъ умъ и возвышаетъ душу“.

Николай Барсуковъ.

23-го сентября 1896.
Село Михайловское.

1.

Тверь. 26 октября (1810).

И я отъ всего сердца благодарю васъ, любезные друзья, за ваше столь пріятное для насъ письмо. Дай Богъ всегда имѣть отъ васъ хорошія вѣсти. Намъ здѣсь очень пріятно, но грустно, что зима сошла, и мы совсѣмъ не знаемъ, какъ поѣдемъ къ вамъ. Обнимаю со всею искренностію дружбы любезнаго князя и цѣлую руку у любезной княгини. Сонюшка очень желала къ вамъ писать, но заснула. Прошу князя сказать князю Александру Петровичу Оболенскому [1]), что мы царствуемъ у него въ домѣ, но сердечно сожалѣя, что не видимъ хозяина съ хозяйкою.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Mille et mille remerciements, ma chère amie, pour votre aimable lettre, qui réellement m'a fait bien plaisir de toute manière et par son arrivée inattendue, car j'étais déjà triste de rester si longtemps dans l'ignorance de ce qui se faisait à Moscou, et puis par les bonnes nouvelles que vous me donnez sur la santé de votre mari. Dieu veuille qu'à notre retour nous trouvions un grand changement pour le mieux dans son état. Vous êtes bien bonne d'avoir pris à la lettre la prière que je vous avais faite au sujet de la science de ma petite Catiche, pas moins je vous en suis extrèmement reconnaissante.

Pour mon amitié, elle vous est accordée d'avance à condition que vous rendiez votre mari heureux, j'espère que cette chose ne vous sera pas difficile à remplir. Pour ce qui est de notre voyage, nous sommes parfaitement contents de tout, excepté du temps, qui est infâme, et l'hiver nous a tout à fait tourné le dos, aussi nous ne savons pas encore ni quand, ni comment nous reviendrons parmi nos Thermes, ce dont je suis cependant bien impatiente malgré tout l'attrait du séjour à Tver, grâce les bontés multipliées de la délicieuse Grande Duchesse. Là-dessus, mes chers amis, je vous

embrasse bien tendrement et vous aime de même; que le ciel vous rende et conserve la santé et le bonheur.

2.

Тверь. 12 марта (1811).

Отъ всего сердца обнимаю васъ, любезнѣйшій другъ и братъ. Мы пріѣхали сюда не совсѣмъ въ добрый часъ: здѣсь всѣ заняты ожиданіемъ важнаго Гостя, а объ насъ, бѣдныхъ людяхъ, мало думаютъ. Но надобно имѣть терпѣніе [2]). Между тѣмъ всего болѣе желаю, чтобы мы увидѣлись съ вами въ радости, то-есть, нашли всѣхъ васъ здоровыхъ и сами были здоровы.

Милыхъ нашихъ малютокъ Сонюшку, Катю и Андрюшу нѣжно цѣлую и родительски благословляю. Богъ съ вами и съ нами!

Кажется, что мы на сей разъ здѣсь не заживемся; однакожь пишите къ намъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Nous voici sains et saufs arrivés à Tver, mon cher ami, après un voyage de 17 heures. On est ici dans l'agitation, en attendant l'arrivée de l'Empereur, il n'y a même pas eu cour malgré le grand jour du 12. Mon mari a été faire sa cour au Prince, où il a rencontré la Grande Duchesse. Pour mon compte, demain je sortirai, car aujourd'hui je suis extrémement fatiguée et pense à me coucher de bonne heure: nous nous sommes arrettés chez les chers Obolensky; le maître de la maison est encore à la campagne. Adieu, mon bon et cher ami; ma première sera plus interessante; que le Ciel veille sur vous. Je vous embrasse de toute la tendresse de mon coeur.

Цалую васъ Маи Милые детіонки Сонюшку, Катиньку и Андрюшу. Дай Боже, чтобъ вы были здаровы. Мы нынѣча приехали въ Тверь, слава Богу здаровы, но толька очень устала. Прощайте маи друзья, нежно васъ обнимаю и посылаю вамъ свое благословленіе. Нежная ваша Мать К: Карамзина.

3.

Тверь. 17 марта 1811.

Здравствуйте, мой любезнѣйшій братъ и другъ! Здѣсь уже два дня Государь, и мы два раза имѣли счастіе съ нимъ обѣдать. Милостивая Великая Княгиня представила ему меня и Катерину Андреевну въ своемъ кабинетѣ, и разговоръ нашъ въ *пятеромъ* продолжался около часу. Нынѣ ввечеру приказано мнѣ для чтенія явиться въ восемь часовъ, при чемъ никого изъ постороннихъ не будетъ. Пробудетъ здѣсь Государь, какъ слышно, еще дни три. Вотъ всѣ наши вѣсти. За тѣмъ дружески и братски васъ обнимаю. Будьте здоровы.

Здравствуйте, мои любезнѣйшіе дѣтенки Соня, Катя, Андрюша. Мы объ васъ часто поминаемъ. Хорошо ли вы ведете себя? Здоровы ли? Веселы ли? Помните ли насъ? А вы у насъ сидите въ сердцѣ. Господь съ вами. Даю вамъ мое родительское благословеніе и цѣлую васъ нѣжно.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mon bon ami et cher frère, je commence par vous remercier pour les bonnes nouvelles que vous nous avez données sur vous et nos chers enfants, continuez à vous bien porter tous, c'est le voeux de mon coeur le plus ardent. Pour nous, mon ami, nous sommes dans la plus éclatante et très nombreuse société, de laquelle je me serais bien passée, mais non de l'Auguste, car marier la bonté d'un particulier à la mesure d'un souverain est l'affaire de notre excellent Empereur. Je l'aime déja beaucoup. Pour la Grande Duchesse, elle est encore plus délicieuse, que jamais, malgré les embarras qu'elle a pour faire les honneurs à son Frère et Empereur. Adieu, mon bon ami, nos nouvelles ne sont pas étendues, quoique le sujet en est très beau et riche. Je vous embrasse de toute la tendresse de mon coeur, nos hôtes vous disent mille choses, s'entend, les Obolensky.

Donnez moi des nouvelles de la Rébinine et mille amitiés aux chers et aimables m-r et m-me Obreskoff.

Здраствуйте, мои миленькие детеночки Сонюшка, Катинька, Андрюшенька. Какъ вы поживаете безъ насъ? Намъ безъ васъ очень грустно. Малитесь Богу, чтобъ онъ сохранилъ вамъ здаровие и нашѣ. Посылаю вамъ свое Материнское благословеніе. Ведитѣ себя харашенько, Сонюшка и Катинька, учитесь также очень хорошо, чтобъ мнѣ весело было, какъ къ вамъ приеду. Пиши мнѣ много, Сонюшка, объ себѣ и объ милой Катинькѣ и Андрюшѣ. Нежно, нежно васъ обнимаю и цалую маихъ ангеловъ. Христосъ съ вами, мои душиньки.

4.

Письмо Е. А. Карамзиной.

(Нижній 1813).

Bonjour, mes chers et bons amis; cette lettre vous sera rendue, j'espère, déjà à Ярославль, où nous l'adressons. Pardon, mes chers amis, de ne pas trop comprendre vos plans et vos projets; il y a un peu de confusion dans ce que vous voulez faire, au moins d'après vos lettres on en juge ainsi, car il n'y a pas deux lettres de suite qui contiennent une même résolution; je ne sais si cela provient de la paresse de vous donner la peine d'exposer avec détail votre volonté, ou effectivement vous n'en avez encore aucune une peu stable. Mais, dans tous les cas vous pouvez compter sur notre amitié inaltérable et surtout ce que ce sentiment vrai peut faire pour procurer de satisfaction aux personnes aimées. Vous n'avez pas besoin, chère princesse Véra, de vous étayer du sentiment que j'ai pour votre mari, car je vous aime beaucoup, vous personellement; si nous avons encore la satisfaction de nous revoir, j'espère, que nous nous arrangerons de manière à nous arranger; mais si vous allez à Astafievo bientôt, ce ne sera pas le moyen de nous rencontrer, car pour nous, nous ne bougerons d'ici, à ce que je suppose, qu'à la fin de mai. Je fais des voeux ardents pour notre réunion ici, où là, enfin quelque part en parfaite santé et stable tranquilité. J'ai été hier à un grand dineг chez m-me Obreskoff, où j'ai vu m-me Bakmetieff Татьяна Ивановна, qui m'a parlé

de vous, chère princesse Véra, et qui veut savoir votre adresse pour vous envoyer un ouvrage de canevas, qui vous été destiné depuis longtemps. Adieu, je vous embrasse, comme je vous aime, de tout mon coeur. Mille amitiés à la famille Neledinsky. Voici une lettre de Batuchkoff, qui est parti depuis dix jours avec m-me Mouravieff; a propos de Mouravieff: m-r Apostol se marie avec m-lle Grouchetsky, qui lui apporte une jolie dotte.

Приписка Н. М. Карамзина.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья. Пишемъ къ вамъ въ Ярославль. Хорошо, если бы Богъ далъ намъ свидѣться въ Остафьевѣ весною или въ началѣ лѣта. Мы желаемъ по крайней мѣрѣ выѣхать отсюда въ исходѣ мая. Вы должны быть увѣрены въ нашей дружбѣ: съ радостію возьмемся беречь маленькаго князя Андрюшу; но лучше, еслибъ и маменька осталась съ нимъ. Не зная обстоятельствъ вашего полку, не могу сказать, можете ли вы, любезнѣйшій князь, съ честію и пристойностію оставить его. Но вы, кажется, считаетесь откомандированнымъ къ генералу Милорадовичу. Лучше, по моему мнѣнію, если бы вы весною съѣздили къ вашему генералу; а тамъ расположились бы по обстоятельствамъ. Остаться вамъ навсегда въ военной службѣ не совѣтую по вашему не весьма крѣпкому здоровью. Можно теперь надѣяться, что мы уже не будемъ сражаться за наши домы. Мы все еще безпокоимся объ Андрюшѣ: болѣзнь его продолжается. Простите, любезнѣйшіе. Обнимаю васъ нѣжно. Увѣдомьте, куда писать къ вамъ [3]).

5.

Нижній. 21 марта 1813.

Любезнѣйшіе друзья! Послѣ долговременнаго безпокойства мы готовимся къ несчастію лишиться милаго Андрюши, нынѣ или завтра, или по крайней мѣрѣ скоро. Такъ Богу угодно. Прошу у Него силъ для себя и для моего друга. Выѣдемъ ли живые изъ Нижняго, когда, какъ? Ничего не знаю. И другія наши дѣти не здоровы. Боюсь и за Катерину Андреевну. Искренно одобряю ваше

намѣреніе, любезнѣйшій князь. Здоровье и всѣ ваши обстоятельства требуютъ, чтобы вы не оставались въ военной службѣ. Долгъ чести исполненъ, если вамъ можно съ пристойностію взять отставку изъ полку. Простите, любезнѣйшіе. Но и въ самой горести примолвлю, чтобы вы, нашъ другъ, вспомнили ваше обѣщаніе не играть. Къ намъ писали, что васъ старались обыграть въ Вологдѣ, и что въ Ярославлѣ готовятъ вамъ то же. Не сердитесь на меня: вѣрно никто не желаетъ вамъ и княгинѣ столько добра, какъ мы. Если не удержитесь отъ игры, то лишитесь всего; а вы уже отецъ семейства. Простите и пожалѣйте объ насъ. Господь съ вами. Скажите Юрію Александровичу [4]), что я люблю и почитаю его душевно. На вѣкъ преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mes chers amis. Quand vous lirez ces lignes, peut-être déja notre cher Andrucha nous aura quitté pour toujours. Que le votre vous procure autant de jouissance, mais pour une plus longue durée de temps. Adieu, portez vous bien et soyez plus heureux, que nous ne le sommes dans ce moment.

6.

Нижній Новгородъ. 25 апрѣля 1813.

Любезнѣйшіе друзья! Состояніе наше еще не перемѣнилось. Андрюша еще живъ, но непрестанно съ трепетомъ ожидаемъ бѣды. И мое здоровье крайне потряслося. Судьба наша въ рукѣ Божіей. Теперь и объ васъ безпокоимся. Дай Господи, чтобы вы скорѣе увѣдомили насъ о лучшемъ, то-есть, чтобы лихорадка князева скорѣе прошла. Пишите къ намъ хотя по два слова, но всякую почту, ради Бога! Обнимаемъ васъ съ нѣжнѣйшею любовію. Вѣрный вашъ другъ Н. Карамзинъ.

7.

Нижній. 15 мая 1813.

Любезнѣйшіе друзья! Вчера погребли мы милаго незабвеннаго Андрюшу. Богу извѣстно, чего намъ это стоитъ. Предаемъ судьбу нашу въ Его святую волю. Если будемъ живы и здоровы, то думаемъ недѣли черезъ двѣ ѣхать отсюда въ Москву, а изъ Москвы къ вамъ въ Остафьево [5]). Сердечно желаю скорѣе обнять васъ. Простите. Богъ съ вами. Будьте здоровы и благополучны. На вѣки вашъ нелицемѣрный другъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes chers amis; le 13 notre cher et bien aimé André s'est endormi dans mes bras d'un sommeil éternel. Que la volonté de Dieu se fasse, je ne me plains pas. J'attends avec impatience le moment de vous serrer dans mes bras, qui n'est pas éloigné si le Ciel le permet. Adieu, je vous souhaite plus de bonheur, que je n'en ai pour le moment.

8.

Царское Село. 2 іюня 1816 [6]).

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Письмо ваше насъ потревожило: дай Богъ, чтобы вы скорѣе извѣстили насъ о выздоровленіи милыхъ дѣтей! Знаю, какъ мучительны безпокойства такого роду. Будемъ ждать съ нетерпѣніемъ вашихъ писемъ. О себѣ скажемъ, что мы живемъ по здѣшнему въ пріятномъ мѣстѣ. Домикъ изрядной, садъ прелестной; ѣзжу верхомъ, ходимъ пѣшкомъ, и можемъ *наслаждаться* уединеніемъ. Государя я не видалъ, могу и не увидѣть. Ему докладывали о моемъ пріѣздѣ. Онъ спрашивалъ (по словамъ Ожаровскаго) [7]), довольны ли мы домомъ и проч. Въ Павловскомъ я былъ два раза: Императрица довольно привѣтлива. Осмотрѣвъ петербургскія типографіи, *почти* могу быть увѣренъ, что здѣсь нельзя печатать моей Исторіи: слѣдственно ждите насъ въ августѣ. Жить дорого до крайности. Арзамасцы любезны

по старому. Насъ посѣщаютъ здѣсь питомцы Лицея: поэтъ Пушкинъ, *историкъ* Ломоносовъ [8]) и смѣшатъ своимъ добрымъ простосердечіемъ. Пушкинъ остроуменъ.

Получили ли вы отъ насъ записку черезъ почталіона? Я писалъ и къ Ивану Ивановичу. Простите, любезнѣйшіе. Обнимаемъ васъ нѣжно со всѣми добрыми желаніями, свойственными искренней дружбѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mes chers amis, et suis bien fachée et inquiète des nouvelles que vous nous donnez sur les chers enfants. Dieu veuille, qu'il n'en soit plus question et que vous soyez aussi tranquilles, que je vous le désire, et que vous nous fassiez au plutôt part de bonnes nouvelles. Pour ce qui me regarde et mon séjour ici, je ne sais encore trop que dire; quand je serai plus au fait, je vous en parlerai plus au long. Toute à vous de coeur et d'âme; mes enfants vous présentent leurs respects.

9.

Царское Село. 8 іюня 1816.

Мы сердечно обрадовались, любезнѣйшіе друзья, доброму извѣстію о вашихъ малюткахъ. Дай Богъ имъ и вамъ здоровья вмѣстѣ со всѣми иными благами жизни!

Третьяго дни, когда жена моя должна была представиться Императрицѣ Елисаветѣ, а ввечеру быть на *свѣтломъ* праздникѣ у другой Императрицы, и когда уже привезли ей платье изъ Петербурга въ 400 рублей (!!), она вдругъ занемогла, чувствовала жаръ во всю ночь и меня очень испугала; однакожь по милости Божіей ей стало на другой день лучше, хотя все еще терпитъ безпокойство отъ рюматизма *дорожнаго*. Положеніе наше довольно пріятно: я былъ у милостиваго ко мнѣ Государя въ его кабинетѣ сельскомъ [9]); обласканъ Императрицами, дворомъ; но еще не знаю, гдѣ буду печатать свою Исторію. Не мое дѣло умножать число Аннинскихъ кавалеровъ при дворѣ и слушать фразы; надобно работать, съ благодарностію къ Богу и Государю, столь доброму

ко мнѣ, что онъ присылалъ спрашивать о здоровьѣ Катерины Андреевны. Буду спокойнѣе, когда рѣшусь или остаться въ Петербургѣ, или возвратиться въ Москву. Нынѣшній день думаю ѣхать въ Петербургъ, чтобы откланяться Великой Княгинѣ и Принцу Оранскому, то-есть, пожелать имъ счастливаго пути. Принцъ мнѣ очень полюбился: скромной, умной и чувствительной! [10]) Я видѣлъ почти всѣхъ, кромѣ Кутузова [11]), на балѣ въ Павловскѣ. Шишковъ похудѣлъ и разговаривалъ со мною весьма любезно. Царское Село теперь стало шумнѣе: въ воскресенье было у насъ не мало гостей. Государь ѣздитъ сюда часто. Императрица Елисавета надѣется провести здѣсь недѣли двѣ. Вотъ наши вѣсти. Сообщайте намъ свои, и добрыя. Знаю, что вы насъ любите; но одно ласковое слово ваше, милой князь, меня очень тронуло. Простите; будьте благополучны и *бережливы*, какъ англійское министерство. Обнимаю васъ. На вѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Постороннимъ не говорите ничего хвастливаго о нашемъ скромномъ житьѣ-бытьѣ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes chers amis, mon mari vous a donné tous les détails de cour, mais ne vous a pas dit mes regrets de ne pouvoir profiter de la folie de la robe de 400 r., qui était délicieuse et qui attendra un moment favorable pour paraître avec éclat. Pour vous, mon cher prince Pierre, je donnerai même ma belle robe pour la dernière phrase de votre dernière lettre, car elle m'a fait pleurer; vous savez, mon bien bon ami, que je suis persuadée de votre tendresse, mais je ne suis pas gatée par les témoignages, qui cependant ont bien leurs merites. Adieu, mes chers, je suis encore bien faible, quoique pas si souffrante. Bien des baisers tendres aux chers marmots, surtout à Macha. Les miens grands et petits, grâce au Ciel, se portent bien.

10.

Царское Село. 27 іюня 1816.

Здравствуйте любезнѣйшіе друзья! Мы получили отъ васъ два письма съ хорошими вѣстями о вашемъ здоровьѣ, о куплетахъ, о спектакляхъ, Остафьевѣ и проч. Платимъ вамъ такими же: мы здоровы, пируемъ иногда въ Павловскѣ, встрѣчаемъ Государя привѣтливаго, заглядываемъ въ Петербургъ, гуляемъ въ шлюпкѣ по Невѣ. Чего болѣе, скажете! Хорошо; но съ типографіями у меня какъ-то не ладится, и тысячи выходятъ очень скоро; а если нанять въ Петербургѣ домъ за 5000 рублей, то въ годъ надобно будетъ издержать 40,000 или около: какъ вамъ кажется? Доходу у насъ можетъ быть, по случаю пожара въ деревнѣ, 16,000. Впереди продажа Исторіи; но благоразумно ли задолжать въ два года тысячъ сорокъ, думаю? И такъ помышляю о Москвѣ, хотя и сожалѣю о Петербургѣ, по крайней мѣрѣ не жалѣю о томъ, что побывалъ здѣсь. Иногда нужно разсѣяніе, и Москва будетъ намъ милѣе прежняго. Въ половинѣ іюля исторіографъ объявитъ приговоръ судьбы, которая умнѣе насъ и знаетъ, чему быть должно. Скажутъ, что я вѣтренъ, что мнѣ худо при дворѣ: улыбнемся или пожмемъ плечами. Дворъ милъ какъ ангелъ, но мы философы: такъ ли? Оставляя все другое другимъ, будемъ усердно заниматься корректурами и воображать, какъ года черезъ два купимъ себѣ въ Москвѣ домикъ, а близъ Москвы дачу, гдѣ насадимъ грядъ десять капусты, огурцовъ, душистыхъ травъ, отъ времени до времени спрашивая, что дѣлается у *васъ* въ Петербургѣ, у двора, гдѣ и мы въ старину бывали, какъ ворона въ высокихъ хоромахъ! Весело, весело; а для этого надобно было съѣздить въ прекрасное Царское Село! Видите, что я любезничаю, слѣдственно не въ худомъ расположеніи. Ожидаю Арзамасцевъ къ обѣду. Тургеневъ началъ отдыхать на дубовыхъ листьяхъ: бѣдной иструдился въ совѣтѣ. Теперь вакація. Не спрашивайте о моихъ трудахъ; отъ дѣла не бѣгаю, а дѣла не дѣлаю, хотя и часто сижу съ перомъ въ рукѣ. Для меня вакація до сентября, какъ надѣюсь. Между тѣмъ простите. На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

Пожалуйте *теперь же* отошлите письмо къ И. С. Набо-

кову [12]), но не въ Бухарестъ, а къ И. В. Черткову. Сердечный поклонъ любезнымъ В. Л. Пушкину, Батюшкову (Дашкова уже нѣтъ?) и другимъ по вашему разсужденію. Обнимаю васъ *четверыхъ* Вяземскихъ, qui ont de l'esprit comme quatre.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Mon mari vous a dit tant de choses aimables, que je crains pour mon amour propre la comparaison de ce que je puis vous dire. Cependant un article que je lui disputerai toujours, c'est quand il vous dit, qu'il vous aime; il ne saura ni le dire, ni le faire plus tendrement, que moi. Pour notre genre de vie, si vous voulez en savoir quelque chose, vous n'avez, qu'à vous imaginer vos amis ou à la cour très brillament ou presque en solitude chez eux au sein de leur famille; il n'y a que m-elle Pluskoff, qui vient le partager, et encore quelques personnes.

Adieu, mes bons amis, je ne puis vous rien dire au long: le moment de la poste étant arrivé, mon mari ayant eu beaucoup de lettres à écrire, la vôtre en a été la dernière. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime de même, ainsi que les chers enfants; les miens vous baisent les mains.

11.

Царское Село. 25-іюля 1816.

Любезнѣйшіе друзья! Мы должны остаться въ Петербургѣ, слѣдственно, отказаться отъ дому Кокошкиныхъ, о чемъ пишу къ Ѳедору Ѳедоровичу и къ Ванюшѣ, которому поручаю сохраненіе нашихъ вещей, тамъ оставленныхъ. Еще не знаемъ, гдѣ будемъ жить осень и зиму; ищемъ дому. Мы съ удовольствіемъ видѣли великолѣпное Петергофское освѣщеніе; жили, ѣли и пили на счетъ казны, сожалѣя объ ея немалыхъ издержкахъ. Вообразите, что за нашъ домикъ хозяинъ взялъ 900 р.! Между тѣмъ я не очень здоровъ и грустенъ; самое время не весело; всякой день дожди. Думаю завтра ѣхать въ Петербургъ, чтобы купить бумаги и посмотрѣть домовъ. Обнимаю васъ любезнѣйшихъ. Будьте (sic) и любите насъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Un mot a décidé de votre sort, et ce mot a été prononcé par l'Etre magique, à qui toutes les volontés sont soumises. Oui, l'Empereur avec bonté a décidé et notre sort, et je puis vous certifier, qu'il dépendrait de nous d'être même plus à notre aise, en demandant un logement; mais c'est contre les principes si justes de mon mari; plus on est bon avec nous, plus il faut mériter ces bontés par une conduite irréprochable; je ne puis ne pas partager la tristesse de mon mari, d'autant plus qu'il n'y avait que l'idée, que j'attachais à sa satisfaction de rester à Pétersbourg, qui animait un peu pour moi le tableau assez sombre de mon séjour en cette ville. Je ne puis m'y faire encore; peut-être, une habitude plus longue m'y fera trouver plus d'agréments, car jusqu'à ce moment je suis parfaitement reconnaissante de toutes les bontés qu'on nous prodigue; *mais*, toujours *mais*, il n'y a pas de plaisir en ce monde, qui ne soit empoisonné, et celui-là l'est par de la gène et une existence, à la quelle je ne suis pas faite et si contraire à mon caractère indolent et mon esprit paresseux. Parlons Peterhoff, je vous ai promis une relation fidèle. Nous arrivâmes par un temps infâme dans notre maison, où sont venus nous trouver et demander l'hospitalité m-mes Ogareff et Novosiltzoff, m-rs Tourguéneff et Mouravieff, qui ont été recueillis tous avec amitié, comme vous le pensez bien; c'était la veille de la fête. Pour le jour nous n'avons eu pour partage que la fatigue d'un voyage de 40 verstes, une pluie sans relache, et un brouhaha épouvantable, causé par tout le monde, arrivant pour la fête et passant absolument sous nos fenêtres; c'était un drole de spectacle, que la variété des figures et des costumes; le lendemain, après une assez bonne nuit, à dix heures nous commençâmes notre toilette, à onze heures nous nous rendîmes au palais. Représentez-vous avec attendrissement, entendez-vous! la pauvre m-me Karamsine, entrant dans une salle garnie de 500 femmes dont il n'y avait que quelques unes, qui lui étaient un peu connues, et songez un peu à ce qu'elle a du éprouver, mais ici je fais un grand usage de le maxime de faire bonne mine à mauvais jeu; je n'ai pas perdu contenance; on m'a donné une chaise entre des masques, pour qui j'en été un aussi.

Les battants s'ouvrent, la Famille parait; on dit quelques mots à quelques personnes; de ce petit nombre votre très humble servante a eu sa part; on va à la messe, la plus belle que j'aie entendue, et regrettant de l'entendre dans une disposition si peu recueillie; après la messe encore une réunion pour la présentation et les félicitations en forme; après cette petite cérémonie de plus d'une heure, on est descendu dans les appartements de la Grande Duchesse Marie; même répétition; ceci fini, nous rentrâmes chez nous à deux heures; notez, que c'est les pieds seuls qui nous servaient de piédestal depuis les onze jusqu'à deux heures, et vous devinerez la sensation délicieuse de se retrouver chez soi commodément habillée et assise; mais ce n'était pas tout; en attendant, le temps s'était remis au beau; nous allâmes au jardin présenter nos hommages à la mer et admirer les fontaines, parcourir les belles allées et surtout aller rêver sur le passé à la fameuse terrace, plantée par le demi-dieu Pierre; tout cela nous conduisit jusqu'à près de cinq heures et à notre dîner. A sept, après avoir fait encore une toilette, nous nous rendîmes au bal masqué, où il ne s'est rien passé d'extraordinaire; j'ai été comme de raison pressée par la foule. J'en ai ri, j'ai dansé des polonaises entr'autres

12.

С.-Петербургъ. 2 октября 1816.

Любезнѣйшіе друзья! Съ живѣйшимъ удовольствіемъ читаемъ ваши любезныя письма. Послѣднее заставило меня смѣяться, а *предпослѣднее* едва было не испугало: я чуть было не повѣрилъ смерти *дяди-поэта*. Хорошо, что вы скоро оживили его, и притомъ забавными стихами. Пусть живетъ въ Козельскѣ: лишь бы жилъ! [13]) А объ нашей жизни не могу вамъ сказать ничего пріятнаго, ни *блестящаго*. Увы, и двора не видимъ! Вижу только типографію, гдѣ строятъ мнѣ ковы и дѣлаютъ всякія досады за то, думаю, что Государь *велѣлъ* печатать въ ней мою бѣдную Исторію на всѣхъ условіяхъ, какія предложу. Вотъ горькій плодъ двѣнадцатилѣтнихъ сладкихъ для меня трудовъ! Что-то не хочется никуда ѣхать; однакожь кое-гдѣ бываемъ. Обѣдаю разъ въ недѣлю у

канцлера [14]); нерѣдко вижу Тургенева, Блудова; вечера большею частію проводимъ дома, одни, въ чтеніи корректуръ съ женою. Посмѣйтесь! Бойтесь, чтобы я и васъ не заставилъ *корректурить*, если зимою заглянете къ намъ! Это пишетъ княгиня, а вы не говорите о томъ. Обрадуемся вамъ сердечно. Съ графомъ Серг. Петр. Румянцовымъ изъясняюся въ разсужденіи васъ: онъ всегда хвалитъ вашъ умъ и талантъ. Радуюсь, что Иванъ Ивановичъ опять пишетъ стихи, и прекрасные [15]). Работа ума есть удовольствіе для сердца. Теперь всего болѣе скучаю отъ того, что не могу заниматься сочиненіемъ. Вы представляете Москву въ туманахъ, а я могъ бы также дохнуть на васъ осенью изъ Петербурга; но вы хотите сюда ѣхать, а мы хотимъ видѣть васъ: слѣдственно, лучше сказать, что здѣсь ясно, свѣтло и тепло. Пріѣзжайте! Между тѣмъ обнимаю отца, мать и дѣтей любезнѣйшихъ. Будьте здоровы, добрые друзья!

Приписка Е. А. Карамзиной.

Non, ma chère princesse Véra, vos prophéties pour le moment n'ont pas réussi, et je suis quitte pour le faire. J'avoue que ce n'en était pas une petite que celle d'être grosse. Je suis fachée de ce que vous me dites sur votre rhumatisme, j'aimerai autant qu'il n'en fut plus question, soyez en grâce plus sur vos gardes et ne faites pas d'imprudence: j'éspère même que vos couches seront le remède le plus efficace contre cette indisposition; en lisant les premières lignes, où vous m'en parlez, j'en ai été un peu effrayée: mais je me suis tranquilisée, en parvenant à la fin de la lettre où il s'agit de spectacle. Continuez à vous amuser; mais que les plaisirs ne vous empêchent pas de songer avec amitié à des personnes, qui vous aiment de tout leur coeur. Je vous embrasse, ainsi que le cher prince Pierre et les deux petits et chers enfants bien tendrement; j'attends avec impatience le moment que vous nous faites espérer de l'apparition du cher mari.

39574

Библиотека Владимирского Архива инв. №

13.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 17 de novembre 1816.

Bonjour, mes bons et chers amis, ces jours ci nous avons vu un de vos amis et protégé m-r Reingold; quoiqu'il n'ait pas été aussi intéressant pour nous en arrivant de Smolensk, que s'il était arrivé tout droit de Moscou, cependant il vous avait vu assidument; aussi a-t-il été indiscrètement questionné surtout au sujet des petits choux, et surtout sur le délicieux choux Macha, il nous a donné des nouvelles très satisfaisantes sur tout; mais il ne faut rien déguiser, il m'a donné de l'inquiétude sur la prudence de la chère princesse Véra; en grâce soyez plus soigneuse et ne comptez pas trop sur la jeunesse: elle trompe comme tout le reste et ne préserve pas contre les rhumatismes; je puis vous en parler pertinamment, ayant le dos et les épaules abimés par ce vilain mal. Mon pauvre mari, mes deux fils ont été très souffrants. Le premier commence à sortir, ayant gardé la chambre huit jours sans même aller prendre l'air le matin; les derniers font les dents et en sont très maltraités, nous avons eu même de l'inquiétude pour André avant que ce ne fut décidé, qu'il souffrait pour la dentition. Mon mari est abimé dans *les épreuves* de deux imprimeries d'ici et de celle de m-r Sélivanovsky de Moscou, de manière qu'il n'écrit plus une ligne pour avancer son ouvrage, ce qui augmente sa disposition mélancolique; vous qui connaissez son amour pour le travail, ceci ne vous étonnera pas, pour lui bien travailler et être content est synonime. Nous avons un hiver bien établi, j'en profite pendant qu'il fait encore assez doux pour promener en traineaux et à pied dans des heures, où le beau monde n'est pas encore en train. Je vous envoie, chère princesse Véra, une étoffe pour capote qu'on m'a envoyée de Varsovie, je désire, qu'elle vous plaise autant que j'ai de plaisir à vous l'offrir. Adieu, mes bons amis. Que le Ciel veille sur vous et vous accorde tous les biens de ce monde. J'embrasse tendrement les chers Macha et Mitinka. Je suis coupable de n'avoir encore rien fourni à la toilette de mademoiselle, mais en vérité jusqu'a ce moment je n'ai pas

même vu un petit habit d'enfant, et n'en ai pas fait un seul à nos enfants ni grands, ni petits.

Приписка Н. М. Карамзина.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Всякій разъ съ сердечнымъ удовольствіемъ читаемъ ваши письма. О себѣ сказать нечего: сижу за корректурами, и все тутъ. Охоты къ выѣздамъ нѣтъ и не будетъ, кажется. Здѣсь сказали, что Государь будто бы передумалъ и велѣлъ отдать мою Исторію въ цензуру; но это еще до меня не дошло. Думаю, это неправда.

Въ самый тотъ вечеръ, какъ я былъ въ комнатномъ спектаклѣ у вдовствующей Императрицы, получено было здѣсь извѣстіе о смерти Карла Виртембергскаго. Съ того времени я не выѣзжалъ. Теперь выѣзжаю, но все еще не здоровъ. Обнимаю васъ, друзья сердечные. Если не умру, то пріѣду въ Москву, вѣрно, вѣрно.

14.

С.-Петербургъ. 28 ноября 1816.

Любезнѣйшіе друзья! Извѣстіе о внезапной кончинѣ добраго Д. С. Дохтурова [16]) насъ поразило. Бѣдная Марья Петровна! Нельзя подумать о ней безъ сердечнаго содроганія. Напишите къ намъ обо всѣхъ Оболенскихъ. Мы всею душею раздѣляемъ съ ними горе. Вы жалуетесь на рѣдкость нашихъ писемъ, а мы, кажется, не оставляемъ ни одного изъ вашихъ безъ отвѣта. Странно и то, что Селивановскій [17]) долго не получаетъ отъ меня корректуръ: я ни мало не задерживаю ихъ. Велите спросить у него, всѣ ли посланныя ко мнѣ онъ получилъ обратно? Это надобно объяснить. Я примусь за Тургенева, который отсылаетъ мои письма на почту. Безпокойство ваше объ насъ есть трогательное доказательство вашей дружбы. Доселѣ надобно еще благодарить Бога: мы всѣ живы и почти здоровы. Но признаюсь, что Петербургъ не восхищаетъ меня, хотя и отдаю ему справедливость. Для васъ, на примѣръ, онъ можетъ быть веселѣе, нежели для меня. Я лѣнивъ на выѣзды и не падокъ на знакомства. Даже и къ тѣмъ людямъ, которыхъ

уважаю, что-то не хочется ѣздить. Изрѣдко обѣдаю у вдовствующей Императрицы. Полное собраніе двора видѣлъ я однажды, 24 ноября, когда надлежало поздравить Императрицу съ именинами королевы Виртембергской [18]). Печатаніе идетъ худо. Едва ли и къ тому генварю все кончится: какъ еще далеко! Будетъ великое благодѣяніе Божіе, если съ легкимъ сердцемъ выѣду отсюда. Прошу васъ, милой князь, изъявить мою сердечную благодарность всѣмъ, которые насъ помнятъ. Обнимаю васъ четверыхъ. Пусть крестница моя [19]) *милѣетъ* (какъ вы сказали) болѣе и болѣе! Моя Катерина Андреевна собирается на блестящій вечеръ къ гр. Лаваль [20]). Отдайте приложенную записку Ванюшѣ. Богъ съ вами и съ нами! Вашъ Н. Карамзинъ.

15.

С.-Петербургъ, 21 декабря 1816.

Любезнѣйшіе друзья! Мы ждемъ дорогаго изъ Москвы гостя— разумѣется, васъ, милой князь, и думаемъ, что это письмо уже не застанетъ васъ. До Тургенева дошла вѣсть о вашей простудѣ; но какъ она не мѣшала вамъ писать стихи, то надѣюсь, что и не имѣла дальнѣйшихъ слѣдствій. Я дней шесть выѣзжаю, по большей части къ брату, которой оплакиваетъ шестнадцати-лѣтняго сына. Эта потеря насъ очень огорчила. Мы надѣемся, что вы прямо пріѣдете къ намъ обогрѣться, любезнѣйшій князь. Князь Алексѣй [21]) нашелъ себѣ квартиру, но еще не скоро переселится въ нее. Между тѣмъ не забудьте, что мы живемъ въ *Захарьевской* (а не въ Сергіевской) улицѣ, въ домѣ Баженовой. Прошу различать святыхъ.

Катенька все еще безпокоитъ насъ своимъ кашлемъ. По увѣренію князя Алексѣя, Саша похожъ на вашего Митеньку. Андрей совершенный флегматикъ, но иногда забавенъ. Живемъ изо дня въ день. Стараюсь удалять всякія непріятныя мысли о будущемъ. Здоровье мое не алмазное. Главное дѣло сохранить остальныхъ милыхъ и жить для нихъ... Здѣсь перерывъ. Надобно отослать письмо. Простите, любезнѣйшіе. Цѣлую васъ четверыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Катерина Андреевна еще не встала съ постели, для чего не пишетъ; а я не хочу ждать ея.

16.

С.-Петербургъ. 31 декабря 1816.

Любезнѣйшіе друзья! Обнимаемъ васъ четверыхъ отъ всей души и поздравляемъ съ наступающимъ новымъ годомъ. Будьте всѣ здоровы и веселы!

Ждать ли намъ дорогого гостя? Заглянете ли къ друзьямъ, любезнѣйшій князь?

Катенька въ жестокомъ кашлѣ и долговременномъ: судите о нашемъ безпокойствѣ!

Порадуйтесь: Государь пожаловалъ Жуковскому 4000 р. пенсіи и перстень съ шифромъ. Это славное дѣло Тургенева и князя Голицына. Князь Андрей Петровичъ сдѣланъ куратором на мѣсто Кутузова [22]): это дѣло Кошелева [23]) и князя Голицына.

Мы отказались отъ бала Императорскаго 25 декабря, а Государь зоветъ насъ завтра на ужинъ въ Эрмитажъ.

Еще васъ обнимаю. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous en veux sérieusement, mon cher prince Pierre, de nous bercer depuis un mois de la douce espérance de pouvoir vous embrasser ici, et cette espérance finira par être désespoir si vous n'effectuez pas ce plan. Je commence à trembler, car voilà déja le mois de janvier, et la princesse Wéra accouche en février, toute cette combinaison m'effraye. En attendant mieux, je vous embrasse tous bien tendrement. Je me dépêche, comme une misérable; je vous écris dans mon lit, ayant passé la nuit au bal masqué de la cour et soupé à l'Hermitage.

17.

С.-Петербургъ. 5 февраля (1817).

Любезнѣйшіе друзья! Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ извѣстія о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени. Вы, конечно, не замедлите увѣдомить насъ. Васъ многіе любятъ; но мы привязаны къ вамъ не такъ, какъ другіе.

Я опять былъ нездоровъ: объ этомъ уже скучно говорить. Хуже то, что Катенька не оправляется. Однакожь мы ѣздили во дворецъ раза три на маслениць, въ спектакль, на балъ. Государь исполнилъ нашу просьбу о А. М. Рябининѣ [24]). Указомъ отъ 31 генваря велѣлъ причислить его къ герольдіи. О нашемъ участіи въ этомъ дѣлѣ *не говорите*. Мы очень обрадовались. Сердце мое преисполнено благодарности къ Государю. Раздѣляю съ вами, любезными, это сладкое чувство. Однакожь не подумайте, чтобы мы были случайные люди!! Я видѣлъ Императора на балѣ: Онъ не сказалъ мнѣ ни слова; танцовалъ съ Катериной Андреевной и принялъ отъ нея благодарность.

Пѣвецъ Жуковскаго есть *подражаніе* Жуковскому: я согласенъ съ вами. Но послѣдніе его 3 піесы хороши; вы еще не знаете ихъ.

Что нашъ новый кураторъ? Онъ не ѣдетъ къ намъ.

Еще прошу васъ, милой князь, справиться въ опекунскомъ совѣтѣ, получены ли тамъ деньги 3540 р. отъ Катерины Андреевны.

Обнимаю васъ четверыхъ или пятерыхъ, если Богъ далъ. Съ особенною нѣжностію цѣлую крестницу. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, chers amis; il y a longtemps, que je ne vous ai écrit, il y a longtemps, que je n'ai reçu de vos lettres. Pour moi ma maussaderie et par conséquent ma paresse augmente tous les jours avec les progrès de mon ventre, toutes ces bonnes dispositions sont encore fortifiées par le rôle, continuellement joué par moi, de garde-malade. Cependant le carnaval j'ai fait des merveilles, j'ai été au spectacle public avec Sophie, au

spectacle de l'Impératrice et au bal chez Elle; ainsi par là vous jugez, que j'aurai besoin de toute cette semaine pour me reposer. Vous savez la bonne affaire, que nous avons eu le bonheur d'arranger pour m-r Rébinine. Je ne sais qui de nous est le plus heureus d'y avoir réussi. Je ne sais, si je vous ai remercié, chère princesse Wéra, pour le velours, en tout cas recevez les dans ce moment. Il parait que notre prince Alexis bacle un mariage avec une cadette de la famille. N'en parlez pas!

18.

С.-Петербургъ. 20 февраля 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Вы ждете, слѣдственно, и мы ждемъ, моля Бога о благополучномъ разрѣшеніи. Благодаримъ за добрую вѣсть о дѣтяхъ и вашихъ дѣлахъ экономическихъ. Хорошо, что вы уже не должны никому за исключеніемъ казны. Теперь остается распорядить доходы, чтобы исправно вносить суммы въ Воспитательный Домъ и банкъ. Я почти столько же обрадуюсь заплатѣ вашихъ долговъ, какъ и моихъ собственныхъ. Увы, мы также не доходами живемъ, а займомъ, въ надеждѣ на кринку молока, то-есть, Исторію!

Дѣти наши не совсѣмъ здоровы, однакожь всѣмъ лучше, благодаря Бога.

Мы посвятили нѣсколько слезъ въ память доброму нашему пріятелю, графу Алексѣю Ивановичу [25]).

Исторію казаковъ оставьте у себя.

Живемъ по старому. Новое то, что я сшилъ себѣ *новой* мундиръ. Помолвка князя А. Г. Щербатова уже вамъ извѣстна. Завтра увидимъ его въ качествѣ жениха. Простите, любезнѣйшіе. Обнимаю васъ со всею дружескою нѣжностію, цѣлую мысленно и *пятаго*, если онъ родился. Катерина Андреевна говѣетъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

19.

С.-Петербургъ. 1 марта 1817.

Съ сердечною радостію поздравляемъ васъ, любезнѣйшіе, и съ умиленіемъ благодаримъ за скорое извѣщеніе и за *три* письма, нами въ одинъ день полученныя отъ васъ, милой князь. Это дѣйствіе и трогательное доказательство вашей дружбы, которое отозвалось у насъ въ сердцѣ. Любимъ и будемъ любить другъ друга, пока живы. Скажу вмѣстѣ съ Василіемъ Львовичемъ: „Желаю, чтобы Параша [26]) была какъ Маша!“ Скоро ли увижу свою крестницу, о которой намъ столько любезнаго разсказываютъ? Князь Алексѣй Щербатовъ увѣряетъ насъ, что вашъ Митя есть нашъ Саша. На сихъ дняхъ мы отняли его отъ кормилицы: благодаря Бога, онъ не тоскуетъ. Катенька уже выѣзжаетъ для прогулки. Слѣдственно, мы довольно спокойны и тѣмъ болѣе радуемся вашимъ добрымъ вѣстямъ о родильницѣ и новорожденной, въ надеждѣ и впредь получать отъ васъ такія же. Я увѣренъ, любезнѣйшій князь, что вы не полѣнитесь писать къ намъ хотя по строчкѣ о здоровьѣ княгини.

Вы богатѣе вѣстями, нежели мы. Я право совсѣмъ не знаю, что дѣлается въ Петербургѣ и даже въ Арзамасѣ. Любопытнѣйшій для меня выѣздъ былъ на экзаменъ въ Екатерининскій институтъ, гдѣ я видѣлъ нѣсколько прекрасныхъ дѣвицъ, которыхъ скоро увидитъ и свѣтъ. Обѣды мои у вдовствующей Императрицы продолжаются: разъ въ двѣ недѣли или въ 10 дней. Канцлеръ сталъ ужасно глухъ: ѣзжу къ нему по старому разъ въ недѣлю, но съ грустью. У другихъ бываю очень рѣдко. Для князя Щербатова мы ужинали третьяго дня у княгини Н. П. Голицыной: тамъ графиня Строгонова, и слѣдственно, не скучно. Желаю встрѣтиться съ *вашею* Голицыною, которую вы такъ хорошо описали. Теперь ѣдемъ обѣдать къ Лаваль, чтобы умничать съ Розаліею Ржевуцкою etc. Повторю старую пѣсню: *хочу въ Москву*, но не тогда, какъ будетъ у васъ дворъ. Еще долго! И будемъ ли живы? Побраните насъ за *неблагодарность:* чай вашъ пьемъ, а вамъ ни слова! Значитъ, что Катерина Андреевна надѣялась на мою, а я на ея благодар-

ность мнимую. По крайней мѣрѣ скажу теперь спасибо за табакъ; курю его какъ ѳиміамъ съ признательностію. Обнимите за меня *поэта-дядю:* люблю любовь его. Васъ же самъ обнимаю. Цѣлую мужа, жену и троихъ малютокъ съ нѣжностію. Вашъ Н. Карамзинъ.

Что ни говорятъ, а не могу вѣрить *чудесамъ* магнетизма. Докторъ красивъ собою, если не ошибаюсь.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous félicite du fond de mon coeur, mon cher prince Pierre, avec l'arrivée de la chère Paracha, depuis si longtemps attendue. Dieu soit loué, qu'elle est arrivée sagement dans ce bas monde, sans jouer de mauvais tour à sa maman; j'en présume beaucoup de raison et de sagesse pour sa conduite future. J'espère qu'au moment, où vous lirez la présente, la chère princesse Wéra sera déja hors de son lit, faisant les honneurs non de son salon, mais de sa chambre accouchée, et recevant avec beaucoup de grâce et de plaisir la moisson des ducats; je suis désolée de n'être pas du nombre de celles qui lui apporteront cette offrande. Pour ce qui nous regarde, mon mari vous en a donné tant de détails, qu'il ne m'a rien laissé à dire, si non que ses conjectures sur le dîner de Laval n'ont pas été bien vérifiées, car nous en avons fait un très agréable, sans que les beaux esprits ni masculins, ni féminins s'en soyent mêlés; de là nous sommes revenus à la maison prendre les enfants pour aller voir des marionnettes chez les Bloudoff. Voilà l'historique de notre journée, qui malgré le plaisir n'a pas laissé que d'être très fatigante. Adieu, mon cher ami, embrassez tendrement de ma part votre chère femme et dites lui bien des tendresses pour les chers enfants; je les serre contre mon coeur, ainsi que le papa. Vous savez, que nous avons eu les promis Cherbatoff et Apraxine. Vous vous doutez bien de tous les genres de souvenirs, qui m'ont passé par le coeur et l'esprit.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Permettez moi aussi, mon cher oncle et ma chère tante, de vous féliciter avec la naissance de la petite Paracha. Je désire quelle ressemble en tout à son aimable petite soeur: je crois que

c'est ce qu'on peut lui souhaiter de mieux. J'espère que la santé de ma tante est dans un bon état, ainsi que celle de la petite cousine. Je vous baise temdrement les mains et j'embrasse toute la charmante famille. Votre toute dévouée niéce Sophie Karamsine.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Je vous félicite, mon cher oncle, avec la naissance de la petite Paracha. Dieu veuille qu'elle se porte bien et qu'elle fasse votre bonheur, ainsi que celui de ma chère tante, que je felicite de tout mon coeur. Veuillez, mon cher oncle, embrasser pour moi tante et votre petite famille. Je vous baise les mains, ainsi qu'à ma bonne tante, et je suis pour la vie votre toute devouée niéce E. Karamsine.

20.

С.-Петербургъ. 15 марта 1817.

Спасибо вамъ, любезнѣйшіе друзья, за добрыя вѣсти. Вы здоровы — и родильница, и малютка; и такъ слава Богу! Мы также теперь не жалуемся на здоровье. Я писалъ къ вамъ на прошедшей почтѣ; но боюсь, чтобы это письмо не пропало: мы не успѣли отправить его во-время. Съ *вашею* княгинею Голицыною мы еще не видались: Орловъ [27]) былъ у насъ и спорилъ со мною, какъ прежде бывало. Вѣсть о Каверинѣ [28]) для меня пріятна: желаю ему вылѣзть изъ омута. Нужды нѣтъ, что сѣдые женихи немного странны. Нашъ полусѣдой Щербатовъ купается какъ сыръ въ маслѣ: по утру у Государя, день съ невѣстою молодою. Между тѣмъ отдѣлываетъ себѣ домъ на Царицынскомъ лугу. Важнѣйшая изъ государственныхъ новостей есть новый уставъ о винной продажѣ. Вмѣсто откупщиковъ казна сама будетъ торговать виномъ посредствомъ цѣловальниковъ. Арзамасъ здравствуетъ и зоветъ меня въ гости завтра, слѣдственно, продолжастъ шутить. На дняхъ я ѣздилъ по институтамъ, гдѣ мысль о Маріиной добродѣтели трогаетъ душу неокаменѣлую. Простите, любезнѣйшіе. Обнимаю васъ пятерыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, chers amis, et suis bien charmée de vous savoir tous bien portants; j'envie la chère princesse Véra d'être quitte de son paquet, tandis que moi je dois le traîner encore jusqu'au mois de juillet. Pour cette fois-ci je ne me dépite pas de ce que je n'ai pas pu jouer le rôle de marraine, mais une fois réunis ensemble, et que j'aie la maladresse d'être grosse en même temps que la princesse Wéra, je serais capable de faire une fausse couche, et d'être la marraine de votre enfant en dépit du sort. Je suis allée ces jours-ci voir l'Institut des sourds et muets; j'en suis revenue toute touchée des soins qu'on leur donne et de tout ce que l'on fait pour ces malheureux, pour leur rendre une partie au moins des biens que la nature leur a refusés. Partout les bienfaits, la sollicitude maternelle de la charitable Impératrice Marie se fait sentir. Adieu, mes chers et bons amis, je suis toute à vous.

21.

С.-Петербургъ. 26 марта 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Христосъ воскресе! Обнимаю васъ мысленно со всею дружескою нѣжностію. Мы встрѣтили праздникъ, благодаря Бога, хорошо, то-есть, всѣ здоровы. Слушали заутреню и обѣдню во дворцѣ, я внизу, жена и дочери вверху; устали и отдыхаемъ, какъ обыкновенно, не дѣлая визитовъ. Обѣдали и вечеръ провели одни, какъ обыкновенно безъ скуки. Я для праздника не читалъ и корректуръ. Теперь былъ у насъ Жихаревъ [29]): мы говорили объ васъ. Радуюсь вашимъ успѣхамъ въ политической экономіи, любезнѣйшій князь; желаю вамъ постоянства и твердости. Ждемъ васъ вмѣстѣ съ весною, которая изъ-за моря дышетъ на Петербургъ теплыми вѣтрами и поднимаетъ за облакомъ руку, чтобъ осыпать насъ цвѣтами. Однакожь вы поѣдете, думаю, не по цвѣтамъ, а по грязи..... Мѣшаютъ. Простите. Обнимаю васъ вторично, и большихъ и малыхъ. Вашъ, пока свой, Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Христосъ воскресе, chers et bons amis! Voici des fêtes bien isolement commencées, quoique en compagnie de 3000 personnes: mais hélas! n'est ce pas un vrai isolement, quand le coeur n'est pour rien, et hors de l'enceinte de notre famille nous sommes seuls. Après m'être bien fatiguée de l'expédition nocturne, j'ai employé la journée à me reposer, mais sans sortir de chez nous. Nous avons employé plus de cent cartes de visites à faire courir dans les rues ou plutôt dans les maisons. Je vous remercie, chère princesse Véra, pour les bonnes nouvelles que vous nous donnez sur votre santé; je ne puis accuser le prince Pierre de ne pas vous accorder trop de liberté: vous en avez toujours si mal usé, s'entend après vos couches, qu'il n'a pas tort de faire le pédant. Je n'ai rien reçu en fait de plaques; vous ne m'en avez parlé qu'une fois, en m'annonçant le désir de la princesse Natalie de me les envoyer. Adieu, mes chers et bons amis, que le Ciel vous accorde santé et prospérité! Pour ce qui regarde la visite du cher prince Pierre, je n'y compte pas pour n'être pas dupe trois fois, suffit à mon âge de l'avoir été deux fois. Je vous embrasse de tout mon coeur, ainsi que les chers enfants.

22.

С.-Петербургъ. 30 апрѣля 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Ждемъ одного изъ васъ по обѣщанію. Дорога уже суха, а хороша не будетъ до осени. Въ послѣднихъ двухъ Арзамасскихъ собраніяхъ много говорили объ Асмодеѣ [30]). Не дивитесь, что здѣшніе друзья къ вамъ не пишутъ; всѣ заняты, хотя и ничего не дѣлаютъ. Это искусство здѣсь въ удивительномъ совершенствѣ. Я по крайней мѣрѣ читаю корректуры!

На сихъ дняхъ открытъ мною путь къ облегченію судьбы Мещовскаго [31]), но должно имѣть понятіе объ его винѣ: когда, что и какъ случилось? Князь Ник. Гр. Волхонскій [32]) въ Москвѣ: достаньте у него записку о Мещовскомъ и *немедленно* пришлите ко мнѣ.

На почтѣ отъ 26 декабря *ничего* не получено здѣсь на мое имя: справьтесь въ Москвѣ, что сдѣлалось съ посылкою княжны Натальи Петровны?

Помышляемъ о Царскомъ Селѣ: тамъ расписываютъ нашъ домикъ, но еще не знаемъ, гдѣ придется родить Катеринѣ Андреевнѣ.

Обнимаю васъ пятерыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

23.

Царское Село. 27 іюня 1817.

Любезнѣйшіе друзья! По вашимъ письмамъ не видимъ, получаете ли вы наши; а мы уже писали къ вамъ раза три. Тороплюсь отправить письмо на почту. Скажу нѣсколько словъ. Катерина Андреевна все еще не родила, и мы все въ ожиданіи, а я въ безпокойствѣ, какъ разумѣется. Ваши хлопоты насъ тревожатъ. Мы не имѣли никакого способа напомнить о томъ Государю, который думаетъ, что безумецъ С. [33]), будучи подъ стражею, уже не можетъ васъ безпокоить. И всѣ другіе думаютъ, что вамъ надобно быть спокойными; что С. въ Москвѣ ни мало не опасенъ; что Государь безъ представленія отъ графа Тормасова не дастъ новыхъ повелѣній объ этомъ дѣлѣ. Дворъ въ отсутствіи. Императрица вдовствующая милостиво запретила мнѣ ѣхать въ Петергофъ по состоянію жены моей: мы еще дней 9 никого не увидимъ. Тишина глубокая.

Если книги ваши остались у насъ въ домѣ городскомъ, то онѣ будутъ вамъ возвращены; но мнѣ самому надобно тамъ отыскать ихъ. Съ Новосильцовымъ [34]) поговорю, когда увижусь съ нимъ; но не войду ни въ какое *обязательство* безъ вашего полнаго рѣшенія. Можетъ быть, онъ поѣдетъ съ дворомъ въ Москву: тѣмъ лучше. И такъ васъ уже не ждать въ Петербургъ? Не жалуемся, но жалѣемъ. Слѣдственно, еще годъ не увидимся, много времени! Я съ вами согласенъ и несогласенъ въ чувствахъ: не восхищаюсь Петербургомъ, но съ удовольствіемъ думаю о Москвѣ тихой: вы молоды, а я старѣюсь. Обнимаю васъ, милые друзья, со всѣми дѣтьми, и въ особенности съ милою крестницею. Надѣюсь, что ея глаза уже не болятъ. Будьте всѣ здоровы и забудьте *тирана* С. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Malgré le gros ventre, je vous embrasse de tout mon coeur, mes bons amis, la grande et petite famille; quoique je ne souffre pas de mon fardeau, je suis bien impatiente de vous annoncer un petit neveu ou nièce de plus dans ce monde. Nous sommes dans l'isolement, tout le monde se trouve aux fêtes.

24.

Царское Село. 17 іюля 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Мы получили отъ васъ только одно письмо съ отъѣзда князева, и уже давно не знаемъ, гдѣ вы, и какъ? Дай Богъ, чтобы гнусный призракъ Соковнина скрылся на вѣки отъ вашего воображенія! Вамъ остается не думать объ немъ, когда онъ сидитъ подъ крѣпкою стражею и явно безумствуетъ, какъ пишутъ изъ Москвы. Здѣсь мы ничего новаго не узнали: видѣли нѣсколько разъ Государя, но не могли при свидѣтеляхъ спросить или напомнить ему о милостивомъ его обѣщаніи успокоить васъ. Вѣрно то, что онъ не забылъ его; вѣрно то, что графъ Тормасовъ не выпуститъ безумца самъ собою; вѣрно то, что Государь не дастъ такого повелѣнія. Однимъ словомъ, мы и всѣ любящіе васъ позволяемъ себѣ быть спокойными. Мысль Тормасова хороша: то-есть, чтобы запереть С. въ монастырь и взять имѣніе въ опеку. Посылаемъ къ вамъ письмо губернатора Тульскаго: оно не очень ясно; но кажется, что онъ не беретъ его на свою отвѣтственность. Вѣроятно, что вы уже съ нимъ видѣлись. Ждемъ, что̀ вы намъ скажете, и нужно ли будетъ еще хлопотать. Здѣсь Тургеневъ хотѣлъ писать къ вамъ: мы его уже давно не видѣли. Состояніе жены не позволяетъ мнѣ ѣздить въ городъ. Половина іюля прошла, а она еще не родитъ; я радъ ждать: лишь бы только все благополучно кончилось. До сей минуты мы всѣ здоровы. Между тѣмъ Катерина Андреевна уже отказалась отъ выѣздовъ; только бродитъ по саду. Газеты извѣстили васъ о новостяхъ, жалованьяхъ и проч. Мы не видали праздниковъ городскихъ; не увидимъ и

Петергофскаго, хотя милостивой Государь опять предлагалъ намъ домъ въ Петергофѣ. Въ Царскомъ Селѣ былъ обѣдъ съ гуляньемъ по водѣ: Катерина Андреевна отказалась, а я обѣдалъ и гулялъ. Погода благопріятствовала празднику. Нынѣшній день новобрачные [35]) переѣзжаютъ сюда въ Александровскій дворецъ... Обнимаю васъ, любезнѣйшіе, отъ всего сердца, желаю болѣе всего, чтобы вы были здоровы и спокойны съ вашими милыми дѣтьми. Вы знаете, какъ мы обрадуемся, если вы вдругъ явитесь въ Царскомъ Селѣ! Съ нетерпѣніемъ ждемъ вашихъ писемъ изъ Москвы. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mes chers et bons amis. Que je suis peinée de ne pas vous savoir encore parfaitement en repos; j'aime à croire cependant, que dans ce moment-ci vous avez tout lieu d'être parfaitement tranquilles par les bonnes mesures que m-r Tormasoff a du prendre. En grâce donnez nous en promptement des nouvelles; nous n'avons reçu encore qu'une lettre de vous, mon cher prince Pierre, et j'étais fachée de la recevoir, car elle m'a empeché de goûter tout le plaisir que j'aurais eu à la lecture de celle de la chère princesse Wéra, qui était toute tranquillisée en nous l'écrivant. Enfin je fais des voeux ardents pour qu'il ne soit plus question de ce sot personnage. Pour ce qui me regarde, j'ai cessé de parler de ma grossesse; mais je dis que je suis *hydropique*, car réellement je commence à me fâcher de savoir si peu calculer mon temps, je ne sais plus, quand arrivera la clôture. Adieu, mes bons amis, je vous aime tendrement et désire vivement, que le rève de vous voir à Sarsko-Sélo se réalise. J'embrasse avec tendresse les chers enfants et Macha plus tendrement encore, surtout depuis que j'ai idée, qu'elle ressemble à mon Sacha, qui fait l'admiration de tout Sarsko-Sélo.

25.

Царское Село. 3 августа 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Нынѣшній день по утру Богъ далъ намъ сына Николая. Теперь желаю только, чтобы жена благополучно оправилась. Желаемъ также, чтобы вы были и здоровы и спокойны. Безумца, по представленію графа Тормасова, хотятъ отправить на Кавказъ или въ Крымъ. Государь еще въ Петербургѣ. Богъ съ вами и съ нами! Обнимаю васъ нѣжно. Вашъ Н. Карамзинъ.

26.

Царское Село. 7 августа 1817.

Любезнѣйшіе друзья! По сіе время благодарю Бога: и жена, и малютка ведутъ себя умно. Одинъ я вздумалъ быть нездоровымъ: отъ того и пишу къ вамъ только два слова.

Государь приказалъ графу Тормасову отправить Соковнина въ Кафу подъ надзоръ тамошняго губернатора. Надѣюсь, что воображеніе ваше успокоится.

Съ нѣжностію и горячностію обнимаемъ васъ милыхъ, большихъ и малыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

27.

Царское Село. 21 августа 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Поздравляю васъ съ вступленіемъ въ царскую службу. Слышу, что вамъ дали и чинъ; но указа еще не видалъ, ни любезнаго Новосильцова послѣ его объ васъ доклада. Вспомните, что вы *рѣшительно* не писали ко мнѣ объ этомъ дѣлѣ: Тургеневъ взялъ на себя, ссылаясь на ваше къ нему письмо. Государь отозвался объ васъ и княгинѣ какъ нельзя лучше. Дѣло сдѣлано: дай Богъ, чтобы всѣ будущіе шаги ваши по службѣ были такъ же легки и пріятны, какъ этотъ! Надѣюсь, что вамъ не отдѣлаться отъ Петербурга, хотя у васъ *и не льнетъ къ нему губа*! Смотрите же, устройте вашу экономію [36]).

Мы, слава Богу, здоровы. Нынѣ у насъ крестины: дѣйствуютъ Сонюшка и Андрей. Мы не хотѣли трудить Царской Фамиліи.

Государь былъ у насъ въ гостяхъ; обѣщалъ передъ отъѣздомъ еще заѣхать къ родильницѣ. Всѣ къ намъ милостивы. Я писалъ о томъ къ Ивану Ивановичу. А теперь спѣшимъ приводить Николая въ христіанскую вѣру. Обнимаемъ васъ, любезнѣйшихъ, отъ всего сердца, и всѣхъ отъ мала до велика, а крестницу въ особенности. Простите. Будьте здоровы и благополучны. Тургеневъ вѣрно послалъ или пошлетъ вамъ копію съ указа. Вашъ Н. Карамзинъ.

28.

Царское Село. 28 августа 1817.

Отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшій князь, и съ вступленіемъ въ службу, и съ чиномъ *штабскимъ*, и съ жалованьемъ! Вотъ копія съ указа, писанная *рукою* любезнаго Н. Н. Новосильцова. Непремѣнно, *тотчасъ* напишите къ нему благодарное письмо и попросите у него дозволенія остаться въ Москвѣ, сколько вамъ надобно. Государь еще былъ у насъ на канунѣ своего отъѣзда: мы говорили объ васъ — и преисполнены къ нему сердечной любви. Дай Богъ, чтобы мы всегда такъ безкорыстно его любили! Прощаясь, я сказалъ ему: „Государь! Желаемъ не новыхъ отъ васъ милостей, а продолженія старыхъ!“ И Жуковскій съ мѣстомъ, и не по милости Глинки. Императрица сказала мнѣ, что Жуковскій за молодостью *не можетъ быть* учителемъ Великой Княгини... Я представилъ, что ему 34 года, и описалъ его благородный характеръ. Надлежало еще объяснить нѣкоторыя обстоятельства его жизни — и третьяго дня нашъ поэтъ обѣдалъ въ Павловскомъ уже какъ признанный учитель [37]). Однимъ словомъ, я почти влюбленъ въ Царскую Фамилію..., и за всѣмъ тѣмъ мы разстанемся! По крайней мѣрѣ никто не разставался съ дворомъ въ лучшемъ къ нему расположеніи. Je passe pour un ingénu, et je le suis, peut-être. Вчера обѣдалъ я почти съ домашними у Императрицы Елисаветы Алексѣевны, и снова удивлялся тонкости ума ея: всегда скромна и всегда любезна. За всѣмъ тѣмъ — еще повторяю — надобно мнѣ умереть въ Москвѣ, которая вамъ наскучила, а меня

привлекаетъ въ свою мирную сѣнь. Думаемъ черезъ двѣ недѣли быть въ Петербургѣ, гдѣ съ ногъ до головы погружусь въ дѣла типографскія. Простите, друзья любезные. Обнимаю васъ и милыхъ дѣтей. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes chers et bons amis; mon mari s'est emparé de toutes nos nouvelles de cour, et comme nous n'en avons guère d'autres, car ou nous voyons la cour, ou nous ne voyons personne, ou à peu près, ce qui nous rend très peu nouvellistes. Cependant je vous dirai, que nous avons vu la fameuse princesse Golitzine *l'antique*, qui est aussi logée ici dans un des chateaux et qui a bien voulu condécendre à me prevenir par une visite très aimable qu'elle nous a faite; elle est encore bien jolie et extraordinairement aimable. La princesse Golitzine-Boris est venue aussi me voir et comme elle est partie, je ne pourrais lui rendre ma visite, que le printemps prochain; il y a du temps, comme vous voyez, et j'aurai tout le temps de me reposer. Voilà bien des details sur la famille Golitzine. Je vous fais mes compliments de félicitations et à nous de condoléance sur votre nomination; j'avoue, que l'idée de votre sejour à Varsovie me chagrine beaucoup; mais si cela vous arrange et que vous vous y plaisiez, je tâcherai de me faire raison et de me consoler de votre absence par l'idée, que c'est pour votre bien. Vous savez, que nous avons chez nous la petite Agareff, que sa maman nous a laissée jusqu'à son retour d'Odessa, où elle est allée pour rejoindre son mari, et son absence durera jusqu'au Décembre. Adieu, chers et bons amis, je vous embrasse de toute la tendresse de mon coeur, ainsi que les chers enfants, mais plus tendrement Macha; j'avoue, que les larmes me viennent, quand je pense, que peut-être je ne la reverrai de longtemps.

29.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 14 septembre 1817. Sarsko-Sélo.

J'ai été bien fachée, ma bonne et chère amie, de savoir par votre dernière lettre, qui date depuis le 2 du courant, que vous n'ayez pas reçu de nos lettres depuis longtemps, nous qui avons écrit constamment, pour ne pas vous laisser dans l'ignorance de mon heureuse convalescence, sachant que tout ce qui nous regarde de près, vous intéresse par l'attachement que vous nous portez. J'espère, qu'à l'heure qu'il est, vous êtes instruite et sur ce qui nous regarde et surtout sur ce qui vous touche et votre établissement à Varsovie; je vous répéterai ce que je vous ai déja dit dans une de mes lettres, que je serai bien triste de ne plus vous retrouver à Moscou; mais si vous êtes bien là, je tâcherai de me consoler par l'idée de votre bien être. Demain ou après demain nous partons pour Pétersbourg, où je ne suis pas allée une fois depuis quatre mois que je l'ai quitté. La cour est déja depuis huit jours dans la capitale et va la quitter le 23, pour aller à Moscou, ou je vous désire bien de plaisirs, qui sûrement ne vous manqueront pas. S. M. l'Empereur sûrement vous parlera de nous, puisqu'il nous a demandé des commissions pour vous; n'oubliez pas de lui dire, combien nous sommes heureux de ses bontés.

Je vous fais mes compliments sur votre jour de nom et de naissance; vous ne doutez pas de tous les voeux que je forme pour votre bonheur; je suis fachée de ne pas être auprès de vous; cela ne nous empêchera pas du moins de boire avec affection à votre santé. Vous féliciterez aussi votre mari en l'embrassant tendrement, je suppose, qu'il est déja auprès de vous. J'embrasse de tout mon coeur les chers enfants et la maman ensemble.

Toute à vous C. Karamsine.

Приписка Н. М. Карамзина.

Отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшая княгиня, со днемъ именинъ и рожденія вашего, равно какъ и любезнѣйшаго князя. Будьте благополучны и веселы съ вашими милыми малютками. Сто разъ мысленно васъ обнимаю. Писали ли вы къ Новосильцову? Спѣшу дописывать *нѣчто о Москвѣ* [38]) для Императрицы. Простите до Петербурга.

30.

С.-Петербургъ. 2 октября 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Мы давно не писали къ вамъ, а вы къ намъ. Съ переѣзда нашего въ городъ у меня было не мало хлопотъ типографскихъ. Надобно держать себя въ *латахъ твердости*. Еще мѣсяца три: доживу ли до того времени, чтобы опять писать Исторію, и спокойно, и съ благодарностію къ Богу и народу!

Со дворомъ разстались мы хорошо, то-есть, съ Государемъ и съ двумя Императрицами. Скажите намъ объ нихъ, о блескѣ Москвы etc. У насъ остался только Арзамасъ и типографіи. Еще не имѣемъ духа ѣздить съ визитами.

Любезный Жуковскій живая грамота. Главное то, что мы, благодаря Богу, здоровы, или почти здоровы. Петербургъ не Царское Село: лишь пріѣхали сюда, то и за докторомъ! Грустно знать намъ, что у милой моей крестницы болятъ глаза. Лучше ли ей?

Н. Н. Новосильцовъ ѣдетъ къ вамъ; но я еще не видался съ нимъ въ Петербургѣ: былъ у него, и не засталъ дома. Признаюсь, не могу не жалѣть о томъ, что ѣдете отъ насъ далеко. Но да будетъ воля Божія и ваша!

Простите, друзья любезнѣйшіе. Богъ съ вами и нами! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes chers et bons amis, il y a longtemps, que nous n'avons eu de vos nouvelles; il y a aussi quelque temps que nous

ne vous avons écrit; de petits embarras ont produit le grand empêchement de notre correspondance. Mon mari a fait un petit mémoire pour l'Impératrice Marie sur Moscou, et moi, en fidèle copiste, j'ai du le recopier pour l'Impératrice Elisabeth; ajoutez à cela la lecture des *épreuves*; les visites d'adieu à la cour, les visites de bonjour à la ville, et vous aurez le total de notre activité. Vous n'avez pas eu les mêmes raisons, vous nous parlez toujours de votre tranquillité d'Astafiiévo. C'est un séjour très propre à faire écrire des épîtres à ses amis: dans ce moment, malgré votre raison philosophique, je crois que vous êtes occupé, comme les autres, de l'arrivé de vos Augustes *Hôtes*. Donnez nous en des nouvelles, ainsi de ce que vous ferez tout ce temps. Vous me parlez, mon cher prince Pierre, de *votre* princesse Golitzine, je vous prie de croire qu'elle est *nôtre* aussi, car nous sommes au mieux, et ce que vous n'avez pas compris à l'épithete *d'aimable extraordinairement* est cependant tout simple, quand il s'agit d'elle, car en effet on ne peut être moins *ordinaire*. M-r Joukoffsky, qui est le porteur de celle-ci, vous racontera une scène de notre première entrevue et dont il était le héros et le spectateur. Adieu, mes bons et chers amis, je fais des voeux pour votre bonheur et votre santé à tous, et particulièrement pour les chers et beaux yeux de милая Macha, que je serre contre mon coeur. J'embrasse tendrement toute la petite famille avec papa et maman.

31.

С.-Петербургъ. 18 октября 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Въ самомъ дѣлѣ мы удивились, что вы до 8 октября дожили въ Остафьевѣ какъ философы, смотря издали на московское треволненіе! По крайней мѣрѣ теперь вы уже не философствуете: всему есть пора и время. Нетерпѣливо желаемъ знать, на что̀ вы рѣшитесь по свиданіи съ Николаемъ Николаевичемъ: въ Москвѣ ли пробудете до весны, или отправитесь зимою въ Варшаву.

А мы живемъ почти какъ въ деревнѣ и теперь безпокоимся о малюткѣ, у котораго занемогла кормилица: беремъ другую. Здѣш-

ній воздухъ не очень здоровъ для насъ: только переѣхали—и за докторомъ. Люди также больны, человѣка четыре.

Ждемъ отъ васъ вѣстей о московскихъ весельяхъ. Между тѣмъ читаю корректуры и люблю васъ всею душею, милые друзья. Обнимите за меня Жуковскаго и Сѣверина.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonne nuit, mes bons amis, il est une heure, et l'ami Tourguéneff vient de nous quitter, qui nous a lu votre épitre, mon cher prince Pierre; je vous prie de ne pas présenter le respectable Moscou dans un cadre si ridicule; vous lui tournez le dos et nous la face; vous le quittez et nous allons y entrer: mais ne vous agitez pas au mot de *rentrer*: ce n'est que pour l'été. Pour le moment, le plus pressé est d'entrer dans son lit, après avoir été agitée toute la journée par le choix des nourrices. Ma chère princesse Véra, vous y allez grand train! reposez vous! il n'y a que quelques mois, et déja encore ronde. Ronde ou svelte, je vous aime et vous embrasse de tout mon cour, ainsi que la chère petite famille.

32.

С.-Петербургъ. 5 ноября 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы говорите о болѣзни Митеньки и вашемъ безпокойствѣ: дай Богъ, чтобы все это уже кончилось, и вы были уже спокойны! Мы перемѣнили кормилицу, малютка до сего времени здоровъ, прочіе также. Люди наши выздоравливаютъ; а было время, что одинъ Ефимъ служилъ намъ за столомъ. Часто, и не безъ сердечнаго сожалѣнія, думаемъ о вашемъ скоромъ отъѣздѣ. Все дѣлается по какимъ-то законамъ: слѣдственно, и вамъ, какъ видно, рокъ ѣхать въ Варшаву, хотя у меня по сіе время и не лежитъ къ этому сердце. Вы дорогою цѣною платите за чинъ. Такъ и быть: дѣло сдѣлано. Вы могли бы остаться въ Москвѣ до лѣта; но съ другой стороны, вамъ не худо быть въ Варшавѣ, когда будетъ тамъ Государь. Уѣхалъ Новосильцовъ или еще въ Москвѣ? Живемъ тихо:

Работа моихъ глазъ продолжается. Видимъ не многихъ людей. Разъ въ недѣлю обѣдаю у канцлера, изрѣдка у графа Брея [39]). По вечерамъ Плещеевъ [40]) читаетъ намъ иногда комедіи, и прекрасно. Собираюсь ѣхать завтра къ Шишкову, гдѣ увижу Шаховского съ братіею. О будущемъ мало думаю, оставляя все на волю Божію. Простите, любезнѣйшіе. Скажите, что̀ у васъ дѣлается? На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

Прошу васъ, любезнѣйшій князь, сказать Ивану Иванову или по старому Ванюшѣ, чтобы онъ написалъ ко мнѣ о нашихъ людяхъ и объ расходѣ на нихъ: я пришлю къ нему деньги, чтобъ включилъ въ расходъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mes chers et bons amis; nous venons de lire dans la lettre de m-me Rébinine que le cher prince Pierre veut venir nous voir avant de se séparer de nous pour des temps illimités. Helas! au moment que nous ferons nos paquets pour aller à Moscou, vous aurez déjà fait les vôtres pour aller à *Varsovie*, et Dieu sait, quand nous nous réunions. Il parait, que votre départ n'est pas du tout fixé, au moins le temps du départ, peut-être trainerez-vous jusqu'au mois d'aout — époque à laquelle nous avons decidé notre retour à Moscou. Je suis triste de ne pouvoir espérer vous voir, chère princesse Véra, ainsi que les chers enfants, ils grandiront sans connaître des personnes qui les aiment, comme leurs propres enfants; helas! telle est la vie. M-me Severine dit, je suppose, qu'il n'y a rien de beau, comme la vie, Dieu veuille qu'elle le dise longtemps. Vous pourriez lui faire quelques reproches cependant de ce que l'amour fait si fortement négliger l'amitié. Notre ami Tourguéneff est plus constant, il ne nous néglige pas et vient souvent nous voir; peut-être parce qu'il n'est pas amoureux. Mais à-propos de Severine: avez vous reçu, chère princesse Vera, vos robes de Paris; pour moi j'attends des souliers depuis six mois, et si vous avez l'occasion et que vous trouvez l'apropos de dire à Severine que le mois d'Octobre s'est écoulé sans m'apporter des souliers et suis-je reservée à voir aussi le mois de Novembre partir sans posséder ma chaussure, si ardemment désirée.

Pour les dentelles, ma chère, si elles sont jolies dans leur genre et qu'elles soyent bon marché, vous me ferez plaisir de les envoyer tout de suite par la poste; en cas contraire, qu'elles ne soyent ni jolies, ni bon marché, je n'en veux pas. Mais en tout cas dites en grâce mille amitiés de ma part à la chère et bonne m-me Kacheleff, ainsi qu'aux demoiselles, et remerciez les d'avoir pensé à moi.

33.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 29 novembre 1817. Saint-Petersbourg.

Bonjour, mes chers et bons amis; nous sommes bien contents de vous savoir au moins bien portants, ne pouvant vous croire heureux. Nous avons été bien inquiets nous mêmes tous ces jours-ci, nos trois garçons étant touchés tous malades d'une grippe, qui règne ici parmi les enfants. Sacha surtout a été très souffrant, son mal étant accompagné de beaucoup de chaleur; dans ce moment, grâce au Ciel, ils vont un peu mieux et je n'ai plus d'angoisses. Que cette idée est triste, mes bons amis, celle de nous quitter, sans savoir quand le sort nous réunira, voilà bientot deux ans que nous vivons separés, car pour ce peu de moments que nous vous avons vus, mon bien aimé prince Pierre, je regarde cette apparition que vous avez faite à Sarsko Sélo, comme un rève interrompu par plusieurs réveils. Je fais des voeux ardents, pour que cette séparation vous soit utile et vous rapporte bien des agréments. Mais en attendant, soyez un peu plus endurant et ne vous découragez pas sitôt; et qu'un peu plus ou moins de monde chez votre chef ne vous effraye pas. Nous allons perdre d'ici pour notre part deux hommes intéressants, m-r Bloudoff et m-r Batuchkoff, le premier va bientot à Moscou et puis à Londres, comme vous le savez, je suppose, et le dernier vient de perdre son père et part pour ses terres; ce n'est qu'une course de quelques semaines; il se rappelle à votre souvenir. Et vous en revanche, dites mille amitiés au bon m-r Joukoffsky; dites lui combien sa douce société nous manque et que nous nous en rappellons toujours avec plaisir et avec regret; que

je m'occupe beaucoup à étudier le *personnage en question* et que je commence à y songer très sérieusement et que je commencerai à établir les batteries après avoir encore sondé le terrain. Adieu, mes bons et chers amis, que le Ciel veille sur vous et vous accorde santé et tranquillité. J'embrasse de tout mon coeur les chères petites.

Je suis très inquiète pour m-me Rébinine, elle ne m'a pas écrit par le dernier courrier, en grace donnez moi de ses nouvelles et qu'elle espèce d'indisposition elle a.

Приписка Н. М. Карамзина.

Обнимаю васъ отъ всего сердца, любезнѣйшіе друзья. Мы не перестаемъ раздѣлять съ вами горестныя извѣстія, моля Бога, чтобы милая Маша своими прелестными ласками замѣнила вамъ тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ. Думаемъ о вашемъ путешествіи: хорошо ли сдѣлаете, если поѣдете въ Варшаву прежде Новосильцова? А онъ, вѣроятно, не разстанется съ дворомъ до его отъѣзда изъ Москвы. На той почтѣ буду писать болѣе. Еще разъ васъ обнимаю.

34.

С.-Петербургъ, 10 декабря 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Съ Д. Н. Блудовымъ скажу вамъ нѣсколько словъ. Мы его липнлись: скоро онъ и вамъ поклонится. Жаль, что такіе люди не употребляются съ истинною пользою для Россіи [41]). На первой почтѣ напишу брату Василью Михайловичу о вашемъ дѣлѣ, милый князь; но совѣтую вамъ отнестись и къ губернатору Магницкому: надѣюсь, что онъ захочетъ сдѣлать вамъ пріятное. Нѣтъ нужды сказывать, какъ часто объ васъ думаемъ, любезнѣйшіе! Сердце ваше еще не скоро отдохнетъ. Вы поѣдете изъ Москвы, но будете обращаться къ ней мысленно: Варшава холодна передъ нею. Если будемъ живы, то около августа подвинемся къ вашимъ и нашимъ милымъ незабвеннымъ. Желаю, чтобы вы были довольны Николаемъ Николаевичемъ и сблизились съ нимъ. Мы, слава Богу, почти совсѣмъ здоровы. Выѣзжали раза два по вечерамъ; но

дома веселѣе, пока служатъ глаза для чтенія. Обнимите за меня нѣжно добраго поэта Жуковскаго и добраго дипломата Сѣверина [42]). Васъ же самъ обнимаю, отца, мать и дѣтей, въ особенности свою милую крестницу, по и Параскева, сказываютъ, очень мила. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse avec tendresse, mes chers amis; nous voilà ou plutôt me voilà confinée dans la chambre sans oser mettre ma figure dehors, parceque nous avons un froid superbe jusqu'après de 30 degrés, ce qui m'a fait manquer un diner à six heures chez la princesse Golitzine *l'Aspasie*. Je ne sais si j'aurais même le courage de sortir aujourd'hui, quoique il y ait moins de 20 degrés. Grace soit rendue au Ciel que malgré le froid, qui pénètre aussi dans nos appartements, les enfants le supportent très bien, quoique quelques jours avant ils aient souffert de la grippe. Adieu, mes bons amis, que le ciel vous accorde de la santé et de la tranquillité.

35.

С.-Петербургъ. 24 декабря 1817.

Здравствуйте, милые друзья! Благодаримъ васъ за два дружескія письма. Я было занемогъ, и для того пропустилъ почту безъ отвѣта на первое. Мы тронуты вашимъ обѣщаніемъ, добрый нашъ князь Петръ, пріѣхать къ намъ до вашего отъѣзда въ Варшаву; но никакъ не убѣждаемъ васъ исполнить его: вамъ не легко разстаться съ любезнѣйшею княгинею и съ дѣтьми; эта жертва слишкомъ дорога, и наше удовольствіе не будетъ полное. Говоримъ вамъ искренно. Знаемъ, чувствуемъ, какъ вы оба еще грустны: тѣмъ горестнѣе была бы для васъ разлука. Вмѣстѣ грустить легче. Не надобно давать новой пищи печальному воображенію. Довольно, что эта мысль ваша дала намъ съ умиленіемъ почувствовать всю вашу дружбу ко мнѣ и Катеринѣ Андреевнѣ, за что мысленно смотримъ на васъ сквозь слезы и нѣжно цѣлуемъ друга. Я не совсѣмъ здоровъ, а у Катерины Андреевны пухнетъ нога къ моему без-

покойству. Впрочемъ не гнѣвимъ Бога. Занимаюсь остальными корректурами, опечатками, переплетчиками. Добрый Тургеневъ бываетъ у насъ часто, раза 3—4 въ недѣлю, и говоритъ о дѣлахъ съ необыкновенною для него живостію. Второй нашъ усердный собесѣдникъ есть Кривцовъ, добрый esprit-fort, а третій—поэтъ Пушкинъ, который у насъ въ домѣ смертельно влюбился въ Пиѳію Голицину и теперь уже проводитъ у нее вечера: лжетъ отъ любви, сердится отъ любви, только еще не пишетъ отъ любви. Признаюсь, что я не влюбился бы въ Пиѳію: отъ ея трезубца пышетъ не огнемъ, а холодомъ [43]). Простите, любезнѣйшіе. Обнимаю сперва васъ, дѣтей, а тамъ Жуковскаго, Сѣверина и Блудова, Блудова и Сѣверина. Богъ съ вами. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je ne vous félicite pas avec les fêtes, mes chers et bons amis, on ne félicite pas les êtres souffrants, mais on fait des voeux; les miens sont ardents pour votre prospérité future; que jamais, jamais les moments affreux que vous avez passés ne se renouvellent plus pour vous. J'ai été bien inquiète pour mon mari; grâce à Dieu, que cette inquiétude n'a duré que quelques heures. Adieu, mes tendres amis, je n'ai que le temps de vous embrasser, de vous dire, combien l'idée de vous revoir, mon cher prince Pierre, encore une fois avant votre départ m'attendrie; mais je n'ose le désirer, en songeant à la peine de la chère princesse Véra. Dans ce moment nous allons pour entendre la messe, sûrement vous ne serez pas oubliés dans nos prières, chers amis. Dites moi, chère princesse Véra, combien dois-je vous envoyer pour les jolies dentelles que vous m'avez procurées. Si on pouvait encore avoir de la plus large quelques archines, cela m'arrangerait beaucoup.

36.

(Начало января 1818).

Поздравляю васъ, любезнѣйшіе друзья, съ новымъ годомъ, то-есть, желаю, чтобы 1818 ничѣмъ не ранилъ вашего добраго сердца, а залѣчилъ бы въ немъ прежнія раны утѣшеніями всякаго

рода. Я встрѣтилъ его не совсѣмъ хорошо: два раза имѣлъ простудную лихорадку, и теперь еще не здоровъ: даже не хожу по утру! Итакъ вы скоро отправитесь въ Варшаву, которая съ сего времени сдѣлается для насъ интересною. Отъ всего сердца поручаемъ васъ милости Божіей. Такъ и быть: видно, вамъ надобно испытать и Николая Николаевича, и Варшаву! Поклонитесь отъ меня первому. Простите, любезнѣйшіе, голова не свѣжа. Скажите, милый князь, Ванюшѣ, чтобы онъ чрезъ васъ или прямо прислалъ мнѣ счетъ моимъ издержкамъ: я доставлю ему деньги. Обнимаю васъ четверыхъ.

37.

С.-Петербургъ. 10 генваря 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Я все нездоровъ: вотъ уже третья недѣля, какъ лежу или сижу на мѣстѣ. Вчера занемогла у насъ и Сонюшка; а я лучше сношу свою болѣзнь, нежели болѣзнь дѣтей. Она простудилась и кашляетъ, что̀ не хорошо для слабой груди. Все это болѣе и болѣе располагаетъ меня возвратиться въ Москву, когда управлюсь съ изданіемъ Исторіи.

Вотъ мой совѣтъ, любезнѣйшіе друзья, согласный съ вашимъ сердцемъ, а не разсудкомъ (по выраженію вашему, милой князь): поѣзжайте въ Варшаву вмѣстѣ, не разлучайтесь ни другъ съ другомъ, ни съ дѣтьми. Лучше заплатить деньгами, нежели сердечнымъ безпокойствомъ, въ этомъ случаѣ. Проживете тамъ нѣсколько мѣсяцевъ или годъ, и если найдете, что Варшава дорога, что въ ней можно болѣе прожить, нежели нажить добра, проситесь назадъ въ Россію. Надобно быть основательнымъ. Нехорошо для васъ показать Николаю Николаевичу, что вы, еще не вступивъ въ должность, уже думаете не оставаться при немъ. Вотъ какъ мышлю, и не смогу мыслить иначе, ставя себя на вашемъ мѣстѣ, что̀ мнѣ очень легко по той любви, которую къ вамъ имѣю. Вы знаете мой образъ мыслей о вашей службѣ: не снесете ея безъ дружбы съ начальникомъ, то-есть, безъ взаимной любви между имъ и вами. Жеребей брошенъ: вооружитесь нѣкоторымъ терпѣніемъ и прави-

лами строгой экономіи; а болѣе всего не забудьте платить долговъ казенныхъ въ ваше отсутствіе.

Простите, милые. Я не расположенъ ко многорѣчію. Это письмо отправляю, не дожидаясь Катерины Андреевны, которая усердно занимается счетомъ переплетенныхъ экземпляровъ моей Исторіи. Если вы уѣдете изъ Москвы до февраля, то пошлю къ вамъ экземпляръ въ Варшаву, прямо отсюда. Теперь остановка за генеалогическими таблицами и за переплетомъ.

Обнимаю васъ, любезнѣйшихъ, отъ полноты любящаго сердца, съ вашими милыми дѣтьми.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je trouve encore un moment et une place dans cette lettre pour vous souhaiter le bonsoir, mes bien bons et chers amis. Je suis tout à fait de l'avis de mon mari, pour que vous partiez ensemble; la raison et le sentiment s'unissent pour vous le prescrire. Hélas! tout en vous le conseillant, mon coeur se resserre à l'idée de votre éloignement. Moscou perd un grand charme à mes yeux, quand je songe, que je ne vous y retrouverai pas. La pensée, que c'est peut être pour votre bien, me console un peu et, si par malheur vous vous étiez trompés, nous nous reverrons bientôt. Que le Ciel veille sur vous et sur tout ce qui vous est cher: c'est presque faire un voeu egoïste. Embrassez aussi tendrement les enfants de ma part, que j'embrasse de toute ma tendresse le papa et la maman.

38.

С.-Петербургъ. 28 генваря 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Недѣль шесть у насъ все болѣзни въ домѣ: то я, то дѣти нездоровы. Дней 6 мы были въ тревогѣ отъ Катеньки: теперь ей лучше. Пріѣздъ Государевъ заставилъ меня выѣхать, чтобы поднести ему 8 томовъ Исторіи [44]); на другой день я у него имѣлъ честь обѣдать и быть въ кабинетѣ; а тамъ опять сидѣлъ дома и теперь еще не совсѣмъ здоровъ. Исторія моя отправилась къ Императрицамъ etc., но еще не вышла изъ переплета,

слѣдственно, и въ свѣтъ: надѣюсь, что это будетъ на сихъ дняхъ, и къ вамъ отправится экземпляръ. Вы, думаю, уже готовитесь къ отъѣзду: намъ грустно быть отъ васъ еще далѣе и собираться въ Москву, гдѣ уже не найдемъ васъ. Имѣемъ твердое намѣреніе поклониться Ивану Великому около августа или еще ранѣе. Едва ли поѣдемъ и въ Царское Село. Хорошо, еслибы удалось къ тому времени управиться съ книгою, то-есть, пристроить ее къ мѣсту и не грузить экземплярами нашего обоза при выѣздѣ отсюда; но мало надежды. Душевно радуюсь, что нашъ любезной поэтъ Жуковскій доволенъ своими обстоятельствами: обнимите его за насъ. Ждемъ Дмитрія Николаевича; а къ другому Дмитрію, то-есть, Петровичу, буду писать на той почтѣ. Простите, милые друзья. Нѣжно обнимаю васъ, крестную свою дочь и другую любезную малютку. Богъ съ вами и нами! Жду записки отъ Ванюши. Да прикажите справиться, получены ли отъ Катерины Андреевны деньги въ Воспитательномъ Домѣ?

О портретахъ хлопочемъ: за Соколовымъ посылаемъ.

Государь кланялся намъ отъ васъ, любезнѣйшая княгиня, и сказалъ мнѣ, чтобы Катерина Андреевна поручила ему вамъ кланяться.

39.

С.-Петербургъ. 15 февраля 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Здравствуйте въ Варшавѣ! Вы завезли туда и наше сердце. Польша сдѣлалась намъ своя: чего не бываетъ на свѣтѣ? Теперь болѣе, нежели по человѣколюбію, желаемъ, чтобы тамъ не было ни землетрясенія, ни пожаровъ, ни разбоевъ, чтобы воздухъ благорастворенный вливалъ въ людей здоровье съ весельемъ, и проч. и проч. [45]). Пишемъ къ вамъ съ Бороздинымъ [46]); посылаемъ наши Соколовскіе портреты и мою Исторію: глядите и читайте съ удовольствіемъ! Ждемъ отъ васъ писемъ съ дороги. Даемъ вамъ добрую вѣсть о своемъ здоровьѣ и продажѣ книги: ея разошлось до сегодня 1800 экземпляровъ; это не мало. Авось немного останется къ нашему отъѣзду въ августѣ или въ іюлѣ. Если будемъ живы, то непремѣнно отправимся въ Москву. Душа

моя не прильнула ни къ Петербургу, ни къ двору, не смотря на то, что душевно люблю Государя и обѣихъ Императрицъ; въ Москву же поѣдемъ не искать удовольствій, а доживать вѣкъ свой, какъ велитъ Богъ. Обрадуемся, когда намъ скажете, что ѣдете или пріѣхали благополучно. Дорога часто благопріятствуетъ здоровью дѣтей и беременныхъ. Надѣюсь, что переписка наша не затруднится отъ разстоянія. Не полѣнитесь написать подробно, какъ оснуете жизнь свою въ Варшавѣ, въ какомъ домѣ будете жить, съ кѣмъ болѣе видѣться, что̀ проживать, что̀ дѣлать: все хочется знать о тѣхъ, кого любишь. Съ горячностію и съ нѣжностію обнимаю васъ любезнѣйшихъ, родителей и дѣтей. Богъ съ вами и съ нами! Мой поклонъ Николаю Николаевичу. Простите.

Приписка Е. А. Карамзиной.

M'étant déja préparée à votre départ de Moscou, mes chers et bons amis, je ne m'étais pas préparée à éprouver la vive douleur que j'ai ressentie, en lisant pour la dernière fois votre lettre, datée de Moscou. L'idée de ne pouvoir fixer dans mon imagination le moment de notre réunion avait l'air de se présenter pour la première fois; ne pouvant rien de plus pour votre bonheur, mes chers amis, que de vous accompagner de mes voeux, j'en forme de bien ardents, pour que votre voyage et votre séjour à Varsovie soient aussi agréables que possible. Je songe déjà au serrement de coeur que j'éprouverai, en rentrant à Moscou et surtout à Astafiévo, dont j'espère que vous nous accorderez la jouissance. Adieu, mes chers amis, je vous serre contre mon coeur, père, mère et enfants, n'oubliez pas de parler de moi à Macha pour que je ne lui sois pas étrangère.

40.

С.-Петербургъ. 14 марта 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ васъ писемъ, тѣмъ болѣе, что слышали о непріятностяхъ пути вашего, хотя и не слыхали о главной, то-есть, вашей болѣзни, милой князь. Сердечно благодаримъ Бога, что это кончилось благополучно: вы

здоровы, и все хорошо! Не худо и то, что покража отыскалась; не худо и то, что Государь къ вамъ милостивъ. Въ дорогѣ, можетъ быть, совершился кризисъ, а теперь пойдетъ все какъ по маслу: вотъ желаніе дружбы! [47]) Мы къ вамъ писали и послали Исторію, вмѣстѣ съ нашими портретами, черезъ Бороздина; надѣемся, что все дошло до васъ. Другой экземпляръ Исторіи, для васъ назначенный, отосланъ въ Москву: не знаю, что съ нимъ сдѣлалось. Будемъ ждать, что вы намъ далѣе скажете о Варшавѣ, то-есть, о себѣ въ Варшавѣ, куда мысли наши часто теперь летаютъ. Нѣтъ отношенія, въ которомъ бы мы васъ не воображали: и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ. Наши вѣсти состоятъ въ томъ, что всѣ экземпляры Исторіи продались въ 25 дней: это похоже на Англію. О второмъ изданіи помышляю, но боюсь лишиться времени для корректуръ. Теперь у насъ прибавилось доходу 5000 р., не болѣе, а намъ надобно и въ Москвѣ еще тысячъ пять въ прибавокъ, чтобы жить безъ долгу. Мы, слава Богу, здоровы, кромѣ того, что вчера за обѣдомъ остановилась у меня въ горлѣ рыбья кость и не проходитъ: впрочемъ это не сильно безпокоитъ меня. Нѣжно поцѣлуйте за меня милую крестницу и милую незнакомку. Всего болѣе обрадуемся, когда получимъ увѣдомленіе о благополучномъ разрѣшеніи любезнѣйшей княгини. Богъ съ вами, милые друзья. Обнимаю васъ со всею дружескою горячностію. Надѣемся, что вы не будете долго оставлять насъ безъ писемъ, хотя Варшава и не Москва. Любите насъ всегда, какъ мы васъ любимъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Къ Великому Князю [48]) я уже давно отправилъ экземпляръ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Combien d'inquiétudes nous avons éprouvé à votre sujet, mes très chers et bons amis; votre lettre ne m'a pas tout-à-fait tranquillisé, et je ne serai parfaitement rassurée sur votre santé, mon bien cher ami, qu'en recevant encore une épître, qui nous apporte la bonne assurance, que vous êtes parfaitement bien portant. Je forme des voeux, pour que le séjour de Varsovie ne vous fasse pas regretter celui de Moscou et que vous vous y trouviez en tranquillité et bonheur. D'après cela vous sentez, combien je suis peu égoiste,

en désirant votre bonheur au dépand du mien, car sûrement il me faut de la résignation à l'idée, que nous sommes séparés pour une éternité, puisque l'incertitude du temps de l'absence en tient lieu. Au moins, mes chers amis, donnez nous des détails sur tout, sur tout ce qui a rapport à vous, pour que nous puissions au moins nous transporter parmi vous, helas, au moins en idée, et nous retrouver à peu près, comme vous êtes en realité. Adieu, chers et bons amis. Croyez à l'attachement tendre de votre vraie amie. Mille tendres baisers à la chère Macha et à sa petite soeur.

41.

С.-Петербургъ. 8 апрѣля 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Здравствуйте въ Варшавѣ! Пишемъ къ вамъ въ третій разъ, отъ васъ же получили только два письма. Съ нетерпѣніемъ ждемъ извѣстія объ умноженіи вашего милаго семейства. Первое наше желаніе, чтобы вы были здоровы; второе, чтобы имѣли причину не скучать службою, ни расходами; третіе, чтобы веселились въ блестящемъ Варшавскомъ свѣтѣ. Мы такъ васъ любимъ, что не завидуемъ вамъ даже и въ великолѣпномъ зрѣлищѣ сейма. Переводъ вашъ, любезнѣйшій князь, читалъ я съ живѣйшимъ участіемъ: онъ хорошъ; со временемъ будетъ у васъ болѣе легкости въ слогѣ. Libéralité принадлежитъ къ неологизму нашего времени: я не мастеръ переводить такихъ словъ. Знаю *свободу*: изъ нее можно сдѣлать *свободность*, если угодно. Libéral въ нынѣшнемъ смыслѣ *свободный*; а *законно-свободный* есть прибавокъ. Въ старину говорили, что законъ съ свободою живутъ какъ кошка съ собакою. Всякой законъ (гражданскій) есть неволя. Но это *глубоко* и заведетъ насъ *далеко*. Радуюсь всему хорошему, что̀ быть можетъ, и говорю: дай Богъ! Радуемся тому, что васъ посѣтилъ нашъ добрый Государь; радуемся, что онъ велѣлъ намъ кланяться [49]). О себѣ скажемъ вамъ, любезнѣйшіе, что мы, слава Богу, здоровы. Живемъ, какъ и прежде: тихо, уединенно. Наконецъ, опять мараю Исторію (а съ лишнимъ ея у васъ экземпляромъ дѣлайте, что̀ хотите; уступите желающему за сходную цѣну или подарите, или возвратите мнѣ при случаѣ). Занимаюсь перегово-

рами о новомъ изданіи; но это, думаю, не удержитъ насъ въ Петербургѣ. Августъ и Москва у насъ въ головѣ, хотя и люблю Петербургъ. На всякой случай напишите къ Вапюшѣ или къ кому слѣдуетъ, чтобы насъ пустили въ Остафьево около августа; а о домѣ въ городѣ будемъ писать къ Рябининымъ. Вотъ наши вѣсти: давайте намъ вашихъ какъ можно болѣе и пріятнѣе. Обнимаю васъ со всею дружескою горячностію. Цѣлую милую Машу и незнакомку. Богъ съ вами и съ нами! Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse bien tendrement, mon bon et cher ami. Je suis fachée de ce que nos portraits ne vous aient pas satisfait; ce n'est pas faute d'avoir été dociles aux séances, mais au reste vous êtes trop difficile; tout le monde ici les a trouvés ressemblants. N'avez vous pas un peu oublié nos figures par hazard? Réellement ce ne serait rien de merveilleux parmi ce flux defigures nouvelles que vous voyez tous les jours, et ce fâtras de nouvelles nouvelles, dont vous êtes témoin. Je fais des voeux ardents, primo, pour que vous vous portiez tous bien, et puis que Varsovie ne devienne pas patrie pour vous, mais un théâtre, où vous trouvez du plaisir à passer quelques instants de votre vie, et que vous en sortiez satisfait. Si par aventure vous trouvez encore l'occasion de parler à Sa Majesté, dites lui, combien nous sommes heureux et sensibles à son souvenir, que nous attendons avec impatience le moment, où de vive voix nous pourrons le lui répéter. Dites aussi au comte Capodistras, combien nous l'aimons et regrettons de ne le pas voir. Adieu, mon cher et bien aimé prince Pierre. Embrassez tendrement votre paresseuse de femme et la chère Macha, ainsi que sa soeur.

P. S. Je vous prie de ne plus trainer nos lettres dans votre Varsovie.

42.

С.-Петербургъ. 29 апрѣля 1818.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Вчера получили мы отъ васъ вдругъ три письма отъ разныхъ чиселъ. Всѣ ваши вѣсти

любопытны, но ждемъ важнѣйшей о благополучномъ рожденіи князя или княжны Вяземскихъ. Жаль, что вы не сказали намъ ни слова о томъ, какъ Государь простился *съ вами*, и какъ былъ въ теченіе сего интереснаго для васъ мѣсяца. Вы видѣли торжественное собраніе депутатовъ *законно-свободнаго* народа; слышали рѣчи, пренія, сердце у васъ билось сильно, а мы ничего не видали, ничего не слыхали, кромѣ того, о чемъ сказать нечего. Живемъ въ Петербургѣ почти какъ въ деревнѣ: тихо, смирно; отъ того я и полюбилъ его. Однакожь помышляемъ о возвращеніи въ Москву къ концу лѣта. Второе изданіе Исторіи продалъ я книгопродавцамъ въ долгъ на 5 лѣтъ за 50 тысячъ. Теперь занимаюсь опять продолженіемъ, но не очень успѣшно. Дѣти наши, слава Богу, здоровы, кромѣ малютки Николая, у котораго тяжело идутъ зубы. Дѣвицы рисуютъ, танцуютъ, бренчатъ на клавесинѣ; Андрей упрямится, Саша любезничаетъ. У васъ жары, у насъ холодъ, и сухой. Дай Богъ, чтобы не было худого года. Арзамасъ разъѣхался: Блудовъ въ Лондонъ, Тургеневъ въ Москву на крестины новорожденнаго Александра, Батюшковъ въ Тавриду, Полетика въ Америку [50]). Какой расходъ на добрыхъ людей! Простите, милые друзья! Цѣлуемъ нѣжно васъ, Машу, Параскеву и будущаго, можетъ быть, уже настоящаго въ сію минуту. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Какъ вы съ Николаемъ Николаевичемъ?

Приписка Е. А. Карамзиной.

Quelle moisson de vos lettres nous avons eue hier, mon cher et bon ami; j'en ai été contente le premier moment et me suis fachée le second contre l'inexactitude des couriers; voyons, si la poste sera plus exacte? Avec quelle impatience nous attendons la nouvelle, qui nous annoncera l'heureux accouchement de la chère princesse Véra que j'embrasse de tout mon coeur et que j'aime de même. Parlez nous de votre genre d'existence, peignez nous si bien Varsovie et ses personnages, qu'elles ne nous paraissent plus étrangères. Quand nous pensons à vous (ce qui arrive bien souvent), que nous sachions à vous prendre, avec qui vous voir et savoir, de quelle humeur, dans quelles dispositions vous êtes, quand vous

vous trouvez dans telle ou telle société. Ne faites pas le pareusseux et vous réussirez parfaitement à me satisfaire. En attendant, je vous dirai que mon mari vous induit en erreur, en vous parlant des caprices d'André; les deux frères ont changé de rôle: le cadet est devenu insupportable, capricieux, et l'ainé se forme et devient garçon distingué, mais par habitude nous gâtons toujours le séduisant Sachka. Mon mari calomnie aussi le temps, qui depuis huit jours est superbe. Plaignez nous, nous n'avons plus de maison à Sarsko-Sélo, malgré les promesses, les assurances réitérées de Sa Majesté, il nous a flambé la maison. Adieu, je vous embrasse tous bien tendrement, grands et petits.

43.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 20 Mai 1818. Saint-Petersbourg.

C'est du fond de notre coeur, que nous avons remercié le bon Dieu, de l'heureuse délivrance de la chère princesse Véra. Que le nouveau venu *Nicolas* soit le précuseur de tout ce qui doit vous arriver d'heureux, et qu'il soit la douce consolation de tout ce que vous avez souffert: ce sont les voeux que nous avons formés en famille, mes bien chers et bons amis, en buvant à votre santé de tous, nous avons même fait participer notre Nicolas malgré la grimace, qu'il fasait, en avalant sa goutte de Malaga. J'espère, que la chère accouchée à la réception de celle-ci sera déjà parfaitement remise, et qu'elle me fera le plaisir dans la suite de me donner quelques détails sur ce qui la regarde, sur son genre de vie, sur les personnes, qu'elle verra, les liaisons, qu'elle fera; et comme vous me dites, chère amie, qu'en cas que je veuille vous faire des reproches sur votre silence, vous m'ecrirez de longues lettres pour m'en punir, comme les dernières très aimables que vous avez envoyées; ainsi prenez garde à votre engagement: vous risquez de recevoir de mes reproches dans toutes les lettres, qui vous arriveront de nous. Mais très serieusement, ma chère princesse Véra, ne faites pas la paresseuse et écrivez avec détail tout ce qui vous regarde,

à des personnes dont vous connaissez et l'amitié et le tendre intérêt, qu'elles vous portent; pour le prince Pierre, il me fâche avec sa susceptibilité de *translateur* et de puriste de la langue russe; j'aimerais bien mieux que ses lettres contiennent des nouvelles sur son établissement dans votre fameuse république, quels sont ses fonctions dans ce moment, qu'il n'y a plus de *discours* à traduire. Comment se trouve-t-il avec son chef? Voilà ce que vous devez nous dire, mon bon et cher ami. Pour ce qui est de nous, mes chers amis, nous nous morfondons malgré le feu allumé dans les poêles dans les cheminées: au mois de Mai nous jouissons de la température de celui d'Octobre et au lieu de vos beaux marronniers, nous n'avons d'ombre que celle des branches de tilleuls, qui sont toutes noires encore, car la végétation a l'air d'être contremandée pour ce printemps. Il n'y a pas de mal sans bien, ce mauvais temps fait, que nous regrettons moins S. Selo, où pour cet été nous n'avons plus de maison. Quant à la famille, je n'ai que des grâces à rendre au Très Haut, nous nous portons tous bien, de temps en temps il y a bien toujours quelque petite indisposition tantôt chez l'un, tantôt chez l'autre; mais je ne m'en plains jamais, pourvu qu'il m'épargne les catastrophes; pour tout le reste je suis resignée. Adieu, mes bons et chers amis. Je vous embrasse aussi tendrement que je vous aime, ainsi que ma chère Macha et mes inconnus. Je vous remercie de me rappeller au souvenir de la prémière. Dieu sait, hélas, quand nous nous reverrons? Il faut avouer cependant, que c'est une triste chose que la séparation.

Приписка Н. М. Карамзина.

Примите мое сердечное, радостное поздравленіе, любезнѣйшіе друзья. Обнимаю съ нѣжностію всѣхъ васъ и своего теску новорожденнаго. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстій о здоровьѣ вашемъ и Николая *Варшавского*. Кто въ вашей землѣ, почти Мордовской, былъ его воспріемникомъ отъ купели? Я почти сердитъ на васъ, милой князь, что вы такъ мало говорите намъ о себѣ, о вашемъ мѣстѣ, о вашихъ видахъ или предположеніяхъ на будущее, наконецъ объ издержкахъ: ибо это не послѣднее въ нашемъ коммерческомъ столѣтіи. Переводомъ вашимъ я доволенъ;

только нѣкоторыя слова перевелъ бы иначе. Напримѣръ, *je tiens* не есть *дорожу* ни въ какомъ смыслѣ. Но это завело бы насъ въ большія подробности. Довольно, что я вообще нахожу переводъ весьма хорошимъ, прибавлю еще: *много-обѣщающимъ* [51]). Обнимаю васъ, милыхъ, еще разъ. Будьте здоровы и благополучны. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

44.

С.-Петербургъ. 30 мая 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Благодаримъ васъ сердечно за прекрасныя вѣсти о вашемъ здоровьѣ. Дай Богъ, чтобъ малютка былъ здоровъ совершенно. Выкормивъ сестру, кормилица, какъ надѣемся, выкормитъ счастливо и брата. Русское молоко питательнѣе польскаго конституціоннаго. Мы съ сердечнымъ удовольствіемъ читали, что любезная княгиня говоритъ и о своемъ здоровьѣ, и о расположеніи души своей: дѣлайте всегда другъ друга счастливыми! Въ супружествѣ нельзя быть счастливымъ одному. Желаемъ всегда получать отъ васъ такія письма, потому что любимъ васъ истинно. Вотъ способъ и чужую сторону обращать въ свою! Такъ и мы живемъ въ Петербургѣ *какъ дома*. Съ нѣкотораго времени однакожь мнѣ опять сильно захотѣлось въ Москву. Боюсь, чтобы второе изданіе Исторіи не задержало насъ здѣсь: едва ли можетъ оно печататься безъ меня. Теперь жалѣю, что продалъ это изданіе книгопродавцамъ. Нельзя воротить слова. Смѣло переводите régence, régent *правленіе* и *правитель*, а gouvernement *правительство*, administratif *управительный*; но attribution лучше *принадлежность*, нежели *присвоеніе*, которое значитъ другое. Foncière не *поземельная*, а *недвижимая*. Не сказалъ бы я ни *узакониться*, ни *укорениться*: лучше *вступить въ подданство*, *сдѣлаться гражданиномъ* и проч. *Туземецъ* хорошо [52]).

Князя Голицына я видѣлъ у князя Голицына; онъ хотѣлъ быть у насъ. Очень благодаренъ за портретъ Государевъ: мы поставимъ его въ раму и на стѣну. Ждемъ продолженія вашихъ добрыхъ вѣстей, любезнѣйшіе, и съ нѣжностію обнимаемъ васъ пятерыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Прилагаю, любезнѣйшій князь, записку О. П. Козадавлева о племянникѣ его Деболи и убѣдительно прошу васъ сдѣлать все, что можете, для доставленія ему мѣста черезъ Николая Николаевича.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse, mes bons amis, de tout mon coeur. Comme je suis en société de m-rs Tourguénew et Pouchkine, qui vous embrassent et vous disent mille amitiés, s'entend vous, mon cher prince Pierre. Pour vous, chère princesse Véra, vous n'aurez que mon accolade, mais elle est toute amicale. Une plus longue épître par le courrier prochain.

45.

С.-Петербургъ. 27 іюня 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Поздравляемъ васъ съ приведеніемъ въ христіанскую вѣру моего тезки. Желаю ему быть вторымъ *святымъ княземъ* Николаемъ, достойнымъ потомкомъ Св. Владиміра. Между тѣмъ дай Богъ, чтобы онъ былъ здоровѣе тѣломъ, освятивъ свою маленькую душу христіанскою купелію. Вмѣстѣ съ вами порадовались мы пріѣзду въ Варшаву Оболенскихъ и Огаревой; но вѣроятно, что они уже давно уѣхали, и вы опять только съ Варшавою! Тамошняя скука ваша есть добродѣтель въ моихъ глазахъ: мнѣ бы грустно было, если бы вы веселились съ Поляками, хотя мы и должны любить ихъ по христіанству и человѣчеству. Тургеневъ говоритъ, что вамъ слѣдуетъ чинъ надворнаго совѣтника: надобно, чтобы Николай Николаевичь объ этомъ представилъ. Не будьте слишкомъ деликатны: вы же переводите конституцію душеспасительную и читаете г-жу Сталь о конституціи душеспасительной! Я самъ почти *обратился* въ конституцію. Соглашаюсь съ вами, что m-me Сталь достойна носить штаны на томъ свѣтѣ. Шутки въ сторону: она пишетъ умно, но не всегда основательно. Мы читаемъ ее теперь вмѣстѣ съ женою. Видимъ дворъ. Собираемся въ Петергофъ и въ Царское Село. Къ намъ всѣ милостивы по прежнему. Вѣроятно, что останемся здѣсь еще на годъ для вто-

рого изданія. Рѣшусь на то или другое въ іюлѣ, просмотрѣвъ первые листы. Обнимаю васъ милыхъ отъ мала до велика. Будьте здоровы и любите насъ. Вашъ Н. Карамзинъ.

Жена скажетъ вамъ о Сѣверинѣ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes bons et chers amis; mon mari me laisse le plus triste des sujets à traiter, en me chargeant de parler de Severine, l'être le plus malheureux certainement de Petersbourg: dans le moment, où il nous depeignait tout son bonheur, la Providence lui preparait le coup le plus affreux!.... Le lendemain sa femme n'existait plus. Des douleurs dans les intestins, qui ont durés neuf heures, ont épuisé la source d'une vie si faible qui a été encore affaiblie par six semaines d'indisposition, qui avaient précédé ce moment fatal. C'est à cette âme si douce, si pure et si ardente pour le bien, que le malheureux Severine a confié son bonheur sans calculer, que le corps, qui renfermait une ame si active pour tous les beaux sentiments, était trop faible et trop fragile pour y resister longtemps. Je ne puis vous dépeindre tout ce que j'ai éprouvé de pénible, en apprenant ce malheur dans des moments, où j'ai dû m'occuper des plus désagréables futilités de ma toilette qui m'est toujours un martyre, et dans ce moment plus que jamais. Mon mari est allé le voir encore hier; il n'a plus de douleur convulsive, comme dans le premier moment, mais une profondement sentie. Pour ce qui nous regarde personnellement, mes chers amis, je suis contente de l'idée que dans quelques jours nous serons à Sarsko Selo, grâce à Sa Majesté, mais avant nous allons à Peterhoff, encore grâce à Sa Majesté, je m'en serais dispensée, mais m-lles Karamzine ne l'entendent pas comme cela. J'avoue que je suis enchantée d'avoir revue la Famille Impériale et de l'avoir revue toujours dans les mêmes dispositions pour nous; mais je regrette la paisible tranquillité, qui vient de nous abandonner pour faire place à plus où moins d'agitation, mais toujours agitation. Adieu, mes chers et tendres amis, je vous embrasse, comme je vous aime de tout mon coeur en gros et en détail; mes enfants vous disent respect et amitié.

46.

Царское Село. 11 іюля 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Давно не имѣемъ отъ васъ писемъ; а между тѣмъ и сами давно къ вамъ не писали, отъ праздниковъ петергофскаго, ораніенбаумскаго и переѣзда въ Царское Село, откуда *анонимы* хотѣли было меня вытѣснить, но куда съ честію опять ввелъ насъ Государь, который по возвращеніи своемъ удивился, свѣдавъ, что нашъ домикъ, вопреки его приказанію, отданъ другому. И такъ мы на старомъ мѣстѣ; но осень уже подъ носомъ: того и смотри, что захочется камина. Между тѣмъ гуляемъ подъ тѣнію царскосельскихъ липъ и не завидуемъ вамъ, гуляющимъ подъ тѣнію каштановъ. Знаете ли, что мы почти рады вашей скукѣ варшавской? На мѣстную скуку у васъ есть лѣкарство въ семействѣ, въ полезныхъ упражненіяхъ въ стихахъ и въ прозѣ. Я доволенъ вашимъ экономическимъ счетомъ; но не хочу однакожь, чтобы вы оскорбляли свой желудокъ: не даромъ слово *быть* и *пить* однозвучно на разныхъ языкахъ. Пришлемъ вамъ похвальный листъ, если вы проживете въ Варшавѣ не болѣе сорока тысячь въ годъ. Мы сами не менѣе проживаемъ въ Петербургѣ, какъ ни экономимъ. Кажется, что останемся здѣсь еще на годъ, то-есть, что второе изданіе Исторіи не пуститъ меня въ Москву: ничто другое не удерживаетъ насъ въ Петербургѣ. У васъ тихо, у насъ также. Государь уѣхалъ въ городъ смотрѣть полки. Вдовствующая Императрица живетъ тамъ за болѣзнію Великой Княгини, къ которой пристала корь отъ Великаго Князя: по крайней мѣрѣ такъ намъ сказали. Вѣроятно, что всѣ будутъ здоровы черезъ нѣсколько дней. Время прекрасное, хотя я и нашелъ способъ простудиться. Жду опять корректуръ, однакожь не жалуюсь. Читаю нѣмецкій переводъ Исторіи, французской — и не знаю, гдѣ найду время для всего, что мнѣ дѣлать надобно. Хочется продолжать Исторію; хочется гулять, и проч. У меня теперь почти столько же работы, какъ у генерала Писарева или у Глинки; но не имѣю ихъ генія. Мы писали къ вамъ о Сѣверинѣ: онъ въ глубокой горести; одно время можетъ исцѣлить его душу. Теперь мы не видимъ даже и Тур-

генева: такъ уединенно живемъ, но безъ скуки. Летаемъ мыслями къ вамъ и встрѣчаемъ васъ на дорогѣ къ намъ. Будьте здоровы. Любя другъ друга и дѣтей, любите и насъ, какъ мы васъ любимъ. Простите, милые друзья! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Mon mari vous a tant dit qu'il a tout dit, et ne me laisse que le temps de vous embrasser et de vous promettre une plus longue épitre de moi par le courrier prochain, en tout cas, si une forte attaque de paresse ne coupe en deux ma bonne volonté et ne dissipe mes idées qui deviennent assez confuses, dès que j'ai la plume en main.

Mille baisers à mes chères petites nièces et au petit bambin, qui, j'espère, se porte bien et se conduit assez sagement, pour ne pas inquièter les chers parents.

le 15 Juillet.

Heureusement que la lettre n'a pu être prise à la poste, ne partant pas pour Varsovie ce jour là. Ce qui fait que nous pouvons vous dire milles tendresses encore, mon cher prince Pierre, en vous félicitant sur vos 26 ans. Dieu veuille, que le nombre des dizaines d'années, qui vous restent encore à être sur cette terre, ne soyent troublées par aucun chagrin cuisant, et que le bonheur possible de ce monde soit votre partage. Nous avons bu à votre santé au sein de votre famille, vous sentez bien que c'était de bien bon coeur; nous avons fait le même acte solennel à la saint Pierre, regrettant amèrement d'être séparés de vous, mes chers amis, par des miliers de verstes, et l'idée de vous savoir isolés redoublait nos regrets. Pour cadeau de jour de naissance je vous donnerai la bonne nouvelle sur notre cher Batuchkow, qu'il est placé à la mission de Naples avec tous les avantages possibles. Hier le comte Capodistrias nous l'a annoncé lui même, en venant prendre le thé, et je suis heureuse d'y avoir cooperé un peu par mes sollicitations auprès de lui. Adieu, mon bon et cher ami, cela s'entend, que je suis l'organe de toute la famille, en vous parlant des voeux et de tendresse. Vous embrasserez tendrement votre femme et lui ferez sa bonne part de tout ce qu'il y a d'amical dans ces lignes.

47.

Царское Село. 27 іюля 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Мы съ грустію читали ваше послѣднее письмо, видя, что вы совсѣмъ не получаете нашихъ; а мы пишемъ къ вамъ, по крайней мѣрѣ разъ въ 10 дней или въ 2 недѣли: то отдаемъ Тургеневу, то на почту. Мы счастливѣе: ваши письма доходятъ до насъ. Благодаримъ Бога, что вы здоровы; скука куда нейдетъ! Между тѣмъ скажите мнѣ, любезнѣйшій князь, не желаете ли вы скорѣе выѣхать изъ Варшавы? Не хотите ли имѣть мѣсто въ Петербургѣ? Могу поговорить объ этомъ съ графомъ Каподистріа; могу сказать и другому выше его, при случаѣ. Если хотите *работать*, то для чего же не въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, у добраго Каподистріа? Впрочемъ надобно знать ваши мысли. Наши вѣсти тѣ, что не можемъ довольно возблагодарить Государя за его къ намъ милостивое расположеніе. Онъ скоро отъ насъ уѣдетъ, но обѣщаетъ скоро возвратиться. Вдовствующая Императрица поѣдетъ черезъ Варшаву. Всѣ уѣдутъ: останемся только съ Богомъ и съ чистою совѣстію—и съ нѣжною любовію къ вамъ. Мы здоровы. Остаемся здѣсь еще на годъ. Хотимъ нанять этажъ у К. Ѳ. Муравьевой. На сей разъ простите. Надобно тотчасъ отправить это письмо. Обнимаю васъ и милыхъ дѣтей.

48.

Царское Село. 21 августа 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Сердечно благодаримъ васъ за добрыя вѣсти: вы здоровы и мы также. Вы, милой князь, садились въ коляску, чтобы ѣхать въ Краковъ: надѣюсь, что вамъ было еще веселѣе возвратиться, нежели ѣхать. Краковъ не Римъ, однакожь имѣетъ свои древности, и притомъ славянскія: можно видѣть его съ любопытствомъ и съ удовольствіемъ. Скоро увидите гостью въ Варшавѣ—вдовствующую Императрицу, а послѣ и гостя—Императора, на возвратномъ его пути, слѣдственно, уже зимою. Мы еще болѣе прежняго полюбили Государя за его милостивое къ намъ распо-

ложеніе и ласки. Нынѣшній день мы у него, вѣроятно, въ послѣдній разъ обѣдаемъ: послѣ обѣда онъ ѣдетъ въ Петергофъ, въ Стрѣльну, въ Нетербургъ, а 26 за границу. М-me Сталь дѣйствовала на меня не такъ сильно, какъ на васъ. Не удивительно: женщины на молодыхъ людей дѣйствуютъ сильнѣе; а она въ этой книгѣ для меня женщина, хотя и весьма умная. Дать Россіи конституцію въ модномъ смыслѣ есть нарядить какого-нибудь важнаго человѣка въ гаерское платье, или вашего ученаго Линде учить грамотѣ по ланкастерской методѣ. Россія не Англія, даже и не Царство Польское: имѣетъ свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорѣе можетъ упасть, нежели еще болѣе возвеличиться. Самодержавіе есть душа, жизнь ея, какъ республиканское правленіе было жизнію Рима. Эксперименты не годятся въ такомъ случаѣ. Впрочемъ, не мѣшаю другимъ мыслить иначе. Одинъ умной человѣкъ сказалъ: „я не люблю молодыхъ людей, которые не любятъ вольности; но не люблю и пожилыхъ людей, которые любятъ вольность“. Если онъ сказалъ не безсмыслицу, то вы должны любить меня, а я васъ. Потомство увидитъ, что̀ лучше, или что̀ *было* лучше для Россіи. Для меня старика пріятнѣе итти въ комедію, нежели въ залу національнаго собранія или въ камеру депутатовъ, хотя я въ душѣ республиканецъ, и такимъ умру [53]).

Вы жалуетесь на мухъ: мы жалуемся только на дожди, однакожь надѣемся, что когда-нибудь облака разсѣются, и что мы проживемъ въ Царскомъ Селѣ до октября. У насъ въ городѣ будетъ другая квартира: въ домѣ Кат. Ѳед. Муравьевой. Цѣлую васъ всѣхъ, любезнѣйшихъ: отца, мать, крестницу, сестру и брата ея. Богъ съ вами и съ нами. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка В. А. Жуковскаго.

Обнимаю тебя, безцѣнный другъ; сей часъ возвратился я изъ Павловска больной: съ простудою, съ гемороемъ. Спѣшу отправить къ тебѣ письмо Карамзина, а на твои письма и на все буду отвѣчать скоро, не сердись, душа и другъ души, на мою лѣнь. Дай мнѣ съ нею сладить. Она не только порокъ, но и несчастіе. Я начинаю быть увѣреннымъ, что отъ нея надобно мнѣ лѣчиться

какъ отъ смертельной болѣзни; но люблю тебя безъ лѣни. Твою критику посылаю къ Воейкову; а о твоей прозаической піесѣ поговоримъ на просторѣ. Скажу здѣсь только одно: на твою прозу я надѣюсь столько же, сколько и на твои стихи; еще и болѣе. Образуй только языкъ, то-есть, познакомься съ правилами, ты схватишь *первое* мѣсто какъ прозаикъ. Прости. Слово о Сѣверинѣ. Онъ уѣхалъ (думаю, ибо я еще не видалъ никого) съ графомъ Эделингомъ въ Веймаръ, куда отправляется и Стурдза съ матерью недѣли черезъ двѣ. Изъ Веймара поѣдетъ онъ къ графу Каподистріа. Прости, другъ. Цѣлую дѣтей и руки у княгини.

49.

Царское Село. 11 сентября 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Начинаю тѣмъ, что мы, слава Богу, здоровы, что по отбытіи двора живемъ тихо, но не безъ внутренняго удовольствія въ прелестномъ Царскомъ Селѣ, которое напоминаетъ намъ любезнѣйшую милость Государеву, что Августѣйшій Хозяинъ былъ къ намъ ласковъ до послѣдней минуты и посѣтилъ насъ передъ своимъ отъѣздомъ. Ваше послѣднее письмо, милой князь, сдѣлало намъ большое удовольствіе. Вы такъ хорошо описали Краковъ и — Варшаву! Поздравляю васъ съ успѣхами разума государственнаго! Поздравляю даже и съ осторожностію дипломата [54]). Не безпокойтесь: *оба* письма у насъ и не были, какъ надѣюсь, въ чужихъ рукахъ. Не смотря на публичную искренность нашего времени, будьте всегда осторожны: это не худо. Мы, старики, можемъ иногда позволить себѣ и *лиценцію* благонамѣренную; но вы, молодые люди, держитесь устава. Какъ не люблю читать вашу душу, но отдамъ свое удовольствіе за ваше, милой другъ, спокойствіе. Однакожь прошу не злоупотреблять того во зло; есть граница и для скромности: говорите не все, но говорите. Теперь одушевилась Варшава, какъ думаю, присутствіемъ Императрицы (которая хотѣла *познакомиться* съ вами). Будемъ ждать, что вы скажете намъ о дальнѣйшемъ вашемъ расположеніи, увидѣвъ Государя въ декабрѣ. А мы мало думаемъ о будущемъ; оно въ хорошихъ рукахъ: зависитъ отъ Бога. Ищите насъ мыслями въ Пе-

тербургѣ уже не въ Захарьевской улицѣ, а на Фонтанкѣ, въ домѣ у К. Ѳ. Муравьевой, гдѣ мы съ вами жили. Тамъ могу имѣть уже большой кабинетъ. Но не безъ сожалѣнія оставляю домъ Баженова: тамъ мы жили благополучно. Вообразите, что я написалъ самую Карамзинскую рѣчь для Россійской Академіи и А. С. Шишкова! Они требовали отъ меня рѣчи, но вѣроятно, не такой, и могутъ отвергнуть ее. Да будетъ ихъ воля! [55]) Да будетъ воля и профессора Каченовскаго! Повѣрите ли, что я все еще не сердитъ на него? Вижу одно простосердечіе: онъ толкуетъ мнѣ, что̀ такое дворянинъ, и что̀ тысячской, что̀ *басма*, и проч. [56]). Дивлюсь болѣе дерзости Каразина (не Карамзина), который въ Украинскомъ Вѣстникѣ безъ моего вѣдома напечаталъ мою *Записку о Москвѣ* съ безобразными ошибками. Впрочемъ и то *да будетъ*! [57]) Видите, въ какомъ я миролюбивомъ расположеніи! Обнимаю васъ, милыхъ друзей, и вашихъ малютокъ, а въ особенности мою крестницу. Богъ съ вами и съ нами.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes bons et bien chers amis! Avec quels regrets je pense que nous voilà encore à la veille d'une fête de famille, et que nous la fêterons chacun dans un coin separés dans des millions de verstes; il y a de la consolation cependant à penser que sûrement nos sentiments harmoniseront, et que les voeux que nous formerons reciproquement seront aussi amicaux et sincères d'une part que de l'autre. Recevez donc, chers et bons amis, mes félicitations et mes voeux: ils se composent de tout ce qu'il y a de mieux dans ce bas monde. Un de mes voeux à moi, et que j'adresse le plus souvent au Ciel, en lui demandant avec instance de l'exaucer, c'est de nous reunir le plutôt possible et sous d'heureux auspices. Je félicite la chère Macha avec la fête de sa bonne maman, j'espère qu'elle se se rappelle au moins confusement de sa tante qui l'aime bien. Pour les inconnus, Pacha et Nicolas, ils voudront bien se contenter d'un bon baiser de ma part. Pour le papa et la maman *именинница*, je les serre contre mon coeur, en attendant le jour de boire à la santé conjointement avec celle de ma Sophie et de mes autres enfants.

P. S. Ma chère princesse Véra, faites moi l'amitié de m'en-

voyer des échantillons de differentes espèces de toiles, tant pour chemises que pour linge de lit et autre, pour nous équiper; mari, femme, enfants, nous sommes tous sans linge; et je crois que les toiles sont meilleur marché à Varsovie que chez nous. Marquez aussi les prix des pièces avec ce qu'elles contiennent; vous m'obligerez infiniment; j'ai écrit à m-r Ogarew de m'envoyer aussi des échantillons de differentes étoffes rayés aussi de la partie, et dites moi les prix sur differents autres objets, alors je vous engagerai à être ma commissionnaire. J'espère que vous vous en chargerez sans répugnance par amitié pour moi.

50.

Царское Село. 30 сентября 1818.

Наконецъ и мы уже давно не получаемъ отъ васъ писемъ, любезнѣйшіе друзья! Здоровы ли вы? Дай Богъ, чтобы вы не писали къ намъ отъ веселья! Читаемъ въ газетахъ о вашихъ пирахъ и *урахъ*. Мы, сельскіе люди, гуляющіе здѣсь съ галками и воронами по желтымъ коврамъ осени, съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ васъ хотя строки для нашего спокойствія. Думаемъ къ 7 октября переѣхать въ городъ, читать корректуры, дѣлать визиты, большею частію пустые, пить чай съ Тургеневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, одинъ разъ въ недѣлю кричать съ глухимъ канцлеромъ etc. Мы получили худыя вѣсти изъ деревни: у мужиковъ нѣтъ хлѣба, а у насъ, слѣдственно, не будетъ дохода, и мы будемъ проживать свой *историческій* капиталъ. Но дай Богъ только, чтобы всѣ мои были живы и здоровы: разумѣется, что вы въ ихъ числѣ. Не могу никакъ жаловаться на дѣйствіе здѣшняго климата относительно ко мнѣ: желудокъ мой сдѣлался рыцаремъ; ладитъ даже и съ грибами; а бѣлая водка цѣла въ штофахъ. Между тѣмъ однакожь старѣюсь, какъ вѣроятно. Занимаюсь, какъ обыкновенно; но IX-й томъ Исторіи худо подвигается впередъ: Богъ знаетъ, когда издамъ его! Бѣда невелика.

Довольны ли вы были Императрицею? Обнимаю васъ всѣхъ отъ мала до велика, а крестницѣ особенный поцѣлуй. Будьте благополучны. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

C'est du premier Octobre que j'écris ces lignes, après avoir fait une promenade charmante par le plus agréable temps gris possible, sur des tapis d'or et de pourpre magnifique qui sont d'un moelleux tout à fait charmant; et nous comptons rester encore dans ces jardins enchantés jusqu'au six, pour faire les trois mois juste. J'avoue que quoique le temps se gâte et prend la tournure mélancolique, je quitterai avec peine le cher Sarsko-Sélo, pour nous un vrai séjour de douceur et de tranquillité. Jusqu'à cet heure nous n'y avons éprouvé aucun genre de peine ou de desagrément. Que Dieu fasse qu'il en soit toujour de même. Nous attendons de vous mes chers amis, des rélations très detaillés sur le temps du brouhaha que vous venez de passer, et je vous prie de ne pas faire les paresseux, ni l'un ni l'autre. Vous, chère princesse Véra, remplissez mon autre commission, celle de m'envoyer des échantillons et surtout de toiles, car nous en avons une pénurie horrible; et elles sont très chères ici, puisque l'entrée en est défendue. Je vous aurai même prié de faire emplette d'emblée d'un couple de pièces, une pour chemises pour mon mari, et l'autre, plus ordinaire, pour les enfans et les taies d'oreillers; je ne me soucie pas que ce soit absolument de la toile d'Hollande, mais pourvu qu'elle soit de la même largeure et de bonne qualité. Celle pour mon mari entre 225 et 250 r. et l'autre de 125 plus ou moins, comme cela se pourra. Si vous pouvez me faire cette affaire, je vous en serai très reconnaissante; de même que s'il y a de beau ou joli velours noir, de m'en dire tout de suite le prix, pour savoir si cela vaut la peine d'en faire venir. C'est la dernière lettre que vous recevez dâtée de Sarsko Sélo, comme je le crois, si rien ne nous arrète, comme je l'espère. Les visites nous attendent à la porte de Petersbourg, c'est vous dire assez, combien je suis effrayé e de l'idée d'y arriver. Adieu, mes bons amis, donnez moi un mot de nouvelles sur m-me Ogareff; il y a longtemps qu'elle n'écrit à personne ici, j'en suis inquiète. Je vous embrasse de tout mon coeur ainsi que les chers enfans.

51.

С.-Петербургъ. 30 октября 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Сердечно благодарю васъ за письмо и за посылку. Пожалуйста скажите въ первомъ письмѣ, какъ посылать къ вамъ деньги: ассигнаціями или червонцами? У насъ теперь вашихъ денегъ (за полотно) 360 р. Тургеневъ требуетъ изъ нихъ 100 р. по какому-то счету съ вами: остальные отправимъ къ вамъ. Я съ искреннимъ удовольствіемъ читалъ ваши прекрасные стихи на Петербургъ, желая, чтобы вы, любезнѣйшій князь, поправили многіе, какъ въ выраженіяхъ, такъ и въ мысляхъ. Жуковскій хотѣлъ сообщить вамъ свои замѣчанія. Подъ исправленіемъ мыслей разумѣю *логическое*, а не *политическое*: я *либералъ* даже и тамъ, гдѣ идетъ дѣло о юной *либеральности*. Мы оба думаемъ такъ, какъ намъ думать свойственно. Мысль не дѣло; а дѣло будетъ не по нашимъ мыслямъ, а по уставу судьбы [58]). Между тѣмъ желаю знать, какимъ образомъ вы намѣрены черезъ или въ 10 лѣтъ сдѣлать вашихъ крестьянъ свободными; научите меня: я готовъ слѣдовать хорошему примѣру, если овцы будутъ цѣлы и волки сыты. Это и шутка и не шутка. Мысленно составляю комитетъ изъ особъ либеральныхъ и библейскихъ... Хотѣлъ было назвать нѣкоторыхъ, но не имѣю духа [59]). Лучше обратиться къ стихамъ: пишите, что хотите, только пишите и не лѣнитесь писать всегда хорошо. Геній растетъ терпѣніемъ.

Прошла осень: надобно готовиться къ болѣзнямъ. Теперь нездоровъ Андрюша. Между нашими людьми также есть больные; для которыхъ не имѣю мѣста въ домѣ. Живемъ смирно; ѣздимъ мало; читаю корректуры: вотъ почти все! Будьте вы здоровы, милые, отъ мала до велика. Всѣхъ васъ нѣжно обнимаю. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous baise les mains, bonne et chère princesse Véra, pour l'exactitude avec laquelle vous avez rempli ma commission, et si parfaitement, car les toiles sont chacune précisément ce qu'il me

fallait et à très bon compte; c'est pourquoi, ma bonne amie, je vous confie mes intérêts de toilette et d'économie. Je vous ai envoyé des échantillons; mais si vous trouvez des étoffes plus jolies et qui ne soyent pas bien plus chères parmi les nouvelles marchandises, apportées à la faire, je vous donne carte blanche pour en faire le choix, pourvu qu'elles ne soyent pas précisement pour telle où telle saison, mais qu'à la rigueur on puisse les porter pendant les quatres, sans trop choquer les convenances, d'autant plus qu'ici on n'est pas trop rigoriste ladessus. Pour les couleurs, excepté une rose pour Sophie, les modestes, sans cependant qu'elles soyent foncées, me conviennent le mieux. On porte beaucoup ici du *gros de Berlin*: s'il y en a chez vous, je serai charmée d'en avoir parmi; et puis tous les petits articles que vous m'avez nommés, et ceux même que vous avez tus, comme gants pour tous les jours, gants blancs, faites moi en grace une petite provision de tous ces articles, je vous en aurais une obligation parfaite. Mon mari vous a déja demandé quelle monnaie on doit vous envoyer, si le papier a cours chez vous. N'oubliez pas en grace le velours noir, et si les epinglés ne sont pas chers, envoyez m'en pour une capote d'une jolie couleur. Je ne vous fait pas d'excuse, étant persuadée que vous trouverez du plaisir à me rendre service; j'aurais plus de conscience, si vous vous amusiez davantage; mais pour (не разобрано одно слово) ennui, vaut il encore mieux celui que vous utilisez pour vos amis. Je me dépêche: je vais dans le moment féliciter les Архаровъ: m-elle Alexandrine se marie avec m-r Vasiltchikoff Alexis. Pour ma part, j'en suis très charmée, car c'est un parti très assorti en tout points, et je suis persuadée qu'ils seront parfaitement heureux. Notre Petersbourg est très brillant, à ce que l'on dit tous les jours sont fétes; on a partagé la semaine en jours de bals. Pourquoi n'êtes vous pas ici, mes bons amis? Vous en profiteriez; pour votre pauvre amie, elle ne peut encore achever ses visites, depuis près d'un mois qu'elle les fait. Adieu, chers amis; je vous aime tendrement et vous embrasse de tout mon cour, ainsi que les chers enfants. Que font le pauvre Nicolas avec son inconstance de nourrices? Plaignez votre amie, dans quelques mois elle aura aussi besoin d'une nourrice. Quel malheureuse fécondité!

52.

С.-Петербургъ. 13 ноября 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Посылаемъ вамъ съ благодарностію деньги за покупки: за полотно 360 р., а за шелковыя матеріи 260 р. (изъ которыхъ 100 р. отданы мною А. И. Тургеневу).

Мы, слава Богу, здоровы. Живемъ съ сердечнымъ удовольствіемъ у доброй Катерины Ѳедоровны какъ у истинной родной сестры. Комнаты для насъ очень хороши: боимся только, чтобы не были холодны зимою. Ѣздимъ какъ можно менѣе; рѣже видимъ и Тургенева! Жуковскій былъ нездоровъ. Читаемъ корректуры и Галіани [60]), умнаго срамослова. Арзамасъ на боку, но не отъ ударовъ Академіи мирной, если не покойной. Ждемъ, что съ вами будетъ: оставите ли варшавскую конституцію, и куда направите стопы свои? Государь заглянетъ къ вамъ въ декабрѣ. А мы все еще помышляемъ о Москвѣ, но прежде дай Богъ, чтобы Катерина Андреевна благополучно родила, если не въ Петербургѣ, то въ Царскомъ Селѣ. Обнимаю васъ нѣжно съ милыми дѣтьми, а крестницѣ лишній поцѣлуй. Будьте здоровы. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je n'ai eu que le temps d'accuser la reception de votre lettre et des étoffes, chère princesse Véra, par le dernier courrier; aujourd'hui je me donnerai le plaisir de vous dire quelque chose de plus: d'abord pour changer, je vous gronderai un peu pour la manière dont vous emballez les paquets; on m'a apporté votre carton avec la robe de 400 r., comme si c'était un chiffon de 400 cop. Aussi nous avons mis tout notre savoir à ôter les taches de poussière, et toute notre fortune presque en mie de pain blanc. Aujourd'hui m-r Tourguenew nous fait dire qu'il n'a pas de paquet pour les Obolensky, mais un tout défait pour les Четвертинскіе. J'ai déja envoyé, en oubliant toujours de vous le dire, plusieurs paquets de chez vous, un au prince Четвертинскій, un autre à m-me Давыдовъ. Je suis désolée de ne pouvoir me défaire encore de votre robe; tout le monde la trouve charmante, mais bien chère. Pour mes

étoffes, je vous reïtère mes remerciements; je suis fachée cependant que vous n'ayez pas attendu le moment de la foire dont vous m'avez parlé; peut-être auriez vous choisi quelque chose de plus distingué, même s'il en avait couté quelque chose de plus. J'aime à croire que le marchand reprendra l'horrible velours, soit disant blanc; si non, renvoyez moi le malheureux, j'en ferai des choux et des raves; mais en grace envoyez moi le velours noir, je l'attends avec impatience. Donnez vous la peine de le bien choisir, et puis des gants longs une douzaine pour Sophie et une de courts mélangés. Je crois vous voir d'ici, ma chère amie, accablée de toutes ces malheureuses commissions; aussi comme mon mari me gronde! Il croit qu'elles vous fatiguent et vous ennuient beaucoup; dites le moi franchement, car le jeu ne vaudra pas la chandelle. J'ai vu un moment le jeune Nélédinsky chez nous; je l'ai beaucoup questionné à votre sujet, mes chers amis, et ne suis pas contente du compte qu'il m'a rendu; je fais des voeux biens vifs, pour que votre séjour devienne plus agréable à Varsovie pour le temps que vous devez y rester, qui, j'espère, ne sera pas immense. Adieu, je vous embrasse tous, comme je vous aime, de toute la tendresse de mon coeur.

53.

С.-Петербургъ. 11 декабря 1818.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Скажу вамъ хотя два слова. Жена безпокоитъ меня кашлемъ своимъ, и очень безпокоитъ; иначе мы были бы покойны. Занимаюсь усердно чтеніемъ корректуръ, не предвидя конца, слѣдственно, не зная, когда мы будемъ вольны оставить Петербургъ; а я люблю свободу, хотя и не либеральность; люблю и Петербургъ, который доселѣ угощалъ насъ пріятельски. Вчера доброй Жуковскій показалъ мнѣ вашъ забавный отвѣтъ на его критику: о! о! о! Вы дѣлаетесь не на шутку поэтомъ. Большой бѣды нѣтъ, любезнѣйшій князь. Къ тому же вы шутите! Загляните въ письмо Галіани къ абату Рейналю: угадаете ли, въ какомъ смыслѣ ссылаюсь на него? Жуковскій смѣется, и вы смѣетесь, и я готовъ смѣяться; а между тѣмъ мы всѣ трое любимъ сердечно другъ друга. Отъ стиховъ къ прозѣ: ждемъ отъ

васъ вѣсти: ѣздили ли вы съ Николаемъ Николаевичемъ на встрѣчу къ Государю? Не сдѣлалось ли какой перемѣны въ вашемъ положеніи? Въ разсужденіи вашего письма будьте спокойны: оно дошло до нашихъ рукъ цѣло и невредимо. Вы велите намъ забыть его содержаніе: аминь! Нѣжно васъ всѣхъ обнимаю. Такъ называемую академическую рѣчь мою взяли у меня въ типографію: пришлю къ вамъ напечатанную; не стоитъ труда списывать. Простите, милые. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, chers et bons amis; mon mari vous a parlé de ma toux; moi je vous parlerai de reconnaissance pour vos félicitations, et suis charmée de la cause gaie qui vous a empeché d'en dire davantage. Je vous remercie aussi, chère princesse Véra, de l'envoi que vous m'avez fait; l'argent vous sera envoyé par le premier courrier. Adieu, mes bons amis, si vous dansez, nos filles nous font des surprises: jouent la comédie, composent des prologues, et tout cela de manière la plus sans façon possible et cependant réellement à nous faire beaucoup rire. Mille baisers aux chers enfans.

54.

С.-Петербургъ. 2 генваря 1819.

Отъ всего сердца обнимаемъ васъ, любезнѣйшій князь, на Святой Руси. Съ нетерпѣніемъ ждемъ изъ Москвы въ Петербургъ. Комната для васъ готова тамъ же, гдѣ вы со мною жили. Лучше, если бы вы пріѣхали не къ 18, а къ 8 генваря, чтобы праздновать наше пятнадцатилѣтіе. Мы смѣялись вашему описанію Москвы, неблагодарной! Какъ ни стращаете меня чучелою, но я не побоялся бы отправиться на злачные берега Яузы, если бы второе изданіе Исторіи не прикрѣпляло меня къ Петербургу или къ типографіи Греча. Другіе привязываются ко двору, а я къ типографіямъ [61]). Знаете ли, что *остервененіе* Москалей умиляетъ мою душу? Долго будетъ изъяснять это чувство. Не знаю, гдѣ врутъ болѣе, здѣсь или тамъ; но знаю, что здѣсь очень врутъ, и притомъ либералисты

(между нами будь сказано). У насъ немного друзей въ Москвѣ, но есть друзья. Старый другъ лучше новыхъ двухъ. Обо всемъ переговоримъ, когда увидимся. Кончите ваши экономическія дѣла, и къ намъ на Фонтанку! Между тѣмъ будьте здоровы и веселы, если можно. Къ любезному Василью Львовичу буду писать по той почтѣ. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Mon mari ne me permet pas d'écrire sur la page suivante, donc je me contente de vous dire seulement, mon cher et bon ami, combien nous sommes impatients de vous voir et combien je suis fachée de savoir que l'engagement de venir pour le huit ne sera pas accepté, puisque vous avez une noce à cette époque. Attendons, puisque on ne peut faire autrement. Mais en grace ne badinez pas davantage et procurez nous le bonheur de vous embrasser dans la douce réalité; il y a si longtemps, si longtemps que nous en sommes privés. Bonsoir, mon bien cher, jusqu'au 15 du courant.

55.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 22 de janvier 1819. Saint-Petersbourg.

Je laisserai mon mari répondre à l'article de votre lettre, ma chère amie, où il est question des dispositions futures de notre cher prince Pierre. Vous n'avez pas besoin de recommander la franchise, vous savez bien que nous ne sommes que trop francs, et surtout quand il s'agit d'objets d'affection; donc vous pouvez être très persuadée que mon mari vous dira tout ce qu'il pense à cet égard, quoiqu'il soit difficile d'asseoir une opinion bien stable sur votre position, avant d'avoir des détails sur les personnages et les circonstances, qui ne peuvent nous être communiqués bien clairement, que par le prince Pierre lui même. En attendant, vous saurez toujours notre façon de penser sur les données que nous avons déja. Nous sommes très impatients de serrer dans nos bras ce

cher voyageur. Hélas, s'il nous annonce que ce ne sera que pour quelques instants que nous le posséderons, soyez tranquille, nous ne serons pas égoïstes, et malgré la peine que nous aurons de nous séparer aussi vite, nous ne l'arrêterons pas pour ne pas vous l'enlever plus longtemps. Je ne sais que trop, combien les séparations sont cruelles; et vous surtout, pauvrette, qui êtes toute seule dans un pays que vous n'affectionnez pas trop. Dieu veuille que vous vous portiez tous bien, alors le bonheur de se revoir dedommagera de toutes les peines et les privations. A propos de peine, nous en avons éprouvé une bien cruelle, en apprenant la mort de notre bien chère reine de Wurtemberg; nous l'avons pleurée bien amèrement, c'est une perte de coeur, car pour mon compte je l'aimais avec une tendre reconnaissance. Adieu, ma très chère amie; que le Ciel veille sur vous et vous réunisse à votre mari dans la joie de notre coeur. J'embrasse tendrement les chers enfants. Tous les miens vous disent mille amitiés; grace à Dieu, ils se portent tous bien; il n'y a que moi dont la grossesse cette fois ci n'est pas trop légère; sans être malade je suis presque toujours souffrante. Recevez pour votre part un baiser bien tendre de celle qui vous aime de tout son coeur.

Приписка Н. М. Карамзина.

Здравствуйте, любезнѣйшая княгиня! Мы за васъ и съ вами горюемъ, воображая какъ вы грустите въ одиночествѣ. Утѣшайтесь скорымъ ожиданіемъ. Князь Петръ пишетъ, что онъ не заживется въ Петербургѣ. Какъ бы ни хотѣлось намъ пожить съ нимъ долѣе, не будемъ его удерживать. Я одобряю ваши мысли объ его службѣ: въ самомъ дѣлѣ лучше остаться въ Варшавѣ до прибытія Государева; лучше получить тамъ чинъ, а если можно, то и два. Здѣсь же не представляется мнѣ никакого особенно выгоднаго для него мѣста: вѣроятно, что онъ не захочетъ служить въ канцеляріи графа Аракчеева, нашего вельможи. Обо всемъ переговоримъ съ нимъ самимъ [62]); между тѣмъ цѣлую вашу руку, крестницу, сестру ея и брата. Будьте здоровы всѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

P. S. Жена заплатитъ долгъ свой князю Петру.

56.

Письмо С. Н. Карамзиной къ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

(1819).

Recevez, ma bien chère tante, mes félicilations sur le commencement de la nouvelle année. Puisse-t-elle être filée pour vous de bonheur et de joie. Hélas, je m'afflige, en pensant comme vous en fêtez tristement le premier jour loin de mon oncle. Cependant j'avoue que je suis trop égoïste pour ne pas être contente d'une absence, qui nous procurera le bonheur de le revoir. Avec quelle impatience nous l'attendons! En vérité il faut être longtemps séparé de ceux qu'on aime, pour connaître tout l'attachement qu'on leur porte. Et vous, ma chère tante, quand nous reverrons vous? Et mes petites cousines, le petit inconnu, que je suis impatiente de les embrasser! Enfin il faut de la résignation dans ce monde, mais c'est bien dur. Adieu, ma chère tante, je vous baise tendrement les mains, et je suis avec le plus sincère attachement votre dévouée nièce Sophie Karamsine.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Agréez, ma bien chère tante, mes félicitations à l'occasion de la nouvelle année. Je fais des voeux bien sincères, pour que vous la passiez bien heureusement, ainsi que toute votre petite famille. Je n'ai que le temps de vous baiser les mains et de vous assurer de la tendresse vive et sincère que je vous ai vouée C. Karamzine.

J'embrasse mille fois mes charmantes cousines et le petit inconnu, que j'aime déjà de tout mon coeur.

Приписка Н. М. Карамзина.

Здравствуйте, любезнѣйшая княгиня! Какъ ни радуемся мыслію скоро обнять князя Петра Андреевича, но сердечно жалѣемъ, что вы между тѣмъ грустите въ Варшавѣ, совершенно на чужой сторонѣ. Слѣдственно, не можемъ здѣсь удерживать милаго гостя!

Нѣжно цѣлую вашу руку и всѣхъ дѣтей, а любезнѣйшую крестницу особенно. Будьте всѣ здоровы и любите насъ, какъ мы васъ любимъ. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je suis fachée, ma bonne amie, de commencer ma lettre par vous témoigner mes regrets sur votre séparation avec le cher mari, et désire vivement que vous soyez le plus rarement possible dans cet état si triste pour qui aime son mari autant que vous. J'aime à croire qu'en recevant celle-ci, vous serez déja parfaitement tranquille sur lui et son heureux voyage; j'aime à croire aussi que vous êtes raisonnable et ne vous laissez pas trop aller à votre mélancolie. La lettre que nous avons reçue de lui a été tout à fait satisfaisante; il avait l'air d'être très content de son *patron*. Nous l'attendons avec une vive impatience, dont vous pouvez vous faire facilement l'idée en connaissant notre tendre attachement. Pourquoi n'êtes vous pas de la partie? Pour nous, ma bonne amie, nous sommes toujours à mener le même train de vie tout tranquillement. Mon mari pour le moment est cependant dans le grand tourbillon de la cour, il est allé porter ses hommages pour le jour de l'an, et moi je suis très occupée à faire les paquets de billets à distribuer dans tous les coins de rues, sans me donner la peine de bouger moi-même. Je n'ai pas voulu passer le jour sans m'entretenir avec vous et sans faire des voeux pour votre bonheur, puisse-t-il être aussi parfait que je vous le désire; alors vous seriez contente de votre lot. Adieu, ma chère amie, j'embrasse de tout mon coeur la maman et envoie mille tendres baisers aux chers enfants.

57.

С.-Петербургъ. 2 марта 1819.

Сердечно обрадовались мы вашему письму, любезнѣйшій князь, начавъ было уже безпокоиться, тѣмъ болѣе, что для васъ дороги бываютъ какъ-то не очень гладки. Лучше читать Одиссею, нежели быть Одиссомъ. Хорошо, что вы уже дома, хотя и въ

Варшавѣ. И Тургеневъ *камергеръ* радуется тому, любуясь вашими веселыми письмами. Наше удовольствіе безкорыстнѣе: мы не ждемъ отъ васъ забавныхъ писемъ, а ждемъ только хорошихъ вѣстей о вашемъ здоровьѣ: не худо и то, что вы нашли работу занимательную; не худо, сверхъ мѣста, имѣть и должность. Мы *почти* здоровы, какъ я говорю часто: жена часто стонетъ, а малютка Николай въ жару съ нынѣшняго утра. Здѣсь много скарлатины. Хотя еще Катерина Андреевна и нескоро должна родить, но я объ этомъ думаю уже болѣе, нежели о чемъ-нибудь. Впрочемъ, живемъ мирно. Къ вамъ ѣдетъ Феншъ: мы хотѣли отправить съ нимъ платье княгини, но онъ не взялъ. О здѣшнихъ новостяхъ пусть пишетъ къ вамъ Тургеневъ: важныхъ, кажется, нѣтъ. Вы вѣрно посмѣетесь его камергерству. Николай Ивановичъ болѣе разсердился, нежели онъ самъ, и называетъ это пятномъ Тургеневской фамиліи [63]); брапятъ ли у васъ Стурдзу, какъ въ Германіи? [64])

Обнимаю васъ, любезнѣйшихъ, со всѣми малютками, цѣлуя въ особенности крестницу. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes chers et bons amis; je vous écris ces lignes un jour très solennel, c'est celui des 17 ans de m-elle Sophie; vous vous figurez sa joie tout à fait d'un enfant de 12 ans: je l'attends dans le moment, car elle est allée à la messe et ne se doute pas que le fameux m-r Bassone est dans sa chambre pour faire les *nastriги* d'une grande demoiselle déjà. Le cher prince Pierre peut en juger plus au naturel, ayant vu Sophie depuis peu. Adieu, mes chers et bons amis; Dieu veille sur vous et tout ce qui vous est cher. Je finis, en vous donnant une nouvelle sur le mariage de Фавка Tolstoy avec Apraxine.

58.

С.-Петербургъ. 9 апрѣля 1819.

Христосъ воскресе! Поздравляю васъ, милые друзья, съ свѣтлымъ праздникомъ. Будьте здоровы, спокойны и веселы. Мы, благодаря Бога, здоровы и довольно спокойны; а въ веселѣ большой

нужды не чувствуемъ. Вѣсти ваши хороши: у васъ все благополучно.

Вчера Тургеневъ читалъ мнѣ вашу вылазку на Каченовскаго: забавно и остроумно; но именемъ дружбы прошу васъ, любезнѣйшій князь, не говорить обо мнѣ. Вы и я—почти одинъ человѣкъ, а мнѣ отвратительно и думать о перебранкѣ съ издателемъ Вѣстника. Пусть онъ воюетъ и торжествуетъ въ двухъ англійскихъ клобахъ и даже вездѣ, если можно! Я стараюсь быть *независимымъ* въ душѣ, любезнѣйшій князь, хотя и смѣюсь надъ *либералистами*. A propos des liberalistes, зачѣмъ въ піесѣ литературной говорите вы о представительной системѣ и взаимномъ обученіи? C'est une faute contre le goût. Каченовскій же вѣрно и за представительную систему, и за взаимное обученіе (хотя между тѣмъ и другимъ нѣтъ ни малѣйшей связи). Я баранъ противъ тѣхъ, которые дѣлаютъ мнѣ честь своею бранью; а противъ милыхъ друзей лаю! Извините [65]).

Очень благодарю васъ за критическое замѣчаніе, я тотчасъ поставилъ *крутую* вмѣсто *высокой* для второго изданія, которое отнимаетъ у меня двѣ трети времени. Давайте мнѣ поболѣе такой дѣльной критики!

Очень благодарю и за Гурго [66]), и за Прадта [67]), которыхъ я уже давно (то-есть, около мѣсяца) читалъ и немедленно отправилъ чрезъ Тургенева Ивану Ивановичу. Прадтъ есть умной болтунъ и красивъ фразами.

Беру живѣйшее участіе въ судьбѣ Коцебу. Онъ еще недавно писалъ ко мнѣ любезное письмо о моей Исторіи. Я плакалъ въ его драмахъ, когда былъ молодъ. Зандъ услужилъ Стурдзѣ. Многіе говорятъ теперь: *Стурдза правъ!* Не я [68]). Если поживете лѣтъ сорокъ, много увидите и меня вспомните [69]).

Мы думаемъ около 25 апрѣля переѣхать въ Царское Село съ дозволенія Хозяина. Дай Богъ только, чтобы жена моя благополучно разрѣшилась отъ своего бремени.

Платье княгини давно лежитъ у генерала Д'Овре, вмѣстѣ съ нашимъ письмомъ. Онъ еще на 5-й недѣлѣ поста хотѣлъ къ вамъ ѣхать и не ѣдетъ.

Обнимаю васъ, милыхъ, будьте всѣ здоровы. Крестницѣ мое благословеніе. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Христосъ воскресе, mes bons et chers amis. Comment avez vous passé cette fête si solennelle dans notre pays de бусурманы? Je suis descendue chez notre excellente Катерина Ѳедоровна le premier jour, pour dîner avec toute ma famille grands et petits. C'est une vraie amie et parente que nous avons à Petersbourg; pour le reste de la semaine, je n'ai pas bougé de chez moi, quoique mon nom ait couru tout Petersbourg. En lisant votre dernière, j'ai eprouvé un peu d'ennui de vous savoir si chaudement à l'ombre, tandis que nous sommes trop heureux, quand le soleil veut bien vous promettre sa douce présence pendant quelques heures dans la journée. Nous formons cependant le projet d'aller nous établir vers le 25 de ce mois à Sarsko Sélo, à moins que le temps n'y mette obstacle par son horreur. Non seulement je suis très contente de l'envoi que je viens de recevoir des serviettes, chère princesse Véra, mais je vous en remercie beaucoup, et si j'ai besoin de quelque chose, je ne manquerai pas de m'adresser à une commissionnaire aussi complaisante qu'exacte. Je ne vous envoie pas encore l'argent: je n'en ai pas fait le calcul encore. Adieu, mes chers et bons amis; je vous embrasse, toute la famille, de tout mon coeur.

Hélas, pour votre robe de merinos, je l'ai déjà envoyée avec ma lettre pour vous avec le général d'Auvray; et par malheur, je crois qu'à l'heure qu'il est, il doit être sur le grand chemin après avoir tardé très longtemps.

59.

Царское Село. 12 мая 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Мы переѣхали сюда 26 апрѣля, и въ тотъ же день я простудился; черезъ 5 или 6 дней слегъ въ постелю, и теперь только начинаю вставать. Голова моя не свѣжа; однакожь хочу написать къ вамъ слова два-три.

Очень благодарю за Mémoires d'un homme célébre etc. Немедленно отправлю все къ Пушкину черезъ Тургенева.

Мы душевно рады, любезнѣйшій князь, что варшавская

служба сдѣлалась для васъ интереснѣе. Авось все будетъ хорошо. Въ вашихъ лѣтахъ можно и должно быть терпѣливымъ.

Не знаю, что происходитъ въ свѣтѣ не видя никого, кромѣ доктора Штаба. Но, вѣроятно, что Государь посѣтитъ Варшаву. Ждутъ ли у васъ благодѣяній, даровъ?

Я подписался за васъ на Сочиненія князя Шаликова: у него не много таланта, но много дѣтей.

Простите, милые. До лучшаго расположенія! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

60.

Царское Село. 3 іюня 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Вчера мы получили ваше милое письмо. Я выхожу и выѣзжаю, но все еще не совершенно здоровъ. Жена должна родить на сихъ дняхъ: слѣдственно, не могу быть спокоенъ душею, хотя и надѣюсь на милость Божію. Нынѣшнее житье наше въ Царскомъ Селѣ не такъ счастливо, какъ прежнее, въ разсужденіи здоровья; дѣвушка Катерины Андреевны лежитъ безъ ногъ и безъ рукъ въ подагрѣ; другая, которая ходитъ за дѣтьми, также очень больна. Впрочемъ лѣто прекрасно: и у васъ не лучше. Видимъ Царя и Царицъ: первый третьяго дни пилъ у насъ чай и просидѣлъ часа два. Говорено было съ живостію о всякой всячинѣ. Нельзя быть любезнѣе въ такомъ санѣ. Но это не новое, а старое.

Вы, милой князь, опять говорите о *терпѣніи*: слѣдственно, вы опять *добродѣтельно* скучаете? Я спрашивалъ у васъ о *благодѣяніяхъ* государственныхъ: личныя интересны для меня единственно въ отношеніи къ вамъ. Благодарю васъ и за присланныя книги, и за обѣщаніе новыхъ. Карпо лучше душею, нежели умомъ государственнымъ: о военномъ не говорю. Сколько онъ бредилъ, шатался и падалъ въ своихъ политическихъ системахъ! [70]) Во время своего нездоровья я много читалъ, и въ особенности старика Монтескьё. Заглядываете ли вы въ него, господинъ молодой политикъ? Онъ умствуетъ умно, умничаетъ остроумно, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, но всегда полонъ мыслей то глубокихъ, то блестящихъ. Теперь

просматриваю манускриптъ, вамъ принадлежащій: записки княгини Дашковой или біографію, которую желаетъ читать Императрица. Хорошему молодцу давали вы списывать! Что слово, то ошибка. Тургенева совсѣмъ не вижу: весь въ дѣлахъ! Плещеевъ читаетъ въ Павловскомъ и тѣшитъ Великихъ Князей представленіемъ трехъ *возрастовъ*. А Жуковскій? Читаетъ ваши письма къ Тургеневу и радуется. Жена обнимаетъ васъ нѣжно всѣхъ. Я не даю ей писать. Она вмѣстѣ со мною радовалась мыслію, что вы, любезнѣйшій князь, явитесь въ Царскомъ Селѣ; но вы уже замолчали объ этомъ! Простите, милые! Цѣлую родителей и дѣтей. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

61.

Царское Село. 8 іюня 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Жена моя родила сына Владиміра и по сіе время, слава Богу, не безпокоитъ меня. Спѣшу васъ, милыхъ, извѣстить о томъ. Катерина Андреевна велитъ сказать вамъ, любезнѣйшій князь, что она ждетъ васъ крестить новорожденнаго: скоро ли будете? Письма требуютъ немедленно. Простите. Всѣхъ васъ обнимаемъ. Будьте благополучны. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

62.

Царское Село. 22 іюня 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Послѣднее ваше письмо насъ огорчило. Спѣшу сказать вамъ мое мнѣніе: останьтесь спокойно въ Варшавѣ до сентября, и тогда рѣшитесь. То-есть, я пристаю къ вашему разсудку, милой князь: кто его слушается, тотъ не кается: это пословица. Мой свѣтъ не вашъ свѣтъ; но вашъ свѣтъ былъ моимъ свѣтомъ, и еще въ свѣжей у меня памяти. Повторяю: ждите сентября и Государя; а тамъ увидите, что Богъ дастъ: это великое слово и почти *мистическое*! Жена моя оправляется, и сынъ Владиміръ очень милъ: кажется, въ родѣ Сашки, съ голубыми глазами и съ чертами нѣжными. Послѣ завтра его окрестимъ въ семействѣ. Батюшковъ написалъ къ намъ любезное письмо изъ

Неаполя и вамъ дружески кланяется. Воображеніе его гуляетъ по Везувію и роскошествуетъ въ Помпеѣ.

Любезный другъ! Напишите къ *Ваню́шѣ* или къ мастеру, чтобы они не отдавали насильно дочери Андрюшиной кормилицы Онисьи за какого-то горбатаго или хромого жениха въ Остафьевѣ: не забудьте, и скорѣе. Здѣшнее наше житье не представляетъ ничего новаго. Планъ мой старой: раздѣлаться зимою съ типографіею и ѣхать весною въ Москву, доживать вѣкъ тихо, въ надеждѣ на милость Божію къ нашимъ дѣтямъ; не мы, но Онъ устроитъ ихъ долю. Если бы мы были богатѣе, то поѣхали бы въ чужіе краи; но казна наша истощается, и мы, сверхъ дохода, уже прожили изъ *историческаго* капитала тысячъ семьдесятъ. Я согласился бы поселиться и въ Нижнемъ, и въ Симбирскѣ; но жена и дѣти!

Простите, любезнѣйшіе. Нѣжно васъ обнимаю и большихъ, и малыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embasse bien tendrement, mes bons et chers amis; j'ai assez bien fini mon expédition, tout en demandant à Dieu qu'il ne me fasse pas recommencer une nouvelle campagne. Non, quand on frise la quarantaine, cela ne convient plus. Pour vous, ma chère princesse Véra, vous étes bien sage, et il parait, qu'en vous transportant à Varsovie, Dieu vous a frappé de stérilité; cependant il ne faut jamais pousser les choses trop loin. Bonjour, mes amis; malgré qu'il ait quinze jours que je suis accouchée, cependant je ne suis pas encore bien forte; je finis en vous recommandant mon Wladimir qui, hélas, ne sera pas le filleul du cher prince Pierre; en attendant, recevez les plus tendres félicitations sur le jour de votre nom; j'espère que vous le passerez heureusement, et nous, de notre coté, nous tâcherons d'avoir quelques amis communs pour boire à vos chères santés.

63.

Царское Село. 8 іюля 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Мы, слава Богу, здоровы, и съ родильницею и съ новорожденнымъ. Катерина Андреевна начинаетъ прогуливаться и даже дѣлать сельскіе визиты, но до шести недѣль не хочетъ представляться Императрицамъ.

Вѣсти ваши, милой князь, не очень веселы въ отношеніи къ вашему *политическому* состоянію; но сколько разъ судьба ваша еще перемѣнится въ жизни! Лишь только живите. Пріятное бываетъ передъ непріятнымъ, непріятное передъ пріятнымъ. Мнѣ очень хотѣлось бы знать всѣ подробности; но имѣю терпѣніе. Когда увидимся, тогда узнаю. Между тѣмъ будьте какъ можно хладнокровнѣе до сентября; а тамъ рѣшитесь. Вамъ трудно найти человѣка по сердцу, чтобы зависелъ отъ него по службѣ. Не знаю никого лучше графа Каподистріа; но вы не хотите быть дипломатомъ? Онъ писалъ къ намъ изъ Корфу, и дружески; будетъ здѣсь мѣсяца черезъ два и, слѣдственно, уже не застанетъ Государя, который поѣдетъ осматривать армію недѣль черезъ шесть, какъ говорятъ, и проѣдетъ въ Варшаву.

Вы уже знаете, что Ивану Ивановичу данъ Владиміръ 1-й степени за коммисію благотвореній. Онъ радъ, и я за него радъ. Кому аренды, а ему почести. Въ письмахъ своихъ ко мнѣ онъ молчитъ, но слышу отъ другихъ о намѣреніи его переселиться сюда. Въ такомъ случаѣ мы опять разъѣдемся, ибо стою въ томъ, чтобы умереть въ гостяхъ у бригадирши (вы такъ называете Москву?).

Усердно благодарю васъ за критическое замѣчаніе о городѣ Таркахъ: не лѣнитесь сообщать мнѣ подобныхъ.

Вы прислали мнѣ только письма Наполеоновы къ Карно.

Простите, милые друзья. Цѣлую васъ всѣхъ, отъ мала до велика, и въ особенности дорогую крестницу. Будьте здоровы.

Дошли ли до васъ 240 р., посланные нами за салфетки?

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous salue, chers et bons amis; me voilà tout à fait bien, mais aussi j'ai presque cinq semaines. Nous nous proposons toujours de faire des courses aux environs de Sarsko-Sélo pendant le temps qui me reste de libre, jusqu'à la présentation. Mais hélas, je crains bien que n'en ayant rien fait pendant trois étés, que nous y passons sans compter celui-ci, nous executerons encore bien moins ce plan dans dix jours. J'avoue, mon cher prince Pierre, que les nouvelles que nous recevons de vous sont très affligeantes, car être loin de sa patrie pour être désagreablement, c'est trop, et surtout quand on ne retire aucun autre avantage ni pour le service, ni pour aucun autre objet. Nous avous bu à votre santé le 29 de juin, mais en famille, car ni Joukoffsky, ni Tourgueneff ne sont venus pour être de la partie quoique invités. M-elle Pluskoff a été la seule qui s'est jointe à nous. Le 12 de ce mois je sommerai encore les amis à venir manger notre soupe et boire la coupe de l'amitié en l'honneur de l'ami absent. Ce qui est sûr, chers amis, c'est que vous n'avez personne, qui fassent des voeux aussi ardents pour votre prospérité, que vos amis de Sarsko-Sélo. Recevez les embrassades les plus tendres de celle qui vous aime de tout son coeur et qui donne bien des baisers à vos chers enfants. Quand ferons nous la connaissance mutuelle de nos deux familles?!

64.

Царское Село. 3 августа 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Послѣднее ваше письмо успокоило насъ въ разсужденіи временныхъ непріятностей вашего польскаго житья-бытья. Вы стали веселѣе: и мы съ вами! Сентябрь на дворѣ: желаю, чтобы онъ посмотрѣлъ на васъ маемъ. Государь гуляетъ теперь въ Архангельскѣ. Оттуда въ Торнео, оттуда въ Царское Село, и тотчасъ къ вамъ.

Благодарю за кормилицу. О дѣлѣ вашемъ я два раза просилъ оберъ-прокурора Столыпина [71]); на послѣднюю просьбу онъ мнѣ еще не отвѣчалъ. 1-й департаментъ сената на меня сердитъ

за то, что я написалъ и вручилъ Государю жалобу одной бѣдной дворянки, осужденной имъ (сенатомъ) на каторгу беззаконно: Государь разсмотрѣлъ дѣло, уничтожилъ рѣшеніе сената и сдѣлалъ ему выговоръ именнымъ указомъ. Не только сенаторы, но и министръ юстиціи, но и Столыпинъ въ гнѣвѣ на историографа. За то бѣдная дворянка стала здоровѣе, а добрый Императоръ сказалъ мнѣ спасибо; позволилъ даже и впредь сказывать ему о несчастныхъ, объ утѣсненныхъ: право любезное, но надежно ли? По крайней мѣрѣ я еще болѣе полюбилъ Государя [72]). Не смотря на то, думаю о возвращеніи въ Москву.

Катерина Андреевна худо оправляется послѣ родинъ: это тревожитъ меня.

Теперь у насъ Тургеневъ, всегда любезной: мы съ нимъ обыкновенно говоримъ объ васъ, равно какъ и съ Жуковскимъ, который расписался о солнцѣ, о лунѣ и проч. для Павловскаго— и для потомства, какъ надѣюсь.

Обнимаю васъ, милыхъ друзей, большихъ и малыхъ. Стихи Эдувилевы [73]) читали мы съ удовольствіемъ. Французъ какъ французъ: не много, да складно. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Mon mari vous abuse, mes bons et chers amis, en vous donnant de l'inquiétude sur ma santé: je me porte très bien à un peu de faiblesse près et un petit dérangement à la suite des couches qui autrefois durait moins longtemps; voila tout. Je me porte si bien qu'après vous avoir écrit ces lignes, je vais me mettre à ma toilette pour aller diner à Pavlovsky. Hélas! Nous n'avons plus de diner à Sarsko. Sa Majesté est sur les confins de la Laponie, son Auguste Épouse sur les bords du golfe à Oranienbaum, donc nous sommes sans cour à Sarsko Sélo. Sa Majesté m'a negligée cette fois-ci, il est parti non seulement sans me dire adieu, même sans me dire une parole bienveillante ou amicale, comme il le faisait toujours, et s'il en fait autant en allant chez vous, je vous autorise, quand il vous parlera de nous, de lui dire mes plaintes sur l'inconstance de sa conduite envers moi; cependant je n'en ai ni enlaidie, ni embellie: à mon âge ni l'un, ni l'autre ne se remarque; je ne suis pas plus

mauvaise que je ne l'ai été; hélas, voila comme les vissicitudes tombent sur vous, sans que vous sachiez par quoi vous les avez mérités. Eh bien, résignons nous. La veille du départ de l'Empereur, jour de nom de sa bonne Mère, nous avons eu chez elle un très joli spectacle de société, où les comtesses Koutaysoff, mère et fille, ont figuré, et toute la brillante société et les deux cours ont été réunies. Je suis émerveillée d'avoir tant griffoné; aussi, chère princesse Véra, je vous mettrai à contribution, quand vous aurez nos russes chez vous, pour mes commissions, pour me recompenser de ce bel effort. En attendant, je vous embrasse bien tendrement, toute la famille. Nous avons une fête de famille: notre Nicolas a deux ans aujourd'hui; mais comme ce n'est pas le Benjamin, on ne se soucie pas de le fêter.

65.

Царское Село. 26 августа 1819.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Пишу съ графомъ Комаровскимъ, желающимъ познакомиться съ вами. Онъ доброй нашъ сосѣдъ: будьте съ нимъ любезны и ласковы [74]). Теперь пудритесь, умничайте: мы вымыли себѣ головы и только за бабочками бѣгаемъ въ саду Царскосельскомъ, оставленномъ, уединенномъ. Царь у васъ, а съ нами только Богъ! Не завидуемъ вамъ единственно потому, что зависть есть грѣхъ. Солнца станетъ для всего міра. Разумѣется, что говорю еще о будущемъ, о половинѣ или объ исходѣ сентября. Вѣроятно, что еще увидимъ Государя до его отъѣзда въ Варшаву.

Дошелъ ли до васъ слухъ о нашемъ лѣтѣ? Никогда Ижорскія болота не видали такого прекраснаго. Сентябрь на дворѣ, а у насъ и ночью душно. Это чудо. Но совѣстно радоваться: въ Москвѣ, въ Орлѣ etc. все лѣто плакали отъ дождей и холода. Такъ водится въ здѣшнемъ свѣтѣ: одному хорошо, другому плохо, и люди богатѣютъ на счетъ бѣдныхъ. Шагнуть ли изъ физическаго въ свѣтъ политической? Раздолье крикунамъ и глупымъ умникамъ; не худо и плутишкамъ, а намъ съ вами что? Не знаю. Смотрю на Англію, на Германію и говорю съ покойнымъ Батонди [75]): il

у aura quelque chose! За то мы ходимъ въ Россіи какъ сонные и спимъ какъ праведники. Я зритель съ любопытствомъ и наблюденіемъ, но только зритель. Не завидую актерамъ: они не завидны. Видите ли, мой умной князь, что я стараюсь подражать вамъ въ игрѣ словъ? Но между тѣмъ простите. Скажите, что увидите и услышите о нашемъ миломъ Царѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Катерина Андревна посылаетъ княгинѣ 300 р. на покупки, о которыхъ она просила ее.

Ваше дѣло объ искѣ на Левашова рѣшено *будто бы* въ вашу пользу, но едва ли что получите. Теперь надобно хлопотать въ Симбирскѣ.

66.

Письмо Е. А. Карамзиной къ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Sarsko-Sélo. Le 26 août 1819.

Bonjour, ma chère et bonne amie, princesse Véra, je m'adresse à vous directement pour vous engager a être assez aimable pour remplir mes commissions; vous aurez bientôt des moyens surs pour me faire parvenir ces différents objets que je vous demande. Je vous envoie 300 r. avec le comte Komaroffsky, et vous recevrez une lettre avec lui de mon mari; mais comme il ne sera encore chez vous que dans trois semaines, quoique il parte dans un couple de jours, je vous engage à faire mes emplettes, en recevant celle-ci, qui doit vous arriver dans la huitaine: une fois l'Empereur arrivé, vous n'aurez plus autant de temps libre. Voici ce que je vous demande, ma chère amie. Une pièce de crêpe blanc large, il est très difficile de trouver ici de joli. Pour deux ou trois robes de bal (pour Sophie) du crêpe ou de la gaze, comme vous le voulez, absolument à votre choix les couleurs et l'étoffe. Deux ou trois jolies étoffes de différents genres bigarrés, rayés ou unis, encore comme il vous le plaira; comme vous avez du gout, je me fie parfaitement au votre, pourvu que cela soit dans le genre actuel et pas des plus chères; du velours noir pour une capote à Sophie, une douzaine de souliers de maroquins de jolie couleur sans être faits, mais

déjà tout à fait découpés. En fait de bagatelles, comme de petites écharpes pour le cou en gaze ou grenadine ou d'autre manière, trois ou quatre; quelques ceintures aussi en large rubans ou écharpes; enfin vous êtes jeune, vous avez du gout, vous saurez vous même ce qu'on peut avoir de gentil en fait de petits objets pour relever une toilette simple; comme l'argent que je vous envoie, ma chère amie, pourra être trop peu de chose pour tout ce que je vous demande, je vous donne carte blanche jusqu'à la somme de 500 r. et je vous remercie avec reconnaissance de ce que vous aurez depensé de votre argent, et vous aurez la complaisance de distribuer tous ces effets aux différentes personnes qui seront de la suite de l'Empereur; l'une de ses personnes sera m-me Komaroffsky. Faut-il vous demander pardon, chère amie, pour mon importunité? Je crois que non, j'aime à croire que si même c'est une peine pour vous, que tous ces achats, l'idée de me rendre service en sera la compensation; aussi mettant de côté la crainte de vous être importune, je vous remercie d'avance de votre aimable complaisance et de toutes les jolies choses que je crois déjà voir et tenir. En grace seulement, faites bien emballer. Vous voyez déjà que je pense à la toilette de m-elle Sophie. C'est qu'insensiblement elle va après demain au troisième bal qui se donne chez nous parmi la société de Sarskoe Sélo, qui est par parenthèse la quintessence de la brillante société. Et comme nous sommes très simples et pas du tout quintessenciés, la pauvre Sophie se ressent de notre isolement; aussi comme elle dit souvent: „Ah, si mon oncle et ma tante étaient ici, je m'amuserai davantage". C'est vrai, ma chère amie, que vous me manquez toujours, mais s'il faudra que Sophie sorte réellement, vous me manquerez bien davantage. Adieu, ma chère amie, je vous recommande encore mes commissions, à votre gout, à votre économie et à votre complaisance. Amusez vous bien les quinze jours brillants que vous allez avoir pendant le séjour du cher Empereur. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime de même. J'aurai voulu vous écrire encore, mais je suis déjà très fatiguée, car jusqu'à cet heure je ne puis regagner mes forces. Mille tendres baisers à mon bon et cher prince Pierre, ainsi que pour les chers enfants.

P. S. J'oubliais de vous dire, ma bonne amie, en cas que les

marchandises renchérissent par la présence de l'Empereur, alors j'aime mieux que vous attendiez son départ. Encore je vous prie en cas qu'il ait à Varsovie de jolies garnitures, накладки, de robes appliquées qu'ou puisse transporter d'un bas de robe à une autre et que ce ne soit pas trop cher, vous m'obligerez infiniment en m'envoyant une.

Приписка Н. М. Карамзина.

Обнимаю васъ, любезнѣйшіе друзья, я сію минуту пишу къ вамъ съ графомъ Комаровскимъ.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Je me joins à maman, ma chère et bonne tante, pour vous prier de vous charger de toutes ses commissions, auxquelles je suis si interessée, et pour vous dire combien j'en serai reconnaissante; et je trouverai mille fois plus de plaisir à porter ces robes, en pensant qu'elles sont de votre choix. Maman a bien raison de vous dire qne *même* au bal je vous regrette; mais croyez bien que ce n'est pas *seulement* au bal; c'est tous les jours et dans toutes les occasions. Je vous assure que je vous aime bien tendrement, et jamais rien ne pourra altérer ce sentiment avec lequel je suis pour la vie votre très affectionnée nièce Sophie Karamsine.

Je baise les mains à mon oncle et j'embrasse mes petites cousines.

67.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 22 septembre 1819. Sarsko Sélo.

Vous voila dans tout le brillant d'une habitante d'une capitale, où le Maître vient de paraitre avec son beau cortège. Aussi je suppose, ma chère et bonne princesse Véra, que vous devez vous trouver dans un brouhaha depuis hier. Cependant, comme j'ai manqué la poste de l'autre courrier qui était le porteur des lettres de

mes filles et de l'album, et comme je l'ai manqué par le contraire d'un brouhaha, car nous sommes dans une solitude profonde et par conséquent dans une parfaite tranquillité, j'ai oublié le jour de la poste, ce qui arrive souvent, quand tous les jours se ressemblent par leur uniformité. Vous recevrez donc aujourd'hui mes félicitations et mes voeux pour vos jours de fêtes. Vous devez être persuadée, chère amie, que pour les derniers j'en forme tous les jours pour votre bonheur, et comme il y a un peu d'égoïsme dans tout cela, ce n'est pas si méritoire le bonheur de votre famille étant si intimement uni au notre. J'ai été bien enchantée pour le cher prince Pierre d'apprendre que le comte Capodistrias doit etre déjà depuis quelques jours à Varsovie; je voudrais bien qu'il rumine bien dans se tête ce qu'il désirerait demander au comte, et après avoir bien refléchi à ce qui lui conviendrait le mieux, de s'en ouvrir; je suis persuadée qu'il sera favorablement écouté. Dites, je vous prie, de notre part au comte mille amitiés et combien nous sommes enchantés de l'idée de le revoir bientot; nous ne l'avons pas vu souvent, et malgré cela sa société nous a manqué sensiblement, comme celle d'un des hommes que nous aimons et estimons le plus. J'attends avec impatience vos lettres: il me parait qu'elles nous apprendrons un changement si non dans votre situation, au moins dans le séjour. Que le bon Dieu fasse tout ce qui vous convient le mieux. Bonjour, mes bons et chers amis; c'est le jour de naissance de ma chère Catiche qui viens d'avoir ses treize ans; encore quelques années, et la voila grande demoiselle. Je reçois d'avance vos félicitations, et vous recevez mes tendres embrassements pour toute la chère famille, papa, maman et enfants. Dieu veuille que votre choix d'une gouvernante soit béni par lui, c'est un point si important!

Приписка Н. М. Карамзина.

Обнимаю васъ, любезнѣйшіе друзья. Я не очень здоровъ: для того скажу мало словъ, но не съ холоднымъ чувствомъ. Да устроится все къ вашему удовольствію: не говорю о счастіи, которое не зависитъ ни отъ Варшавы, ни отъ Парижа. Совѣтовать поздно, но не поздно желать вамъ добра. Между тѣмъ не безъ

грусти читалъ я въ вашемъ письмѣ о *безднахъ* и *ямахъ*, которые отдѣляютъ васъ отъ Россіи. Да будетъ, что угодно Богу и вашему генію! Всѣхъ васъ цѣлую нѣжно и вашъ на вѣки Н. Карамзинъ.

Скажите графу Каподистріа, какъ мы его любимъ.

68.

Царское Село. 13 октября 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Нетерпѣливо желаемъ узнать слѣдствіе Царскаго пребыванія въ Варшавѣ для васъ. Лучше быть христіанином, нежели жидомъ; лучше блаженствовать пришествіемъ Мессіи, нежели ждать второго. Дѣло сдѣлано: остается намъ узнать, что или ничего? Императоръ, вѣроятно, уже въ Гатчинѣ, куда ѣду черезъ часъ по грязи и въ ожиданіи новаго дождя; по падобно поздравить Марію, нестарую въ 60 лѣтъ. Елисавета была къ намъ милостива и semper amabilis, такъ что я написалъ четыре стиха къ ея портрету, у насъ на стѣнѣ висящему:

Корона на главѣ, а въ сердцѣ добродѣтель;
Плѣняетъ умъ душей, умомъ душѣ мила;
Въ благотвореніяхъ ей только Богъ свидѣтель;
Хвалима... но предъ ней безмолствуетъ хвала.

Это не поэзія, а исторія. Здѣсь жили мы, какъ обыкновенно, безъ скуки. Думаемъ на сихъ дняхъ перебраться въ городъ, гдѣ хотѣлось бы мнѣ кончить второе изданіе и 9-й томъ къ лѣту.

Сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшій князь, справьтесь по приложенной запискѣ, живъ ли, здоровъ ли мужъ нашей мамушки въ Варшавѣ, и какъ можно скорѣе насъ о томъ извѣстите.

Нѣжно обнимаю васъ всѣхъ, и въ особенности милую крестницу! Когда-то увижу ее и васъ! Между тѣмъ на вѣки вашъ Н. Карамзинъ [76]).

Приписка Е. А. Карамзиной.

Mon mari court dans ce moment sur le chemin de Gatchina, et moi je vais vous dire quelques mots, mes bons et chers amis. J'ai reçu votre lettre avec toutes les *annonces*; celle de votre gros-

sesse, chère princesse Véra, ne m'afflige nullement; à votre âge c'est permis; c'est à moi de me reposer sur mes lauriers, après huit campagnes il en est bien temps et alors c'est permis. Je vous remercie, chère amie, pour la peine que vous vous êtes donnée pour le choix de nos commissions; vous auriez pu vous en diminuer l'embarras, en n'achetant que du simple, pourvu que ce soit frais; d'avance je vous remercie pour tout, étant persuadée que ce sera du meilleur gout. Ne vous étonnez vous pas, mes chers amis, de notre persévérence à rester toujours à Sarsko Sélo; voilà déjà près de six mois que nous sommes ici et je n'ai découché qu'une fois pour aller à Gatchina il y a quinze jours; je ne suis pas allée une fois à Petersbourg, aussi c'est la dernière lettre que vous recevrez de nous daté d'ici; pour le 20 nous serons déjà rentrés s'il plait à Dieu. Je ne sais si j'aurai l'occasion de voir et de parler à Sa Majesté, je voudrais bien qu'il me dise quelque chose de satisfaisant sur vous, mon bon ami, en tout cas j'en saurai toujours quelque chose par le comte Capodistrias. Adieu, mes chers et bons amis, je vous embrasse de toute la tendresse de mon coeur et vous aime de même, y compris les chers enfants, la favorite Marie en particulier.

P. S. J'oubliais de vous dire: ne vous embarassez pas pour le velours noir, achetez du velours épeinglé d'une jolie couleur dans les nuances de Marie-Louise, s'il n'y a pas de joli noir.

69.

С.-Петербургъ. 3 ноября 1819.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Поздравляю коллежскаго совѣтника. Мы нѣсколько разъ говорили объ васъ съ Государемъ, котораго отзывы были очень лестны для васъ, любезнѣйшій князь. Видите, что и *первое пришествіе* было не безплодно. Ждите второе съ новою надеждою: въ ваши лѣта еще можно надѣяться [77]). Между тѣмъ трудитесь умомъ, играйте воображеніемъ, живите сердцемъ и отъ времени до времени заглядывайте въ расходную книгу. Кто любитъ свободу, долженъ быть бережливъ какъ Франклинъ. Мы видѣли вашего Байкова: разумѣется, что много говорили съ нимъ объ васъ [78]). Онъ берется доставить вамъ ящикъ съ

чаемъ. Наконецъ мы переѣхали въ городъ, гдѣ почти никого не видимъ, лѣнимся изо всей мочи и вздыхаемъ, смотря на роспись визитовъ, пустыхъ, но трудныхъ для насъ еще болѣе, нежели для нашихъ коней. Царя можемъ и не видать въ теченіе зимы: мы существовали для него вмѣстѣ съ мухами лѣтомъ; а на зиму прячемся въ нору вмѣстѣ съ кротами: выползаемъ, чтобы иногда взглянуть на солнце будничное, на простое солнце натуры, которое должно весною или лѣтомъ, или осенью освѣтить нашъ путь въ Москву, если только поѣдемъ туда: ибо не стоитъ труда заѣзжать мыслями далеко впередъ тамъ, гдѣ все дѣлается... Богъ вѣсть какъ! Говорю о здѣшней жизни, вѣря другой, гдѣ мы будемъ... то ли дѣло! Живемъ здѣсь, какъ птенцы въ яйцѣ; смерть разбиваетъ скорлупу: взглянемъ, оперимся и полетимъ! Въ ожиданіи сего времени или вѣчности, если угодно, будемъ заниматься кое-чѣмъ: вы—новою всемірною конституціею и стихами, я—старою россійскою исторіею и прозою; а болѣе всего станемъ любить женъ, дѣтей и добрыхъ людей, къ числу которыхъ принадлежатъ наши друзья: *первой, другой — обчелся.* Это шутка: Тургенева, Жуковскаго смѣло называю въ Петербургѣ друзьями, хотя перваго рѣдко видимъ, а второго почти никогда; первый занимается движеніемъ, второй — сидѣніемъ: пишетъ академическую рѣчь... *о вліяніи* etc. Это богатый предметъ: не правда ли? Мы всѣ произошли отъ *вліянія;* все зависитъ отъ *вліянія* и проч. Это самое академическое *вліяніе.* А вы, милой князь, еще не академикъ! Вообразите, что наша смиренная Академія жаловалась правительству на Греча за его критическое разсмотрѣніе грамматики ея, и Гречу сдѣлали выговоръ! Вотъ прямо христіанское смиреніе! Могу завидовать, но тщетно [79]).

Дѣти наши милы намъ: часто любуемся меланхоликомъ Андреемъ, маркизомъ Сашею. Вотъ мой разговоръ съ первымъ. *А.* „Гдѣ Богъ? на небѣ?“.—*Я.* „И на небѣ и на землѣ“.—*А.* „Стало онъ очень *широкъ*“. Видите ли работу воображенія? Будетъ путь, если останется живъ.

Простите, любезнѣйшіе. Всѣхъ васъ нѣжно обнимаю. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Quoique femme de mon mari, je lui envie le talent d'une aussi jolie lettre; c'est pourquoi je le laisse parcourir sa carrière brillante, sans tenter de l'imiter, et vous dirai tout plattement, mes chèrs amis, que j'ai été charmée des avoir que Sa Majesté dit du bien du cher prince Pierre, et qu'en conséquence de cela sa *rangomanie* doit être satisfaite, car voilà trois rangs dans le courant de 18 mois, il y a de quoi faire des curieux. Pour vous, chère princesse Véra, mr. Baykoff nous a dit que vous vous plaisiez beaucoup à Varsovie, et j'en suis charmée; puisque il faut que vous y restiez encore quelque temps, il vaut mieux s'amuser; seulement je suis fachée contre vous de ce que vous ne me faites pas part de vos plaisirs, ayant si sincèrement partagé vos ennuis les premiers temps de votre séjour dans cette ville, si séduisante au dire de tout le monde. Je vous remercie, chère amie, pour tous vos envois qui seraient charmants, s'ils m'étaient arrivés sains et saufs: par exemple la robe de gaze que vous avez fait l'amitié d'envoyer à Sophie ne peut même servir, tant elle a été maltraitée par la poussière, car le paquet est arrivé en lambeaux. J'en étais d'autant plus fachée que c'est la seule robe de bal que vous ayez envoyée; c'est pourquoi, en grace, faites mieux emballer vos paquets; j'attends avec impatience les garnitures, car voilà les bals de la cour déjà en train. Je vous enverrai le thé de notre provision à vous, chers amis, vous en boirez, en pensant à notre table ronde et à nos regrets de ne pouvoir même prévoir le moment, où nous y serons tous rénuis. Adieu, mes chers amis, je vous embrasse tous, tant que vous êtes, tendrement.

70.

С.-Петербургъ. 17 декабря 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Мы къ вамъ давно не писали. За то пишемъ теперь въ 30 градусовъ мороза. Чрезмѣрный холодъ имѣетъ дѣйствіе жара: лѣнь мыслить и писать; но великодушно побѣждаемъ врага, чтобы сказать друзьямъ: здравствуйте!

Доселѣ, не смотря на этотъ въ самомъ дѣлѣ ужасный холодъ, мы здоровы. Но для меня прервалося сообщеніе съ людьми: не выѣзжаю, боясь заморозить кучера. Что то у васъ въ Варшавѣ! Мы надѣялись, что вы уже пьете нашъ чай, отправленный къ вамъ съ Байковымъ; но слышимъ, что Байковъ еще здѣсь. Когда нибудь уѣдетъ, какъ надѣюсь, и доставитъ вамъ нашу посылку, довольно огромную. Не знаемъ найдемъ ли случай отправить другую такую же, то-есть еще фунтовъ 12 чаю. Если не найдемъ, то пошлемъ къ вамъ деньги. Ходятъ ли новыя ассигнаціи въ Варшавѣ? Увѣдомьте.

Прошу васъ, милой князь, прислать мнѣ Сигизмунда III Нѣмцевичева и еще піесу о царѣ Шуйскомъ, о коей прилагаю особенную записку. Пожалуйста найдите эту любопытную для меня статью, напечатанную въ Варшавскомъ и Львовскомъ Памятникахъ. Я все еще будто занимаюсь Исторіею; намѣренъ даже и дѣйствительно запяться сю съ генваря, по окончаніи второго изданія. Хочу въ торжественномъ собраніи пресловутой Россійской Академіи читать нѣсколько страницъ объ ужасахъ Іоанновыхъ: президентъ счелъ за нужное доложить о томъ черезъ министра Государю! Увидимъ, сколько будетъ любопытныхъ [80]). Знаете ли вы французское сочиненіе одного Россіянина Essais philosophiques sur l'homme? Еще Русскіе такъ не писывали. Знаю автора и полюбилъ его. Жаль, что у насъ такіе люди не всѣмъ извѣстны! [81]) О новостяхъ къ вамъ не пишу: у васъ есть Тургеневъ. Для меня все in statu quo. На сей разъ цѣлую всѣхъ, прежде свою милую крестницу. Ея сверстникъ Андрей уже изрядно читаетъ и становится интереснѣе. За него цѣлую нѣжно всѣхъ васъ. На вѣки вашъ П. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Chantez, chantez, mon cher ami, les prémices de l'hiver, il vous fait honneur, cet amour patriotique qui vous anime; avec vous ce n'est pas le cas de dire que les absents ont tort! Pour nous autres, qui passerons cet hiver avec toute sa sublime énergie, nous en sommes pénétrés et atteints jusqu'au coin de nos cheminées; nous ignorons même combien il y a de dégrès de froid, car à notre

thermomêtre qui ne marque que 31, le mercure est rentré dans la boule et n'en bouge depuis trois jours. Cependant en achevant ces lignes, je sortirai pour aller voir m-me Doktoroff, qui est arrivée depuis deux jours ici. Elle vous dit mille amitiés, mes chers et bons amis. Et moi, je vous remercie infiniment tous les deux pour les félicitations, quoique un peu laconiques, et j'en veux d'autant plus au cher prince Pierre que je suis jalouse des épîtres qu'il écrit à notre cher Tourgueneff. Je serais aussi coupable, si on me trouvait des corespondances plus suivies et plus prolixes que celle-ci: mais je défie de me prendre sur le fait. Le 12 nous n'avons fait qu'entrevoir Son Altesse Imperiale le Grand-Duc de Varsovie; il n'a pas daigné même nous saluer, ni mon mari, ni moi, malgré l'ancienneté de notre connaissance qui date de Tver. Je ne vous dis rien sur cette belle fête; vous en aurez sûrement des nouvelles sur des spectateurs qui s'y sont trouvés, et puis sûrement des descriptions de nos corespondants moins paresseux et qui possèdent mieux le style descriptif. Adieu, chers et bons amis. Je vous embrasse tendrement toute la famille en gros et en détail.

Приписка Н. М. Карамзина.

Зима ваша, любезнѣйшій князь, очень хороша, и многіе стихи прекрасны.

71.

С.-Петербургъ. 21 генваря 1820.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Благодарю васъ за книги, а тетрадку, взятую вами изъ Публичной Библіотеки, возвращу немедленно. Нѣмцевичъ далъ вамъ записку о книгѣ весьма извѣстной: Гейденстейнъ есть азбука для описанія Баторіевой войны съ Иваномъ Васильевичемъ. Какъ бы то ни было, но мнѣ жаль, что le grand *prince* перемѣнился въ отношеніи къ вамъ: желаю новой перемѣны, то-есть, чтобы новое невниманіе обратилось въ старое вниманіе. Вы еще молоды, любезнѣйшій: успѣете блистать искренностью; а теперь въ вашемъ дипломатическомъ элементѣ не худа и скромность. Le Diable prêche l'Évangile; но я уже старѣюсь: мнѣ пора

оказывать характеръ; къ тому же могу иногда похвалиться и скромностью или, лучше сказать, не чѣмъ хвалиться. Старѣюсь ребенкомъ, а мужество ждетъ насъ за гробомъ. Умирая, не скажу съ Брутомъ: *ты пустое имя*, а протяну руку *къ Ней*, къ оригиналу: здѣсь видимъ *ея* портреты въ туманѣ. Дай Богъ только дожить до смерти тихо и смирно! Отъ васъ перешелъ я къ себѣ; отъ себя перехожу къ вамъ. Мы съ Жуковскимъ говорили о томъ, что не худо бы отъ времени до времени приглашать 20 или 30 женщинъ, 30 или 40 мужчинъ въ залу (на примѣръ) Катерины Ѳедоровны Муравьевой для какого-нибудь пріятнаго чтенія, не бесѣднаго, не академическаго, а... разумѣете? И такъ мы положили требовать отъ васъ содѣйствія стихами, прозою, какъ угодно, съ наблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ: 1) желаемъ остроумія безъ колкихъ насмѣшекъ; 2) легкости безъ пустоты; 3) грустнаго безъ тоски; 4) веселаго безъ вольнаго; 5) любопытнаго безъ страшнаго; 6) ученаго безъ скучнаго; 7) глубокомысленнаго безъ темнаго, etc. etc. И такъ, вы, любезнѣйшій князь, пришлете къ намъ, недѣли черезъ двѣ, три, четыре піесу, двѣ, три, четыре. А кто еще? Можетъ быть, Батюшковъ. Плещеевъ будетъ читать хотя за десятерыхъ; а вы въ минуту рукоплесканія *сладострастно* вздрогнете въ Варшавѣ. Ждемъ вашей отповѣди для дальнѣйшихъ соображеній. Между тѣмъ просимъ не шутить нашимъ вызовомъ; перчатка лежитъ передъ вами. Но передъ вами ли ящикъ съ чаемъ? Доставилъ ли его вамъ камергеръ варшавскій? А деньги ваши еще у насъ.

Простите, любезнѣйшіе. Нѣжно обнимаю родителей и дѣтей, въ особенности милую крестницу. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Тургеневъ писалъ къ вамъ объ академической медали?

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes bons et chers amis, il y a longtemps que nous ne nous avons écrit. Dieu sait, sans avoir beaucoup de dissipation, nous sommes distraits, et avec cela la petite paresse, qui va toujours son train, fait que mercredi vient et passe avant que nous nous en soyons aperçus. Cet hiver est très brillant à Petersbourg: des bals, des bals masqués, des spectacles dans tous les genres,

remplissent presque toutes les soirées. Ne croyez pas que nous y participions; exepté quelques sorties à la cour et quelques visites chez les particuliers, nous sommes toujours chez nous. Mais aussi dès que je sais, que je dois aller au spectacle ou à un bal, il me faut huit jours pour m'y préparer et me tenir en haleine. Madame Doktoroff est ici, elle me prend beaucoup de mon temps; m-me Ogareff est ici depuis trois semaines, elle repart dans huit jours pour Moscou et puis elle entreprend un voyage dans l'étranger pour sa santé qui est très delabrée. Je passe presque tous le temps avec elle, elle a l'amitié de venir tous les jours chez nous et quelque fois tout le long du jour elle n'en bouge. Toutes les deux dames vous disent bien d'amitiés. Nous avons beaucoup parlé de vous, de vous, chers amis; elle m'a beaucoup donné de details sur votre existence, et vous sentez que c'est une véritable jouissance pour moi, que de causer de vous avec quelqu'un qui vous aime et et qui a vécu avec vous quelque temps; vos chers enfants ne sont pas oubliés dans nos entretiens. Ma chère princesse Véra, vous me faites mystère du moment de l'acroissement de la famille, vous ne m'en avez dit un mot qu'en m'annonçant vos doutes, et depuis vous ne m'en soufflez plus un mot; c'est par les bruits *européens* que j'apprends votre état et que vous êtes sur le point d'accoucher. Que le Ciel vous aide dans ce moment comme dans tous les autres de votre vie et qu'il vous conserve toute votre chère famille. Adieu, mes chers et bons amis, toute notre famille grande et petite se porte très bien et vous aime beaucoup.

72.

С.-Петербургъ. 25 февраля 1820.

Любезнѣйшіе друзья! Давно мы къ вамъ не писали, а между тѣмъ безпокоились о вашихъ малюткахъ. Въ послѣднемъ письмѣ не говорите объ нихъ: заключаемъ, что они, слава Богу, совершенно здоровы. У насъ также Катенька не здорова: говѣла, постилась и занемогла, нынѣшній день давали ей рвотное. Впрочемъ вообще не жалуемся на дѣйствіе здѣшняго климата. Одна Катенька не добрѣетъ физически. Наше нравственное житье-

бытье по старому, за что благодаримъ Бога. Только одною работою своею я не очень доволенъ: не могу наладить такъ, чтобы всякое утро заниматься постоянно отъ 4 до 5 часовъ, пока есть охота и силы. А вы, любезнѣйшій князь, поднявъ мою перчатку, что дѣлаете? Ознаменуйте ваше пребываніе на Вислѣ многочисленными дѣтями вашего ума и воображенія; пользуйтесь временемъ какъ можно лучше, подчиняйте разсѣяніе труду, чтобы болѣе наслаждаться и тѣмъ и другимъ. Видите, я не отстаю отъ старой привычки проповѣдывать, по крайней мѣрѣ не безъ искренности. Катастрофа парижская тронула меня до глубины сердца. Бѣдные Бурбоны! Ихъ записываютъ въ святые: поятъ, кормятъ и рѣжутъ на тронѣ! Убѣжищемъ остается имъ рай или долина Іосафатова, гдѣ нѣтъ ни бонапартистовъ, ни якобинцевъ, ни роялистовъ [82]). Прошу васъ, любезнѣйшій князь, сказать г. Миллеру, что въ изданной мною Исторіи помѣщено все *извѣстное мнѣ* о жидахъ въ древней Россіи; что съ десятаго вѣка видимъ ихъ въ Тавридѣ, на Кавказѣ, въ Кіевѣ, а съ XIII-го и въ Сѣверной Россіи откупщиками нашей могольской дани; что они составляли знатную часть жителей Козаріи, особенно въ Ателѣ, при устьѣ Волги; что ему надобно заглянуть и въ Эбнъ-Гаукаля и въ Массуди; что Рюльеръ бредитъ, и что еврейскія обыкновенія сдѣлались намъ извѣстны только *черезъ Библію;* что въ Сибири не бывали жиды; что я не знаю никакого русскаго рукописнаго сочиненія о евреяхъ; что великій князь Василій Ивановичъ и царь Иванъ Васильевичъ изгнали ихъ всѣхъ безъ остатка изъ Московской Россіи.

Простите, милые друзья. Нѣжно цѣлую всѣхъ васъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Возвращаю при семъ съ благодарностью *Памятникъ Львовскій.*

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes bons et chers amis, vous annoncez les dévotions de la princesse Véra. Nous ne sommes pas moins exacts à remplir nos devoirs, car nous venons aussi de faire les nôtres la seconde semaine du carême, ce qui a tellement fatigué la pauvre Catiche qu'elle ne remue ni pied, ni patte. Il n'y a que mon mari qui n'a pu faire les siennes, devant accompagner l'Impératrice aux examens

de l'Institut Sainte-Catherine, dont il y a eu sortie ces jours-ci. Cela ne lui a pas mieux reussi qu'à Catiche ses dévotions, car il est resté plusieurs jours sans quitter la chambre pour un refroidissement qu'il y attrappa. Je suis bien charmée d'apprendre que les enfants vont mieux; nous avons été bien inquiéts d'autant plus que vous ne nous avez rien dit de la qualité ou de l'espèce du mal qu'ils avaient. Mon mari a confondu votre dernière lettre avec la précédente, c'est pourquoi il vous parle encore de leur indisposition au lieu de parler de leur convalescence. J'ai eu ces jours-ci un moment de plaisir très vif, en revoyant la ci-devant malheureuse Obreskoff, dans ce moment-ci la fortunée princesse Хилковъ; Dieu veuille, que son bonheur dure, mais pour le moment elle en jouit dans toute sa plénitude. Les compliments de la chère princesse Véra pour m-me Ogareff sont arrivés trop tard, elle avait quitté Petersbourg, quand j'ai reçu la lettre qui les contenait. Son voyage est remis jusqu'au printemps; elle n'a pas trouvé l'argent sur lequel elle comptait, ce qui non seulement retarde son voyage, mais surtout son retablissement dont elle a grand besoin, car elle est d'une faiblesse extrême et avec cela elle souffre l'impossible. Chère princesse Véra, faites moi le plaisir de faire regarder dans les magasins, si on peut encore trouver quatre archines de l'étoffe dont voici l'échantillon ci-joint, et envoyez le, comme si c'était un paquet avec un livre; on m'a assuré que cela ne souffrirait pas de difficulté, envoyé de cette manière. Mon mari est coupable de ne vous avoir pas encore envoyé l'argent, je ne sais ce qui lui arrive, lui qui est si exact; c'est 250 roubles, je crois? dites, je vous prie, oui ou plus. Adieu, je vous embrasse tous, comme je vous aime, ce qui veut dire de tout mon coeur. Ne soyez pas paresseux, écrivez nous davantage et n'imitez pas le mauvais exemple.

73.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 23 mars 1820. Saint-Petersbourg.

Bonjour, mes bons et chers amis, je vous écris le mercredi de la Semaine Sainte pour vous féliciter avec notre fête solennelle de

Pâques. J'espère que cette lettre vous parviendra dans les premiers jours de la semaine des fêtes et que vous penserez à nous et à notre chagrin d'être pendant si longtemps separés de vous, nos chers amis. Réellement cette idée est triste, surtout quand on ignore même le moment de la réunion. Pour ce qui nous regarde, je suppose que nos fêtes se passeront comme le grand carème, s'entend presque dans une solitude totale. Mr. Tourguéneff, Alexandre, est parti pour Moscou avec son frère Serge; le dernier n'a pas apparemment beaucoup gouté la société de mon mari, car en partant pour Constantinople et pour un temps indéterminé, il ne s'est pas même donné la peine de venir dire adieu. Qui sait, mon cher prince Pierre, qui sait, peut-être, un jour étant réunis dans la même ville, vous ne nous verrez pas davantage, car pour vous autres *libéraux*, vous n'étes pas pour cela plus *tolérants*; il faut avoir la même façon de voir, sans cela non seulement on ne peut pas s'aimer, mais pas même se voir. Je badine, quand je vous mets du nombre, car le caractère de mon mari m'est garant que nous resterons frères, malgré les opinions politiques. Joukoffsky vient nous voir une fois le mois; mr. Pouchkine à tous les jours des duels; grâce à Dieu, qu'ils ne sont pas meurtriers, car les combattants se portent toujours bien. Mr. Mouraview imprime une critique sur l'Histoire de mon mari. Vous voyez que d'après ce petit aperçu nous sommes mal dans la société qui nous a le plus assidument frequenté. Mais hélas, il faut bien trouver à se consoler, et Dieu merci, nous ne nous désespérons pas trop. Mon mari s'occupe avec plus d'assiduité à son Histoire que jamais, moi (comme la mouche du chariot) je la copie; nous pensons déja à Sarsko Sélo, on nous y arrange notre petite maisonnette. Toute la famille se porte bien, et nous en bénissons le bon Dieu en chorus. Je fais les mêmes voeux pour vous tous, mes bons amis, que pour moi et les miens; et je vous embrasse avec beaucoup de tendresse, en me reservant le plaisir de vous dire le premier mercredi: Христосъ воскресъ!

Приписка Н. М. Карамзина.

Обнимаю васъ, любезнѣйшіе друзья, прочитавъ не безъ улыбки, что пишетъ къ вамъ жена о либеральныхъ, которые не либеральны

даже и въ разговорахъ, а я стараюся быть либеральнымъ и на дѣлѣ, и въ такихъ случаяхъ... но теперь не имѣю времени болтать. Скажу только, что люблю васъ нѣжно. Будьте, милые, всѣ здоровы и благополучны. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

74.

С.-Петербургъ. 12 апрѣля 1820.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Надѣемся, что малютки уже не безпокоятъ васъ своимъ здоровьемъ. Мы довольны своими и благодаримъ Бога. И здѣсь весна, а у васъ, безъ сомнѣнія, и цвѣты. Думаемъ недѣли черезъ двѣ или три перебраться въ Царское Село, гдѣ мнѣ отдѣлываютъ свѣтелку для кабинета съ видомъ въ поле. Вотъ уже пять лѣтъ проводимъ въ чухонской землѣ, которая однакожь имѣетъ пріятности. Нынѣшнее лѣто почти не увидимъ Государя: онъ скоро уѣдетъ смотрѣть войска и колоніи, а тамъ къ вамъ въ Варшаву. Была ли у васъ свадьба? И какъ вы будете чествовать молодую? [83])

Исторія Гишпаніи очень любопытна. Боюсь только фразъ и крови. Конституція кортесовъ есть чистая демократія à quelque chose près. Если они устроятъ государство, то обѣщаюсь итти пѣшкомъ въ Мадритъ, а на дорогу возьму Донъ-Кишота или Кихота. Что сказалъ бы нашъ незабвенный Батонди? Ah, monsieur! Je vous prédis qu'il y aura quelque chose! [84]) Пророковъ у насъ бездна. Канцлеръ графъ Румянцовъ именно предсказалъ революцію въ Гишпаніи: я слышалъ своими ушами гласъ Іереміи! Будетъ ли лучше? Будетъ ли хуже? Послѣднее, увы, обыкновеннѣе. Впрочемъ есть горка на землѣ, откуда все кажется совершенствомъ: тамъ, гдѣ мы стоимъ съ мыслію о Провидѣніи! Довольно.

Пишетъ ли къ вамъ Тургеневъ изъ Москвы? Онъ блеститъ тамъ своею звѣздою, бодрствуетъ на обѣдахъ и дремлетъ на вечерахъ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ.

Простите, любезнѣйшіе. Нѣжно обнимаю васъ, крестницу и всѣхъ малютокъ Вяземскихъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mes bons et chers amis. Je remercie la chère princesse Véra de m'avoir donné la douce espérance de vous revoir tous ici dans le courant de l'année; combien ce moment sera doux après une si longue absence. Je fais des voeux tous les jours pour votre heureuse délivrance et un parfait retablissement après; donc vous finirez par avoir un polonais ou une polonaise, ce ne sera pas le favori ou la favorite de votre très humble servante. Nous pensons déja à notre sejour à Sarsko Sélo qui sera, je suppose, plus calme que jamais: notre illustre Hôte nous quitte, à ce que l'on dit, au milieu de la belle saison. Vous gagnerez à ce que nous perdrons, car vous le posséderez au moins pendant un mois. Je ne puis ne pas vous féliciter avec les *nôces*: étant des habitants de Varsovie, il faut que vous preniez votre part à tout ce qui se fait de remarquable. Bonjour, mes bons et chers amis, portez vous tous bien, soyez tranquilles, ce qui équivaut à être heureux; voila les voeux de celle qui vous aime de tout son coeur, et qui vous embrasse de même les grands comme les petits.

75.

Царское Село. 17 мая 1820.

Любезнѣйшіе друзья! Пишемъ къ вамъ съ пепелища: 12 мая сгорѣла здѣсь часть дворца, церковь, лицей; три раза загорался и нашъ домикъ; бумаги, книги мои etc. были уже въ полѣ: но вѣтеръ поворотилъ въ другую сторону, и домикъ нашъ уцѣлѣлъ. Государь съ своими генералъ-адъютантами, а мы съ дѣтьми были на ногахъ отъ двухъ часовъ за полдень до самаго утра. Явилась полиція изъ Петербурга и залила огонь въ самомъ императорскомъ кабинетѣ. Дѣло окончилось убыткомъ милліоновъ до двухъ: мірская шея толста. Всѣ живы и здоровы. Мы уже снова обѣдали во дворцѣ, на половинѣ у Императрицы. Государь, какъ любезнѣйшій хозяинъ, въ то же утро приходилъ къ намъ спросить о здоровьѣ жены и дѣтей. Все по старому. А у васъ что? Дѣти совершенно ли наконецъ здоровы? Вы написали къ намъ, любезнѣйшій князь,

такія загадки, что и Эдипу не разгадать ихъ. Какая *другая* свадьба на развязку? Одной мы ждемъ: да совершилась ли? Здѣсь ничего не слышимъ. Уже не женится ли вашъ начальникъ? Аминь! Пусть ихъ женятся! Но оставляя всѣ Тургеневскія церемоніи, и разводы и бракосочетанія, скажу вамъ, что мы объ васъ безпокоились: Богъ знастъ, какъ давно не получали ни строки изъ Варшавы! Даже и Тургеневъ жаловался на ваше молчаніе. Впредь желаемъ не имѣть такія безпокойства. Готовитесь ли къ сейму и что̀ сочиняете: рѣчи ли, конституціи ли? Гишпанцамъ желаю добра, а едва ли придется мнѣ, и съ вами, итти къ нимъ пѣшкомъ. Клобами и журналами не прельщаюсь. И у насъ проявились смѣльчаки: графъ Хвостовъ! *Дерзнувъ* сказать (въ стихахъ на убіеніе Берри), что не должно рѣзать людей, онъ ждетъ великодушно смерти отъ руки какого-нибудь Занда! Не выдумываю, а слышалъ отъ него самого. Между тѣмъ Пушкинъ, бывъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ піитическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на свободу и нѣкоторыхъ эпиграммъ, далъ мнѣ слово уняться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ мѣсяцевъ на пять. Ему дали рублей 1000 на дорогу. Онъ былъ, кажется, тронутъ великодушіемъ Государя, дѣйствительно трогательнымъ. Долго описывать подробности; но если Пушкинъ и теперь не исправится, то будетъ чертомъ еще до отбытія своего въ адъ. Увидимъ, какой эпилогъ напишетъ онъ къ своей поэмкѣ! Простите, милые друзья, родители и дѣтки! Будьте всѣ здоровы. На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Mon mari a été si bavard pour cette fois-ci, qu'a peine j'ai assez de place, pour vous dire un petit bonjour, mes bons et chers amis; nous avons si rarement de vos nouvelles que quelquefois cela nous donne des moments d'angoisses. Vous qui êtes encore jeunes tous les deux, vous ne devriez pas prendre le mauvais pli de la paresse, comme nous autres qui, hélas, sommes déja trop vieux pour nous corriger du détestable défaut de paresse pour écrire. La chère princesse Véra vous a-t-elle déja donné un beau garçon ou une jolie fille? Embrassez la tendrement pour moi, et elle vous rendra la pareille. Adieu, mes bons amis, mille baisers à la chère marmaille.

76.

Царское Село. 31 августа 1820.

Любезнѣйшіе друзья! Около мѣсяца я не бралъ пера въ руки, страдавъ отъ ревматизма въ правой рукѣ; и теперь еще боль не совсѣмъ прошла: по крайней мѣрѣ могу писать. Вы могли думать, что мы совсѣмъ забыли васъ, если бы ваше сердце не отвѣчало вамъ за нашу дружбу *пожизненную*. Я кричалъ отъ боли, а Сонюшка между тѣмъ лежала въ простудной горячкѣ: теперь, слава Богу, она здорова.

Первое письмо отъ васъ, любезнѣйшій князь, получили мы изъ Варшавы, а *второе* изъ Вильны, черезъ нѣсколько дней. Мы очень довольны вашими извѣстіями. Будьте здоровы и любите другъ друга!

Держусь еще лаконизма: начавъ, уже думаю кончить, ибо движеніе руки еще отзывается у меня въ нервахъ. Ждемъ отъ васъ извѣстія о *движеніяхъ* сейма и нашемъ любезнѣйшемъ Государѣ. Поѣдетъ ли въ Вѣну? Не очень желаю того. Обнимаю нѣжно васъ и дѣтей. У васъ добрый Кривцовъ? Графу Каподистріа скажите отъ насъ дружеское слово. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je suis bien fachée, mes bons amis, que vous me supposiez encore plus paresseuse que je ne le suis, et je le suis beaucoup, il faut l'avouer. Mais cependant j'ai répondu aux aimables lettres de la chère princesse Véra, et suis très étonnée qu'elle n'ait pas reçu mes réponses; sa dernière me fait beaucoup de peine, où elle nous annonce son départ de Varsovie, pour se rendre auprès de m-me Kologrivoff. Cela nous fait perdre totalement l'espérance de la voir, ainsi que les chers enfants; est-ce qu'elle ne pourrait pas prendre le chemin de Petersbourg pour se rendre chez ses parents? Ce serait une véritable jouissance pour nous que le moment où nous pourrions nous réunir, au moins pour quelques semaines; et le cher prince Pierre, comme de raison, accompagnerait sa famille jusqu'à ce qu'il l'aie deposée dans son autre famille. En grace, mes

bons amis, dites nous quelque chose de favorable au sujet de ce plan très simple et bien agréable, pour nous au moins. Adieu en attendant, mes tendres amis, que vous nous donniez la commission de vous chercher un quartier.

77.

Царское Село. 14 сентября 1820.

Отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшая княгиня, съ наступающимъ днемъ вашихъ именинъ; съ нимъ же поздравляю и милаго князя. Будьте здоровы, веселы душею и любите другъ друга! Надѣемся праздновать 17 сентября въ нашемъ семейственномъ кругу: авось подъѣдетъ Тургеневъ etc. Я все еще не вышелъ изъ инвалидовъ; выѣхалъ во дворецъ, простудился и снова лежалъ два дни; опять брожу, но еще не работаю, или плохо. Кривцовъ пріѣхалъ веселъ-счастливъ. Дай Богъ ему радоваться до конца жизни [85]). Мой нравъ не указъ другимъ: кто любитъ, кто не любитъ просить. Здѣсь завидуютъ и смѣются *въ духѣ времени*. А вы, любезнѣйшій князь, не смѣетесь и важничаете не на шутку? Если я не опоздалъ совѣтомъ, то даю его въ смыслѣ кротости и терпѣнія: не оставайтесь въ Варшавѣ, но не ходите въ отставку. Всего лучше, если бы васъ сдѣлали помощникомъ статсъ-секретаря въ которомъ-нибудь департаментѣ совѣта: это возможно и нетрудно, какъ думаю. Поговорите съ Николаемъ Николаевичемъ. Что за бѣда, если и не захотятъ перевода варшавскихъ преній? Не въ нихъ наше благо и спасеніе. Вы еще успѣете перемѣнить вашъ образъ мыслей; даю вамъ честное слово. Только живите и будьте здоровы. Въ Варшавѣ играютъ, а дѣлу быть (или не быть) въ Россіи; но прежде дѣла надобно хорошенько подумать.

Кривцовъ далъ намъ надежду видѣть васъ обоихъ въ Петербургѣ зимою; обрадуемся вамъ душевно. Съ петерпѣніемъ ждемъ вашихъ писемъ. Обнимаю съ нѣжностію васъ и дѣтей. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous félicite tous deux, mes bons amis, avec la fête du 17. Nous confonderons la vôtre dans la nôtre et buverons à la santé de nos deux chères именинницы, en faisant des voeux que datant de ce jour il n'y ait plus aucun orage qui obscurcisse votre horizon. Je ne sais trop, ma chère princesse Véra, ce que vous voulez dire, en pensant *qu'on ne sera pas trop bien avec vous*; qui est-il, notre Hôte ou les vôtres? et pourquoi? qu'est-ce que cela les regarde, ce qui se passe dans un ménage? J'aime à croire que vous vous êtes trompée, et que la première lettre que nous recevrons dira autre chose. Mille remerciements pour vos envois qui ont parfaitement réussi, tellement que je me meurs d'envie d'être encore une fois indiscrète, et de vous prier de m'acheter une douzaine de bas de soie, six paires à jour et six autres unis, ainsi que des bas de coton six paires à jour et six unis, tous jolis, sans être rien d'extraordinaire, et puis une douzaine de mouchoirs de batiste ordinaire de cinq à six roubles le mouchoir, ou si vous trouvez que ce sera d'un meilleur compte, une pièce de batiste pour une douzaine de mouchoirs, pourvu que l'un ou l'autre soit aussi fin que possible et surtout bien serré pour ce prix, car je ne veux pas du clair. Vous serez assez aimable pour m'acheter tout cela en cas que vous trouviez une occasion pour me l'expedier. Et en grace dans la note que vous y ajouterez, marquez les ducats et les roubles à coté, car je n'entends rien à vos prix. Par exemple, j'ai cru que c'est moi qui devais vous rembourser quelque chose sur les toiles, et vous me dites que vous m'enverrez des rubans pour la petite somme qui reste de l'argent qui vous a été envoyé. J'ai beaucoup questionné mr. Krivzoff sur tout ce qui vous regarde; il m'a dit des choses satisfaisantes sur la chère princesse Véra, mais très peu sur le cher frondeur. Attendez, mon cher, de prendre cette livrée, vous voyez que c'est aussi celle des *carbonari* et réellement il n'y a aucune ambition à les imiter ou à leur ressembler. On peut toujours être utile à sa patrie, quand on l'aime réellement et quand on veut la servir, comme on peut et non comme on veut. La-dessus je vous embrasse, mon cher boudeur politique, même si vous vou-

liez me bouder pour ces lignes, et j'espère que nous ferons la paix à Saint-Petersbourg, car je me flatte bien de nous y voir avec toute la chère famille. En attendant, adieu; je vous embrasse de toute l'affection de mon coeur, père, mère et enfants. Tous les miens vous disent mille amitiés, s'entend les polissons, car les demoiselles se chargent elles-mêmes de leur besogne.

78.

Письмо Е. Н. Карамзиной.

(1820).

J'en viens encore une fois aux félicitations, mon cher et aimable oncle; mais cette fois-ci cependant je les crois mieux fondées, car si vous n'êtes pas satisfait d'être né pour vous personnellement, vous devez l'être pour tous ceux à qui le 12 juillet a procuré le bonheur de vous aimer, et il ne sont pas en petit nombre, je vous en réponds. Parmi tous les voeux que je forme pour vous, celui que vous passiez le jour de votre naissance un peu plus agréablement que la Saint-Pierre, n'est pas oublié, quoique ce soit un voeu sans espoir; car à moins que la saillie de gaîté bachique de nos anciens vassaux n'excite de nouveau votre rire, ordinaire en pareille occasion, je ne crois pas, que vous puissiez retrouver dans votre isolement quelque souvenir de votre splendeur passée. Quant à nous, mon charmant oncle, nous ne passons pas non plus notre temps fort gaîment, ayant toujours quelque malade à soigner. Dans ce moment-ci c'est la pauvre Sophie qui est souffrante; je crois qu'elle vous a parlé, dans sa dernière lettre, d'une glande qu'elle avait au cou et qui lui faisait garder la maison: eh bien, les médecins ont eu la malheureuse idée de lui faire appliquer dessus des sangsues, à la suite desquelles son sang a coulé pendant onze heures, sans qu'aucun effort humain aît pu l'arrêter, et ce n'est déjà qu'au bout de ce temps qu'un évanouissement, causé par son extrême faiblesse, l'a étanché; maintenant elle est assez bien, à la pâleur et à la défaillance près, mais ce qu'il y a de plus triste, c'est que la pauvre Sophie a souffert tout cela pour rien, car sa glande n'a fait qu'empirer. Aussi je vous assure qu'elle est

très touchante et très à plaindre; vous devriez bien la consoler un peu, en lui écrivant quelques lignes que vous savez toujours rendre si aimables, et qui lui font toujours tant de plaisir.

Comment trouvez vous *l'écrivomanie* qui me posséde depuis quelque temps? Aussi en suis je toute émerveillée, ainsi que de ma présomption et de ma confiance dans votre amitié, car il faut en être bien persuadée, vous conviendrez, pour ne pas craindre de vous ennuyer. En cas que vous le soyez un peu, je m'en vais mettre le remède à coté du mal, en vous annonçant que cette epître est le chant du cygne pour un certain laps de temps, s'entend bien, et que je me tairai jusqu'à la première occasion, où il faudra commencer ma lettre par des *félicitations*. En attendant, chargez vous des miennes pour vos enfants, ainsi que de mille tendres baisers, et engagez les à vous en donner quelques uns pour moi, mais de toute la vivacité et de toute la force de leurs sentiments. Catherine Karamsine.

Приписка Н. М. Карамзина.

Съ горячностію обнимаю васъ, любезнѣйшій князь, и поздравляю, желая вамъ всего добраго, какъ нашему сердечному другу.

Мужайтесь въ уединеніи и трудитесь сколько для вашего будущаго спокойствія, столько и для блага милыхъ дѣтей.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

C'est moi qui a commencé la lettre, mon cher oncle, c'est à moi aussi à la finir, car papa a été interrompu au milieu de sa phrase par l'arrivée de plusieurs personnes de la ville. Maman ne pouvant par conséquence non plus vous écrire elle-même, me charge de ses tendres félicitations et de ses voeux pour le bien-être du chef et de tous les membres de la chère famille Wiasemsky.

Sophie se trouve beaucoup trop bête et trop faible pour ajouter quelques mots à cette lettre; elle vous félicite de tout son coeur et vous embrasse de même. M-lle Pluskoff, qui est ici en ce moment, vous salue *à l'aimable* (comme disait mr. Moltchanoff) et vous félicite. A propos d'elle, c'est bien vilain de l'oublier dans

toutes vos lettres et de nous obliger à forger des compliments de votre part dont jamais vous ne nous chargez pour elle.

Nous avons toujours sous-entendu nos remerciements pour les chapeaux *radicaux* que les enfants ont déjà usé à moitié, sans cependant se douter de leur importance. Recevez les donc maintenant: *vaux mieux tard que jamais*. Nous avons reçu aussi votre lettre qui nous a fait, comme de coutume, le plus vif plaisir. Le bon-mot de Machinka est charmant: ne pourriez vous pas nous en fournir plus souvent.

Sarsko Sélo. 11 juillet.

79.

С.-Петербургъ. 8 декабря 1820.

Любезнѣйшій князь! Наконецъ мы получили отъ васъ письмо, долго не имѣвъ ни строки. Знаю только отъ Тургенева, что вы бодрствуете духомъ и тѣломъ. Неужели почта шалитъ? Все возможно, когда шалитъ и Европа. Я съ живѣйшимъ любопытствомъ жду слѣдствій Троппавскаго совѣщанія [86]). Австрія горячится и любуется своимъ жаромъ, для нея новымъ и не совсѣмъ естественнымъ. Это не жаръ ли эпидемической болѣзни, которая волнуетъ кровь европейскую, имѣя разные симптомы, либеральные и антилиберальные, но равно противные уму, спокойному, тихому, ясному? Я оставилъ бы Неаполь въ покоѣ или, лучше сказать, въ его собственномъ безпокойствѣ, что̀ скорѣе пояснило бы идеи о молодыхъ конституціяхъ [87]). Меттернихъ хочетъ великаго имени; увидимъ! Не вмѣшиваюсь въ ремесло пророковъ, лѣтами наученный скромности и... невѣдѣнію! Разсуждаю кое-какъ про себя; а главное мое дѣло наблюдать — и дѣло не скучное: вы, господа молодые либералисты, зѣваете часто съ утра до вечера, а мы, не-либералисты, и подъ старость наслаждаемся дѣятельностію душевныхъ силъ своихъ, въ полной независимости духа, покланяясь не идоламъ, а только Богу.

Но это уже не хвастовство ли? Крещусь отъ демона и ставлю точку.

Отъ любезной княгини Вѣры мы получили два или три письма

дружескія. Скажите о вашемъ планѣ: думаете ли навсегда оставить Варшаву? И что послѣ? Когда васъ ждать сюда? Между тѣмъ обнимаю нѣжно отца и дѣтей. Будьте здоровы. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mon cher prince Pierre, et suis charmée de vous savoir bien portant physiquement; mais pour la maladie *politique* ou *libérale*, qui vous possède, j'avoue que je n'aurais pas été fachée qu'on vous fit sortir quelques livres de sang; cela diminuerait un peu de votre effervescence radicale. Pour nous, nous sommes plus tranquilles, car nous ne nous mêlons pas de ce qui ne nous regarde pas. Voilà un petit bout de sermon, mon cher démagogue. Je vous dirai sur nous que pour mon compte je suis fatiguée d'un paquet que je dois encore porter deux mois, que j'ai eu les enfants malades; le pauvre Nicolas se remet un peu d'une fièvre chaude qu'il a eue. Nous avons des nouvelles de la bonne princesse Véra, et j'attends avec impatience cette réunion ici; marquez nous quand en sera le moment. Adieu, je vous embrasse et vous aime fou ou raisonnable; cependant le dernier tître est plus de mon gôut.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Maman me charge d'embrasser pour elle vos petits choux et de vous dire qu'elle vous a quitté si brusquement, parce qu'elle s'est trouvée interrompue par la visite d'un ancien ami de la maison, mr. Hamilton, que dix ans d'absence et de ménage n'ont pas rendu moins vif et moins amusant. Adieu, je vous quitte aussi brusquement, parce que l'heure de la poste presse. Merci de la plaisante lettre, mais permettez de vous observer que vous nous croyez par fois trop arrierées. Nous citer des bons mots de Jocrisse! Croyez vous qu'on ne les connaisse qu'à Varsovie? Encore un remerciement pour le logogryphe, et je m'arrache à vous. Sophie K.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Vous nous avez mis si bien les points sur les *i* que je me suis bien doutée que vos *u v x y z* voulaient arriver après le thé.

Vous voyez, mon bien cher oncle, que le titre de *président* rend l'esprit moins bouché, car ni Sophie, ni m-lle Cador, ni aucun membre de la famille n'ont pu résoudre l'énigme qui, quoique fort peu difficile à deviner, nous a paru aussi captieuse que l'énigme du Sphinx. Je joins mes remerciements à ceux de Sophie pour vos bons mots et vous embrasse de toute la tendresse de mon coeur.

M-lle Cador vous remercie un million de fois de votre souvenir, ne vous écrit pas elle-même, car elle est malade.

80.

С.-Петербургъ. 20 генваря 1821.

Любезнѣйшій князь! Пишу къ вамъ съ грустью отъ того, что давно не писалъ. Какъ это сдѣлалось, и самъ не знаю. За то теперь пишу не здоровый, въ простудѣ и почти въ сердцѣ на васъ за эпистолу къ Каченовскому [88]), хотя въ ней и много прекрасныхъ стиховъ. Вы знаете мой образъ мыслей, весьма искренній. Я не имѣю нужды ни въ защитѣ, ни въ мести, и если не врагамъ, то друзьямъ своимъ говорю отъ души: „Оставьте меня въ покоѣ!“ Вы, кажется, все еще не хотите мнѣ вѣрить: вотъ о чемъ жалѣю! Когда добрый Шишковъ вручилъ мнѣ золотую медаль и лучшая россійская публика по собственному внутреннему движенію встала при громѣ рукоплесканія, противнаго академическому уставу, я былъ холоденъ: нужно ли объясненіе? [89]) Непріятели и друзья! Вы не сдѣлаете меня ни хуже, ни лучше — ни менѣе, ни болѣе. Если это не смиреніе, то и не гордость, а любовь къ независимости, которую люблю любить. Читалъ я и *Негодованіе* [90]) безъ негодованія, ибо въ немъ много прекраснаго; но желалъ бы болѣе истины, болѣе души и менѣе декламаціи. Вы мнѣ не повѣрите: и такъ на сей разъ замолчу.

Катерина Андреевна можетъ родить дней черезъ десять: безпокоюсь и тревожусь. У нее какая-то одышка, которой боюсь.

Отъ княгини получаемъ письма и слышимъ объ ней все хорошее. Ждать ли васъ въ Петербургъ, и когда?

Обнимаемъ васъ нѣжно всѣхъ, отца съ дѣтьми. Будьте здо-

ровы и благополучны. Если молитесь Богу, то помолитесь и за насъ: долгъ платежемъ красенъ. На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

81.

С.-Петербургъ. 16 февраля 1821.

Любезнѣйшій князь! Жена благополучно родила дочь Лизу 9 февраля. Пока все хорошо, а тамъ что Богъ дастъ. Мы желали дочери. Довольно и четырехъ молодцевъ. Новорожденная похожа на мать, кажется. Жалѣемъ, что вы не пріѣхали быть крестнымъ отцемъ. Мѣсто ваше заступилъ князь Андрей Петровичъ Оболенскій, который уже сбирается назадъ въ Москву. Мы васъ опять ждемъ; но будете ли? Если ожидаете Государей, то развѣ весною васъ увидимъ. Я не Bignon[91]) (котораго мы читали), но не могу быть энтузіастомъ конгрессовъ. Нота англійская нехорошо написана, смутно, съ какими-то вывертками, однакожь дѣльная. Странно, что и Англичане не артисты въ ясности слога. Скажите намъ, что-нибудь яснѣе Англичанъ въ разсужденіи вашего плана: совсѣмъ ли думаете оставить Варшаву?

Вотъ просьба. Тверской вашъ бурмистръ высѣкъ нашу кормилицу Ѳеклу за то, что она просилась ѣхать къ намъ. Молоко ея воспитало Наташу и Катеньку; вашъ отецъ и вы письменно велѣли сельскому начальству уважать въ ней эту заслугу, а бурмистръ начальствуетъ и сѣчетъ пятидесятилѣтнюю женщину. Потребуйте съ него строгаго отвѣта. Еще убѣдительно прошу васъ, любезнѣйшій другъ, дать повелѣніе, чтобы не отдавать въ рекруты ея старшаго сына до возраста малолѣтныхъ его братьевъ.

Думаю отослать въ Москву нашихъ людей, Матвѣя и Николая: дозволите ли жить имъ въ Остафьевѣ, разумѣется, на нашемъ содержаніи? Напишите и объ этомъ къ Ванюшѣ.

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ васъ нѣжно. Будьте здоровы, любите насъ и пишите хорошіе стихи. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

82.

С.-Петербургъ. 9 марта 1821.

Любезнѣйшій князь! Скажу вамъ два слова: первое то, что мы, слава Богу, здоровы. Катерина Андреевна оправляется, и Лиза, пока некрасивая, ведетъ себя достохвально. Искренно благодарю васъ за пріятное знакомство вручителя, хотя я имъ и мало пользовался. На любезное либеральное письмо ваше буду отвѣчать черезъ почту. Занимаюсь печатаніемъ IX-го тома Исторіи и немедленно доставлю его вамъ, если вы до лѣта не выѣдете изъ Варшавы. Вѣроятно, что Государь скоро будетъ. Война начинается: гдѣ и какой конецъ? Не хочу быть пророкомъ. Между тѣмъ худо то, что у насъ голодъ въ разныхъ губерніяхъ.

Обнимаемъ васъ нѣжно—я, жена и дѣти. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

83.

С.-Петербургъ. 26 апрѣля 1821.

Любезнѣйшіе друзья! Снова пишу къ вамъ обоимъ; сердечно радуюсь варшавскому Гостю [92]) въ Москвѣ, то-есть, приближенію его къ намъ. Дай Богъ, чтобы вы уже не тревожились болѣзнію моего тезки, и чтобы онъ только веселилъ васъ, когда будете это читать. Нетерпѣливо желаемъ узнать, когда можемъ обнять васъ въ Царскомъ Селѣ? Думаемъ переѣхать туда около 4 мая. Хотѣлось бы, любезнѣйшій князь, предложить вамъ вопросовъ десять и болѣе; но Тургеневъ ждетъ меня. И такъ до свиданія, если можно, или перваго *писанія*. Мы здоровы и васъ нѣжно любимъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout coeur, mes chers amis, et suis réellement impatiente de vous embrasser en réalité; les fictions commencent à me paraître trop froides, surtout quand je puis prévoir toute la possibilité de faire autrement, car j'espère qu'à l'heure

qu'il est Nicolas est parfaitement bien; le temps est magnifique, les routes merveilleuses, il faut donc de la bonne volonté pour que vous vous trouviez au milieu de nous dans quelques jours; cela retardera un peu le retour à Varsovie; mais quelques jours de plus de séparation pour l'impatience de la chère princesse Véra ne seront pas un retard assez considérable, pour ne pas nous en faire le sacrifice. Et puis il faut être *gens à parole*; vous avez si souvent et si longtemps promis, qu'il faut bien remplir vos promesses; en attendant ce moment désiré, je vous souhaite le bonjour à tous, présents et absents, en faisant des voeux pour votre sort et tranquillité. Encore un mot, point de prévention, ni de calomnie contre Moscou, mon cher libéral radical.

84.

С.-Петербургъ. 2 мая 1821.

Любезнѣйшіе друзья! Имѣя радостную надежду увидѣться съ вами, будемъ ждать васъ въ Царскомъ Селѣ, куда собираемся ѣхать черезъ два дни, если время и здоровье позволятъ. Можетъ быть, вы еще успѣете возвратиться въ Варшаву прежде, нежели Государь тамъ будетъ. Еще не знаютъ ничего вѣрнаго объ его возвращеніи. Онъ писалъ только къ Императрицѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ, qu'il entrevoyait le moment etc. Впрочемъ я не слыхалъ, что привезъ курьеръ нынѣшняго утра. И такъ вы скучаете въ Москвѣ, милый князь? Жалѣю. Авось когда нибудь перестанете скучать: этотъ талисманъ дается съ лѣтами. Слава Богу, что моему тезкѣ лучше. Будьте всѣ здоровы и спокойны, хотя и съ скукою! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка А. И. Тургенева.

Писать нѣкогда, а твое письмо получилъ. Скоро ли будешь къ намъ?

3 мая.

85.

Царское Село. 26 іюля 1821.

Любезнѣйшій князь! Сердечно благодаримъ васъ за дружескую строку. По крайней мѣрѣ знаемъ, что вы благополучно доѣхали. Князь А. Г. Щербатовъ уже здѣсь; но мы видѣлись только на минуту. Какъ онъ потолстѣлъ и посѣдѣлъ! Вотъ вамъ письмо отъ княгини Вѣры, присланное въ письмѣ къ Сонюшкѣ. Княгиня говоритъ ей, что она писала къ намъ; а мы не имѣли отъ нее ни строки: слѣдственно, это письмо пропало. У нея нѣтъ денегъ для выѣзда изъ Варшавы: она требуетъ еще десяти тысячь. Можете ли немедленно отправить къ ней эту сумму прямо изъ Москвы? У меня теперь нѣтъ денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя лежатъ въ ломбардѣ, и которыхъ мнѣ не выдадутъ до срока (въ февралѣ) безъ хлопотъ и усильной просьбы, для меня непріятной. Выдачи изъ опекунскаго совѣта теперь не легки. Ожидаю вашего отвѣта. Сленинъ долженъ мнѣ заплатить еще 10 тысячь, но срокъ въ ноябрѣ.

Насъ залили дожди; сѣно и хлѣбъ гніютъ. Изо многихъ мѣстъ худыя вѣсти объ урожаѣ. Кажется, что я не видалъ еще такого худаго лѣта и такого продолжительнаго непастья.

Гдѣ вы расположились, любезнѣйшій князь, своимъ житьемъ-бытьемъ? Въ Остафьевѣ? Нетерпѣливо желаемъ узнать о возвращеніи княгини, о соединеніи всего вашего семейства, о вашей нескучной экономной жизни въ интересномъ Остафьевѣ, для насъ незабвенномъ.

Здѣшняя новость есть великолѣпный праздникъ, данный Государемъ Императрицѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ 22 іюля: на канунѣ спектакль въ Павловскомъ, въ день именинъ обѣдъ тамъ же на 200 человѣкъ, въ Царскомъ Селѣ спектакль, прекрасная иллюминація и ужинъ въ Александровскомъ дворцѣ для 200 гостей. Учтивое небо затворило свои хляби на 18 часовъ; а тамъ опять хлынулъ дождь и не перестаетъ. На этомъ праздникѣ занемогъ и черезъ нѣсколько часовъ умеръ Н. А. Загряжской, старый другъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Его погребутъ въ Павловскомъ [93]). Плещеевъ—каммергеръ и помолодѣлъ отъ удовольствія.

Ипсиланти исчезъ [94]). Молдавія и Валахія въ крови и въ пеплѣ. Будетъ ли у насъ война съ Турками, еще не извѣстно. Сочините эпитафію Наполеону: вотъ вамъ задача!

Мы пока здоровы; но если это время продолжится, то не миновать болѣзней. Я еще гуляю и встрѣчаю Государя изрѣдка; другіе сидятъ въ норахъ.

Обнимаю васъ нѣжно, любезнѣйшій другъ. Напишите же къ намъ, посылаете ли вы деньги княгинѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Il n'y a de place que pour un baiser pour vous, mon cher ami, et pour le petit ami князинька. Que la bénédiction du cie soit avec vous et les vôtres!

86.

Царское Село. 2 августа 1821.

Любезнѣйшій князь! Сей часъ былъ у насъ Кривцовъ, отдалъ намъ ваше письмо и княгинино, я хотѣлъ нынѣ же отдать деньги Тургеневу, чтобы отправить ихъ завтра въ Варшаву. Авось княгиня выѣдетъ еще до полученія денегъ изъ Варшавы: чего очень желаемъ, чтобы скорѣе соединилось ваше семейство въ такомъ прекрасномъ Остафьевѣ, гдѣ и намъ готовьте уголокъ къ слѣдующему лѣту, если будемъ живы, и если не будетъ *третьяго* изданія *сочиненія* моей Исторіи. Пишу 10-й томъ очень медленно: кончилъ только первую главу. Кривцовъ расхвалилъ намъ Москву, такъ, что мнѣ захотѣлось взглянуть на нее. C'est beau... oui, pour les passants! какъ вы говорите. Еще болѣе прежняго я ни то, ни се въ разсужденіи будущаго: какъ Богу угодно! Обнимаю васъ нѣжно. Старайтесь не скучать: пишите стихами и прозою; издавайте пословицы, старыя наши пѣсни съ замѣчаніями [95]), etc., etc. Мы здоровы. Спѣшу отправить письмо. Вашъ Н. Карамзинъ.

Экономьте, платите долги, а тамъ, если пароксизмъ либерализма пройдетъ, выбирайте службу и мѣсто!

87

Письмо къ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Царское Село. 2 августа 1821.

Любезнѣйшая княгиня! Вообразите, что ваше письмо, въ которомъ вы пишете о присланіи къ вамъ десяти тысячъ рублей, получили мы только нынѣ по утру, и то изъ Москвы, отъ князя Петра Андреевича! Гдѣ оно было, и какъ шло, не знаю. Князь прислалъ и деньги, которыя завтра долженъ отправить къ вамъ Тургеневъ. Но лучше, если бы они уже не застали васъ въ Варшавѣ. Князь ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ въ Москвѣ. Сердечно раздѣляемъ съ вами хлопоты и безпокойства. Дай Богъ, чтобы вы скорѣе отдохнули отъ нихъ въ тишинѣ Остафьева! Намъ пріятно было читать въ вашемъ любезномъ письмѣ, какъ въ Варшавѣ сожалѣютъ о князѣ, то-есть, какъ отдаютъ ему справедливость [96]). Мы всѣ, слава Богу, здоровы. Мои будутъ писать къ вамъ въ слѣдующую среду: теперь спѣшу отправить это письмо къ Тургеневу. Цѣлую вашу ручку и милыхъ дѣтей. Пріѣзжайте скорѣе въ Москву, и всѣ здоровы. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

88.

Царское Село. 12 августа 1821.

Любезнѣйшій князь! Давно не имѣемъ ни строки отъ васъ. Деньги къ княгинѣ посланы. Надѣюсь, что она уже въ дорогѣ. Кажется, что съ нею нехудо обошлись въ Варшавѣ. Великій Князь звалъ ее на какой-то феерверкъ и былъ учтивъ до любезности. Желаемъ скорѣе узнать, что вы всѣ вмѣстѣ въ любезномъ Остафьевѣ, въ вашемъ наслѣдственномъ княжествѣ, которое не уступаетъ иному нѣмецкому. Годъ для экономіи не совсѣмъ хорошъ: все пропадаетъ отъ дождей ливныхъ, какихъ не помню; и эта полоса идетъ отъ Рейна до Кавказа. Здѣсь все по старому. Новаго то, что Сергѣй Тургеневъ въ Одессѣ съ посломъ и посольствомъ: ихъ благополучно выпустили изъ Константинополя. Александръ Тургеневъ вспрыгнулъ, думаю, отъ радости. Въ память Хе-

раскову спрошу у васъ: *что ваша муза?* Третьяго дни ѣздилъ я на Петергофскую дорогу посѣтить старика Болотникова, которой едва не до смерти убился, страдаетъ, не жалуется и съ усердіемъ молится Богу. Теперь вы не стали бы надъ нимъ смѣяться! Это его *красной часъ* [97]). На сихъ дняхъ была у насъ Катерина Ѳедоровна: она безпокоится о Никитѣ Михайловичѣ [98]). Я объяснялся объ немъ безъ большаго успѣха. Вообразите, что Лунинъ упорно хотѣлъ служить въ департаментѣ министерства просвѣщенія и добился аудіенціи, чтобъ имѣть торжественный отказъ! Съ досады ускакалъ изъ Петербурга.

Обнимаю васъ нѣжно всѣмъ семействомъ, любезнѣйшій другъ. Будьте здоровы и не скучайте. Цѣлую милаго тезку. Здоровъ ли онъ? Помнитъ ли насъ? На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

89.

Царское Село. 30 августа 1821.

Любезнѣйшій князь! Надѣемся, что вы уже всѣ вмѣстѣ; княгиня должна была выѣхать изъ Варшавы 14 августа. Дай Богъ, чтобы впредь вы уже не разставались, худо проживая, добро наживая! Мысленно смотримъ на васъ отсюда въ Остафьево: кажется, что лицо ваше уже веселѣе, нашъ умный князь; хандра миновала; вы улыбаетесь сатирически, но не сардонически: такъ ли? Въ самомъ дѣлѣ чего не достаетъ для вашего совершеннаго земнаго блага? О небесномъ же, думаю, вы еще не тоскуете! Вы здоровы, молоды, имѣете милое семейство, хорошее состояніе, добрыхъ пріятелей, Остафьево, *дворянскій чинъ;* прибавлю: душу, разумъ, дарованіе. Не достаетъ вамъ развѣ умѣнья наслаждаться тѣмъ, что имѣете; правда, что это не бездѣлица: но кто виноватъ? Вѣкъ живи, вѣкъ учись... жить! Безъ науки и въ попы не ставятъ. На томъ свѣтѣ какъ вы посмѣетесь надъ собою! Впрочемъ мы всѣ составимъ тамъ хоръ мертвецовъ, смѣющихся надъ живыми. Я также не горазд счастью, съ тою разницею, что мало и забочусь объ этой невидальщинѣ; смотрю въ землю, взглядывая иногда на небо.

Обратимся къ важнѣйшему: думаете ли о собраніи русскихъ пословицъ и пѣсенъ? Есть и другой предметъ для вашего бездѣлья:

напишите эпитафію Наполеону въ ожиданіи стиховъ Байроновыхъ; напишите ее хотя въ формѣ сонета! Не задаю вамъ Греціи... или задаю, если угодно: вы найдете способъ не толкаться лбомъ съ дюжинами стихотворцевъ, воспѣвающихъ теперь на разныхъ языкахъ Элладу и Гелленовъ. Мы почти здоровы: только я въ насморкѣ. Здѣсь теперь все пусто, ибо все полно въ Невскомъ монастырѣ. Нѣжно всѣхъ васъ обнимаемъ. Крестницѣ особенный поцѣлуй, также и тезкѣ. Будьте здоровы. Вашъ Н. Карамзинъ.

P. S. 1 сентября. Наша Сонюшка фрейлина!! Вчера Государыня Марія Ѳеодоровна намъ о томъ сказала. Голубыя ленты Кочубею и Траверсе; шталмейстеру Долгорукову Аннинская; князь Андрей Павловичъ Гагаринъ дѣйствительный статскій совѣтникъ etc. etc.

Что-то много. Еще разъ васъ обнимаемъ и радостно поздравляемъ любезнѣйшую княгиню съ пріѣздомъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes bons et chers amis, je suis enchantée de vous savoir enfin réunis. Dieu veuille que ce soit pour toujours, et surtout que ce soit de coeur et d'âme. Je vous félicite avec une nièce demoiselle d'honneur; cette faveur a été une parfaite surprise pour nous; et les premières félicitations que nous en avons reçues ont été très sèchement renvoyés; c'est l'Impératrice Mère qui nous en a donné l'assurance et hier le chiffre est arrivé, pas moyen de douter. Dans une heure nous partons pour Pavlovsky pour rendre nos actions de grâce, car nous ne voulons pas faire le voyage à la Tauride et à Kamenoy-Ostroff, comme tous nos compagnons de grâce vont le faire, et nous en avons beaucoup. Adieu, je n'ai que le temps de vous embrasser tendrement tous en gros et en détail. Un mot pour la chère princesse Véra, envoyez en grâce ce qu'il vous reste de nos envois et surtout la note; ne l'oubliez pas.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Merci, cher calembouriste, de nous avoir si exactement et si aimablement répondu; comment donc répondrez vous au vénérable? de grâce que ce soit par nous. Me voilà donc chiffrée parmi les

demoiselles d'honneur, à mon très grand étonnement, et c'est un chiffre que rien au monde ne pourra effacer, puisqu'il est en lettres de diamants. J'avoue cependant que ceci n'est pas tout à fait de moi. Adieu, je vous prie de distribuer mille tendresses à toute votre famille en commençant par vous. S. K.

90.

Царское Село. 30 сентября 1821.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Сердечно благодаримъ милую княгиню за подробное увѣдомленіе объ ея варшавскомъ пребываніи; все для насъ интересно. Хорошо во всякомъ мѣстѣ оставить людей съ добрымъ объ насъ мнѣніемъ. Вопреки библейской пословицѣ можно быть пророкомъ и въ своей землѣ; однакожь добрая слава и въ чужой лестна сердцу. Вы, мой умный князь, дивитесь задачѣ писать эпитафію Наполеону: я стою въ томъ, что можно безъ ссоры съ цензурою бросить нѣсколько стиховъ на его могилу, блестящихъ мыслями, какъ перлами нетлѣнными. Предметъ высокъ и глубокъ, не въ мѣру цензурѣ, и тѣмъ лучше: она не должна найти въ немъ ничего запрещеннаго; а потомство нашло бы тутъ истину, еще не весьма ясную для современниковъ. Такъ воображаю. Между тѣмъ знаете ли, что нашъ поэтъ Батюшковъ ссорится и съ потомствомъ, и съ современниками, не хочетъ ничего писать, ни служить, ни быть въ отставкѣ, ни путешествовать, ни возвращаться въ Россію, то-есть, онъ въ гипохондріи, по разсказамъ Блудова? Жалко и больно. Telle est la misère humaine! Говоримъ объ васъ и съ Блудовымъ, и со всѣми: кто васъ не любитъ? Развѣ NN, да NN, да NN; но мы ихъ не видимъ. Будьте, право, веселы: сколько пріятностей въ жизни имѣете и еще имѣть можете! Вотъ письмо не связное и безъ каламбуровъ: спѣшу отправить его. Жена гуляетъ: день прекрасный. Вы слышали о гвардейскомъ обѣдѣ? 30 тысячъ пило здоровье Императора, плакало, кричало *ура*, etc. etc. Это не совсѣмъ придворная вѣсть, но... бросаю перо, какъ я въ старину писывалъ. Нѣжно васъ обнимаю всѣхъ до единаго. Вашъ Карамзинъ.

91.

Царское Село. 21 октября 1821.

Любезнѣйшіе друзья! Грустно намъ знать о вашей ипохондріи, милый князь: потому что ваша болѣзнь есть точно ипохондрія, скука или тоска отъ скуки. Думаю, что лучше вамъ переѣхать въ городъ: каковъ онъ ни есть, но все не деревня; и англійскій клобъ имѣетъ свое достоинство. Теперь же осень глубокая: шумъ вѣтра склоняетъ къ мрачнымъ думамъ. Для чего бы вамъ не бесѣдовать съ музою? Вы умѣете даже и въ логогрифахъ нравиться: ваша *Слава* почти славна; а басня разсмѣшила насъ, равно какъ и журнальное объявленіе. Вы смѣшите другихъ, а сами смотрите сентябремъ. Съ такимъ умомъ, съ такимъ прекраснымъ дарованіемъ какъ бы не жить пріятно и въ Остафьевѣ, и въ старушкѣ Москвѣ! Я прожилъ тамъ все цвѣтущее время жизни и не скучалъ: этимъ хвалиться можно безъ нескромности. Но не дозволяю себѣ на васъ сердиться, когда я не сержусь и на Каченовскаго за новый его выстрѣлъ въ IX-й томъ, къ счастію, весьма толстый. A la guerre comme à la guerre. Безъ непріятеля всякій герой, всякій побѣдитель. Я не видалъ и не имѣлъ чести знать царя Ивана, а сказываю, что объ немъ писали современники, и еще не безъ разбора. А государственные акты? А Четиминеи? Вы требуете матеріаловъ для біографіи Ивана Ивановича: это не легко на письмѣ. Предложите мнѣ вопросы: буду отвѣчать на нихъ; или пришлите, что̀ напишете: могу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія [99]).

Прикажите вашему Ивану Тургеневу сдѣлать расчетъ, сколько надобно будетъ за варшавскія покупки исключить изъ 10,000 р., и по тому заплатите, когда будетъ время; а процентовъ пять, то-есть, это я беру изъ ломбарда. Нѣжно всѣхъ васъ обнимаемъ: мужа, жену, дѣтей, и въ особенности мою милую крестницу. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Думаемъ черезъ три дни переѣхать въ городъ.

92.

С.-Петербургъ. 28 ноября 1821.

Любезнѣйшіе друзья! Сію минуту мы получили ваше письмо, въ которомъ пишете вы о нарывѣ бѣднаго Николиньки: дай Богъ, чтобы это все прошло. Тутъ нѣтъ опасности, но не мало страданія. У нашего Владиміра былъ такой же нарывъ. Будемъ ожидать успокоительной вашей вѣсти.

На сихъ дняхъ отправили мы Фимушку къ ея матери, потерявъ всю надежду исправить ее и боясь, чтобы она не развратилась въ нашемъ домѣ. Катерина Андреевна проситъ васъ, любезнѣйшій князь, дать ей (Фимушкѣ) отпускную: пусть она будетъ вольною, а мать или выдастъ ее за-мужъ или оставитъ у себя для исправленія.

Прилагаю письмо къ матери и къ Ивану Иванову.

Прекрасно, что вы говорите о дѣйствіи музыки; живо описываете и состояніе вашей души: но для чего же не сражаться и не побѣдить? Въ такой побѣдѣ и добродѣтель, и сладость. Здѣсь мы не для нѣги, а для войны. Поддаваться есть унижаться. Въ Москвѣ *скучно*, въ Петербургѣ *непріятно*. Не скучайте въ Москвѣ и находите пріятности въ Петербургѣ. И Москва, и Петербургъ есть только декорація: существо въ насъ. Всякое усиліе быть въ душѣ независимымъ богато награждается. Говорю, что̀ чувствую: слѣдственно, прибавлю, что люблю васъ сердечно. Жалѣю и жалѣю.

Разпахомъ я не боленъ единственно отъ вѣры моей въ Провидѣніе: гдѣ добро или зло не зависятъ отъ меня, тамъ стараюсь быть спокойнымъ зрителемъ. Дѣйствительно все къ лучшему, хотя и не въ здѣшнемъ свѣтѣ, то-есть, не въ грезѣ, а на яву.

Обнимаю васъ нѣжно, любезнѣйшіе друзья. Еще повторяю: дай Богъ, чтобы мой тезка уже не тревожилъ васъ! На вѣки вашъ. Н. Карамзинъ.

Сдѣлайте одолженіе, не забудьте отдать приложенное письмо Ивану Иванову и Анисьѣ.

93.

С.-Петербургъ. 26 декабря 1821.

Любезнѣйшій князь! Винюсь передъ вами: держу вашъ манускриптъ объ Иванѣ Ивановичѣ съ недѣлю и еще не прочиталъ его, то-есть, до конца; еще могу продержать дней пять отъ того, что занимаюсь имъ въ вечеру, когда и скучные, и нескучные люди являются въ нашей гостиной. Читаю съ искреннимъ удовольствіемъ и кое-что перемѣняю въ словахъ: вы будете судьею.

Теперь возвращаюсь къ третьей главѣ X-го тома. Мы слава Богу, здоровы. Надѣемся, что мой тезка уже совершенно оправился. Будьте всѣ здоровы. Цѣлую ручку у милой княгини, нѣжно обнимаю васъ, крестницу и всѣхъ дѣтей. Новый годъ на дворѣ: будьте по возможности счастливы въ его теченіе! Еще разъ обнимаю все ваше любезнѣйшее семейство. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Вчера ѣздилъ я въ первый разъ на саняхъ.

94.

29 декабря (1821).

Любезнѣйшій князь! Съ удовольствіемъ искреннимъ читалъ и возвращаю. Я дозволилъ себѣ сдѣлать *поправки*, а вамъ даю *право поправить* ихъ; но не оставляйте какъ было: ручаюсь, что было *неисправно*. Охота вамъ вольтерствовать и щелкать въ каменную стѣну: ценсура не пропуститъ за то и хорошаго, и весьма хорошаго; и мнѣ будетъ жаль, и всѣмъ, кто любитъ хорошее. Я дерзнулъ вымарать и *деспота*: опять что за охота? Это все сказано и пересказано. Будьте великодушны и притупите жало, останьтесь при одномъ остроуміи. Послѣдней части я еще не видалъ; она у Д. Н. Блудова. Мы, слава Богу, здоровы и почти все сидимъ дома. Боюсь маскарада 1 генваря. Здѣсь наконецъ зима и въ 1821 году.... Кто-то пріѣхалъ: простите. Всѣхъ васъ цѣлую въ древнемъ и въ новомъ смыслѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

95.

С.-Петербургъ. 5 генваря 1822.

Еще поздравляю васъ съ новымъ годомъ, любезнѣйшій князь. Дочитываю ваши послѣднія тетради о Иванѣ Ивановичѣ.

Сдѣлайте одолженіе, позвольте моему человѣку Николаю пожить въ Остафьевѣ у родныхъ его жены на моемъ содержаніи, которое тамъ дешевле, нежели здѣсь: здѣсь же онъ пилъ и портилъ своихъ двухъ сыновей. Клялся, что не будетъ пить въ Остафьевѣ. Пишу объ немъ и къ Ивану Иванову, которому отдайте приложенное письмо, гдѣ вложена и банковая росписка.

Сюда пріѣхалъ вашъ варшавскій милостивецъ, котораго я еще не видалъ.

Вотъ новость: вчера Плещеевъ долженъ былъ играть комедію у графини Кутайсовой; гостей звали въ 8 часовъ, а онъ, то-есть, актеръ Плещеевъ, пріѣхалъ—когда, думаете? Въ первомъ часу за полночь! Однакожь играли, и зрителей распустили по домамъ въ третьемъ часу утра; никто не захотѣлъ ужинать.

Цѣлую ручку у любезнѣйшей княгини; цѣлую милую крестницу и всѣхъ дѣтей. Васъ нѣжно обнимаю и берусь за ваши тетради. Будьте здоровы и на вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

96.

С.-Петербургъ. 7 февраля 1822.

Благодаримъ васъ, любезнѣйшіе друзья, за ваши письма, столь для насъ пріятныя. Слава Богу, а то мы очень безпокоились. Однакожь желаемъ продолженія до четырехъ недѣль: хотя по строкѣ пишите къ намъ съ каждою почтою.

Мы отдыхаемъ послѣ праздника блестящаго; но готовимся еще раза три выѣхать въ люди на этой недѣлѣ.

Жуковскій пріѣхалъ; мы еще не видали его. Императрица нашла, что онъ не распрямился въ путешествіи. Мы всѣ и всѣхъ васъ обнимаемъ. Спѣшу отослать письмо. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

97.

С.-Петербургъ. 21 февраля 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Радуемся душевно, что у васъ все хорошо и здорово. У насъ было двое нездоровыхъ: одинъ Владиміръ еще не совсѣмъ справился.

Скоро отправятся къ вамъ двѣ дѣвицы: одной изъ нихъ, по вашему предписанію, дали мы въ задатокъ 200 р.; дадимъ и болѣе, сколько понадобится.

Собралъ я подпискою на сочиненія любезнаго Василья Львовича рублей 400: что̀ съ ними дѣлать? Увѣдомьте. Отдать ли Плетневу? [100])

Увѣдомьте также, получилъ ли вашъ, уже *свободный*, Иванъ Ивановъ Тургеневъ мои 180 р. изъ банка, и получитъ ли?

Вы превзошли Петербургъ своими масличными весельями.

Я не въ духѣ писать. Простите, милые друзья. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

А вы что̀ пишете, любезнѣйшій князь? Раздѣлались ли вы съ поправками сочиненія о стихотвореніяхъ etc. Ивана Ивановича?

98.

С.-Петербургъ. 10 марта 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Отпускаемъ къ вамъ двухъ дѣвицъ, которымъ и за которыхъ мы отдали здѣсь 490 р. Дѣвица Жохова намъ очень полюбилась: хорошо воспитана, умна и добра. Желаемъ, чтобы вы были довольны. Простите. Впередъ болѣе. Обнимаемъ васъ любовію. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous dirai aussi un petit mot pour les dames de la diligence; m-lle Жоховъ a passé la nuit chez nous et part dans le moment; j'espère que vous serez contents de l'une comme de l'autre de ces dames, qui vont vous trouver. La vôtre sera sûrement bien chez vous, donc mes sollicitudes se portent davantage sur m-lle

Жоховъ: elle quitte sa patrie pour ainsi dire en quittant l'institut; je vous engage à être sa patronne dans la bonne comme dans la mauvaise fortune en cas qu'elle ne convienne pas à la princesse Четвертинска. Adieu, mes bons amis; je suis enchantée de vous savoir tous bien portants; grâce au Ciel, nous pouvons vous en dire autant. Je vous embrasse avec tendresse tous tant que vous êtes.

99.

С.-Петербургъ. 20 марта 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Вы было опять насъ напугали; но послѣднія строки княгининой приписки насъ успокоили: надѣемся, что все пройдетъ благополучно. Между тѣмъ ожидаемъ новаго письма, чтобы быть совершенно спокойными.

Для чего не съѣздить въ Одессу? Но совѣтую вамъ не трогаться съ мѣста до іюня: къ тому времени, думаю, рѣшатся наши отношенія къ Портѣ, миръ или война; если война, то не ѣздите, и ради Бога не ѣздите, для избѣжанія непріятностей. Въ Одессѣ не менѣе пяти тысячъ Грековъ: тѣсно и дорого; а какъ еще выпалятъ изъ пушки, то будетъ сумятица ужасная. Посмотримъ развязки.

Дѣвицы уже передъ вашими глазами, если дилижансъ не утонулъ: не правда ли, что Жохова интересна, хотя и съ горбомъ? Воспитаніе женское у насъ въ *преуспѣяніи;* съ мальчиками ладимъ менѣе, нежели съ дѣвочками.

Батюшковъ возвратился меланхоликомъ, ипохондрикомъ, мрачнымъ и холоднымъ: остановился у Демута, сидитъ въ своей компатѣ и не расположенъ часто видѣться съ нами; однакожь провелъ у насъ вечеръ кое-какъ. Увидимъ, что будетъ далѣе.

Мы, слава Богу, здоровы. Жена и дочери начинаютъ говѣть.

Здѣсь извѣстный египетскій путешественникъ Бельцони: буду съ нимъ нынѣшній день обѣдать у французскаго посла.

Поздравленія вашего съ весною не принимаемъ: выпалъ снѣгъ и обратился въ грязь.

Любезнѣйшій должникъ! Увѣдомьте, можете ли въ апрѣлѣ

заплатить мнѣ по заемному письму? Это знать нужно для нѣкотораго распоряженія.

Простите. Нѣжно васъ обнимаемъ всѣмъ домомъ. Вашъ Н. Карамзинъ.

100.

Письмо Е. А. Карамзиной.

(1822).

Bonjour, mes bons amis, combien nous sommes contents de savoir la chère princesse Véra quitte de la perspective terrible des souffrances qu'elle craignait; au nom du Ciel continuez les ménagements sans faire attention aux six semaines écoulées. Pour nous, grâce à Dieu, nous nous portons tous bien et faisons nos paquets pour le séjour des dieux et des rois. Mais il y a une certaine parade qui, je suppose, nous retiendra quelques jours de plus ici, et que nous ne partirons que le 15. Je pense qu'une fois que vous serez tout à fait sûre de la santé de la princesse Véra, vous songerez aussi à Astafievo. Adieu, je me dépêche, j'ai quelqu'un qui m'attend: mais j'ai besoin de vous donner une commission; j'espère que vous avez à l'heure qu'il est vos fichus, et l'argent qui nous en revient 40 r. vous le remettrez à B. Л. Pouchkin pour 4 exempl. de ses œuvres qu'on nous a demandés, et vous accompagnerez le tout d'un amical compliment de ma part.

Adieu, chers, bons amis, je griffonne plus qu'à l'ordinaire, on m'appelle, on m'appelle.

Приписка Н. М. Карамзина.

Обнимаю васъ нѣжно, любезнѣйшіе друзья. Видимъ Батюшкова съ горестію. Одинъ Богъ можетъ исцѣлить его. Скажите Англичанину, что я буду отвѣчать ему на письмо; но не сказывайте, что мнѣ это скучно. Прибавьте, что я исполненъ почтенія къ его трудамъ, лестнымъ для чести нашихъ древностей.

Ради Бога не упускайте случая продать Костромское село графу Орлову: онъ прекрасный господинъ для крестьянъ; а крестьяне васъ обманутъ и никогда не заплатятъ вамъ полу-милліона: мо-

жете остаться и безъ крестьянъ, и безъ денегъ, не смотря на законныя условія съ ними. Такъ думаю и еще разъ обнимаю васъ всѣхъ нѣжно.

101.

С.-Петербургъ. 31 марта 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Мы опять въ безпокойствѣ о милой княгинѣ и съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ васъ извѣстій. Дай Богъ, чтобы это письмо нашло васъ безъ больныхъ! Мы здоровы; но мысль о нездоровьѣ княгини мѣшаетъ намъ встрѣтить праздникъ съ удовольствіемъ. Между тѣмъ отъ всего сердца поздравляемъ васъ и заранѣе говоримъ: *Христосъ воскресе!* Нѣжно васъ всѣхъ обнимаемъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

102.

С.-Петербургъ. 5 апрѣля 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Христосъ воскресе! Мы спокойнѣе, но все еще ждемъ отъ васъ новаго извѣстія, чтобы совершенно успокоиться.

Мы, слава Богу, здоровы. Праздникъ для насъ только христіанскій, а не свѣтскій. Я не видалъ и двора, а видѣлъ только Императрицъ на минуту.

Пишу къ вамъ это письмо съ племянникомъ, Николаемъ Ѳедоровичемъ Карамзинымъ, выпущеннымъ изъ Пажескаго корпуса въ Екатеринославскій полкъ. Будьте къ нему милостивы.

Въ разсужденіи денегъ вотъ мое распоряженіе: пришлите мнѣ до мая теперь 5000 р., а остальные 5000 р. оставьте у себя еще на шесть мѣсяцевъ, если хотите.

И у насъ жарко: второй день лѣтній. Что же о сочиненіяхъ Василья Львовича? Прошу нѣжно поцѣловать его за меня. Каково разсужденіе Плетнева о Жуковскомъ и Батюшковѣ въ книгѣ Греча? Мы посмѣялись; но это и жалко [101]). Батюшкова давно не вижу. О работѣ для него мы уже толковали; но едва ли экспериментъ удастся. *Что есть человѣкъ, его же* и проч.?

Обнимаемъ васъ нѣжно всѣхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Христосъ воскресъ! Mes bons et chers amis, vous avez gâté nos fêtes, en les attristant par les mauvaises nouvelles sur la santé de la chère princesse Véra; il y a un véritable guignon attaché à ses couches; après des relevailles si heureuses, malgré les accidents des *mixtures* prises les unes pour les autres, après six semaines attrapper une si forte maladie! Nous sommes un peu plus tranquilles depuis votre dernière, mais je ne le serai qu'à la nouvelle de la guérison parfaite. Pour nous, grâce au Ciel, nous nous portons tous bien et passons nos fêtes, comme le carême, tout doucement chez nous. Je vous embrasse tous de tout mon coeur en gros et en détail.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Recevez aussi mes tendres félicitations et mes voeux pour le rétablissement de la santé de ma tante; j'espère que ce temps si beau et si chaud aidera à la débarasser de ses rhumatismes. Je suis toute émerveillée de l'effet qu'il produit sur vous, nouveau poète de la nature, car votre dernière lettre vaut une dithyrambe en son honneur. Je suis tentée de croire ou que vous avez en vérité terriblement vieilli depuis notre séparation, ou bien que l'ennui est bon à quelque chose, ce qu'il est encore plus difficile de me persuader. Je ne désespère pas de vous voir revenir de voyage de Crimée en nouveau Joukoffsky avec des coffres remplis de vues et de feuilles séchées.

En attendant, je vous prie de distribuer mille tendres baisers de ma part à toute votre famille et au cher Nicolas en particulier. Se souvient-il encore de nous, et ne le faites vous plus languir d'inanition? Sophie K.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Je joins mes félicitations, mes vœux et mes regrets à ceux de la famille, en vous priant, mon cher et aimable oncle, de les faire agréer à ma tante. Je vous embrasse du fond de mon coeur, de même que tous les chers petits cousins et cousines. Toute à vous Catherine K.

103.

С.-Петербургъ. 27 апрѣля 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Ваши извѣстія не совсѣмъ насъ успокаиваютъ: долго ли страдать отъ нарывовъ? Ждемъ отъ почты до почты, и между тѣмъ неохотно писать въ этомъ безпокойствѣ. Однакожь сердечно благодаримъ васъ, любезнѣйшій князь, за увѣдомленіе, которыхъ и просимъ и требуемъ.

Спасибо за ласку, оказанную племяннику. Уѣхалъ ли онъ? *Языкъ копченый* есть для насъ рѣдкое блюдо: показывается дней черезъ десять. Все тотъ же: добрый и вкусный для насъ, старыхъ друзей, и не взыскательныхъ. Батюшковъ ѣдетъ на Кавказъ: имѣю мало надежды, однакожь имѣю. Богъ знаетъ, что̀ сидитъ въ немъ: меланхолія, ипохондрія? Грустно, а дѣлать нечего: онъ заперся отъ дружбы; сердце его глухо для ея голоса.

И такъ вы мыслите воевать съ Катенинымъ? Что за охота? Пишите лучше и лучше: вотъ лучшій отвѣтъ на всякую критику и брань [102]). О нѣмецкой критикѣ на мою Исторію ничего не знаю: видѣлъ только въ разныхъ журналахъ кое-что, по нѣскольку строкъ. Нѣмцевича здѣсь нѣтъ: дайте мнѣ идею объ этой новой его книгѣ.

Мы собираемся ѣхать въ Царское Село, но стало холодно. Намъ отводятъ на нынѣшнее лѣто два домика въ *Китайской деревнѣ*: будетъ просторнѣе и красивѣе, но опасаемся сырости. Нашъ старый домикъ передѣлываютъ.

Пишу Годунова, и хотѣлось бы кончить его къ зимѣ. Слепинъ начинаетъ платить туго: это худо для нашихъ финансовъ. Пришлете вы намъ 5000 р.? Скажите.

А. И. Тургеневъ принимаетъ дѣла отъ Розенкампфа [103]), а Ник. Ив. Тургеневъ весь въ юстиціи. И здѣсь давно говорятъ о перемѣнахъ въ министерствѣ просвѣщенія etc., но я не знаю объ этомъ ничего вѣрнаго; можетъ остаться, и status quo.

Обнимаю всѣхъ нѣжно; а васъ, любезнѣйшій князь, прошу обнять за меня почтеннаго и любезнаго Д. В. Дашкова: увидимъ ли его? Мы объ немъ говоримъ часто. Всѣхъ дѣтей цѣлую. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

104.

С.-Петербургъ. 4 мая 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Мы обрадовались приписанію княгини, но все еще ждемъ дальнѣйшихъ вѣстей. Вы такъ настращали насъ! Авось лѣто будетъ медикомъ. И у насъ есть нездоровая: Сонюшка, у которой часть шеи въ желѣзахъ отъ простуды; лѣчатъ уже около шести недѣль, а пользы нѣтъ. Собираемся ѣхать въ Царское Село послѣ завтра. Намъ отвели два домика въ Китайской деревнѣ: не знаю, хорошо ли будетъ. На сихъ дняхъ отправится къ вамъ Кривцовъ ждать губернаторства. Дай Богъ, чтобы ему всегда помогалъ Богъ! Я истинно люблю его, какъ добраго пріятеля и безпокоюсь о будущей судьбѣ его. Увидите, можетъ быть, и Батюшкова. Онъ третьяго дни читалъ Блудову стихи свои: это хорошій знакъ; и стихи хороши [104]). Обнимите за меня Д. В. Дашкова и С. И. Тургенева. Увидимъ ли перваго? 5000 р. и новое заемное письмо получилъ: возвращаю при семъ старое съ надписью. Что вы дѣлаете, любезнѣйшій князь, въ часы досуга піитическаго, когда княгиня менѣе тревожитъ васъ своимъ нездоровьемъ? Жуковскій читаетъ намъ Іоанну Шиллерову: переводъ очень хорошъ для чтенія; но не знаю, какъ будутъ наши актеры играть ея: это романъ въ разговорахъ, а не драма. Вы слышали, что сдѣлалось съ Байрономъ? Если правда, то онъ по предчувствію любилъ писать о кинжалахъ и смертоубійцахъ.

Обнимаемъ васъ нѣжно всѣхъ отъ мала до велика. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je ne vous dis que deux mots, mes bons amis, pour vous exprimer la satisfaction que j'ai eu de revoir l'écriture de la chère princesse Véra; mais cette satisfaction a été bien troublée, en apprenant que sa santé était encore si délabrée qu'on ne prévoyait pas le moment du rétablissement parfait. J'espère dans la bonté divine et qu'en dépit des esculapes la belle saison rendra les forces à la malade si patiente. Pour nous, notre départ est décidé pour demain,

en cas que mon pauvre mari ne souffre pas davantage de ses hémoroïdes; il serait aussi à désirer qu'il fit moins froid; il y a eu gelé cette nuit. Je vous embrasse tous, mes bons et chers amis, père, mère et enfants, tous les miens vous baisent les mains; ils sont dans le chagrin: leur *Хатька*, qu'ils ont pris en grande affection, les quitte pour aller dans l'étranger retrouver sa famille; et pour moi aussi: c'est une véritable calamité après quatre mois d'habitude, un bon jeune homme et qui me convenait très fort pour ce qu'il devait être, il faut s'en séparer, prendre un autre, s'y habituer de rechef! Enfin il faut prendre les choses comme le bon Dieu les envoit.

105.

Царское Село. 28 мая 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Вы могли предузнать горесть моей жены: она плакала и плачетъ о незабвенномъ, добромъ старцѣ; съ ея слезами смѣшались и мои. Надобно когда-нибудь умереть; однакожь жаль. Семейство Оболенскихъ лишилось своего маститаго украшенія: это былъ ихъ патріархъ [105]).

Сердечно благодаримъ васъ за хорошія вѣсти о здоровьѣ любезной княгини. Надѣемся и на хорошее дѣйствіе лѣта, гдѣ бы то ни было, въ Остафьевѣ или въ Одессѣ, въ Костромѣ или въ Карлсбадѣ. Посмотримъ куда принесутъ васъ облака! Главное дѣло здоровье, а послѣ экономія, важны не только для спокойствія души, но и для здоровья. Какъ идутъ ваши дѣла экономическія? Отъ экономіи не далека и поэзія: пишете ли и что? Пріѣздъ любезныхъ Кривцовыхъ вѣрно сдѣлалъ вамъ не мало удовольствія, вы ихъ у насъ отняли, и мы искренно объ нихъ жалѣемъ. Нравятся ли имъ по крайней мѣрѣ виды Васильевскаго? Пусть скажутъ отъ насъ поклонъ блестящимъ изгибамъ Москвы-рѣки и прекраснымъ лугамъ ея: мысленно гуляю съ ними, если они NB гуляютъ. Умѣю иногда наслаждаться тѣмъ, что вижу; однакожь, среди красотъ здѣшняго сада, вспоминаю о лугахъ и рощахъ окрестностей Московскихъ. Фрейлина наша все еще нездорова; ходитъ съ желѣзою и все еще кашляетъ, однакожь менѣе. Мы дней 10 жили

почти уединенно. Ждутъ Государя черезъ два дня. Ртуть политическаго барометра идетъ вверхъ, къ досадѣ французскихъ и нѣмецкихъ либералистовъ. Для меня миръ лучше брани. У васъ ли Батюшковъ? или былъ ли? Жуковскій сидитъ за Виргиліемъ: переводитъ экзаметрами лучшія мѣста Энеиды и споритъ со мною о высокомъ достоинствѣ Шиллеровой Іоанны, которую графъ Кочубей запретилъ играть на здѣшнемъ театрѣ, опасаясь соблазна явленій Богоматери etc. Простите, любезнѣйшіе. Нѣжно обнимаю всѣхъ васъ отъ мала до велика, а крестницу особенно. Будьте здоровы. Вашъ Н. Карамзинъ.

P. S. Я не читалъ Сегюровой статьи: нѣтъ ли ея у васъ?

106.

Царское Село. 13 іюня 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Спѣшу отвѣчать на вашъ вопросъ: Императоръ не думалъ и не думаетъ ѣхать въ Одессу. Вы уже знаете, что дѣло, по видимому, обойдется безъ войны: тѣмъ лучше и для вашего путешествія. Намъ грустно слышать о возобновленіи вашихъ безсонницъ, милый князь. Ступайте же съ Богомъ въ Одессу: авось это будетъ для васъ лѣкарствомъ. Заглянете ли въ Тавриду? Всего болѣе желаю, чтобы пріятное разсѣяніе успокоило ваши нервы [106]), послѣ того желаю, чтобы вы путешествовали съ перомъ въ рукѣ. Это дастъ вамъ и болѣе вниманія, и болѣе удовольствія. Не найдете ли гдѣ-нибудь и Батюшкова? Онъ поѣхалъ отсюда въ нерѣшимости, куда ѣхать: на Кавказъ или въ Крымъ. Вчера былъ я нѣсколько часовъ въ городѣ для свиданія съ канцлеромъ, и не веселаго: по прежнему ничего не слышитъ и едва передвигаетъ ноги. А. И. Тургенева почти не видимъ, хотя онъ черезъ день бываетъ въ Царскомъ Селѣ у А. А. Воейковой; но мы друзья невзыскательные. Жуковскій сидитъ за Энеидою и бормочетъ экзаметрами. Пушкинъ написалъ Узника: слогъ живъ, черты рѣзкія, а *сочиненіе* плохо; какъ въ его душѣ, такъ и въ стихотвореніи нѣтъ порядка [107]).

Прикажите отдать сыну Прохора 50 р., въ которыхъ я съ вами сочтусь.

Обнимаю васъ нѣжно всѣхъ. У Сонюшки все еще не проходитъ желѣза. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

107.

Царское Село. 30 іюня 1822.

Отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшій князь, съ вчерашними имянинами. Мы въ кругу семейства пили за ваше здоровье. Никто искреннѣе нашего не желаетъ вамъ всего, что̀ можетъ назваться добромъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Пріѣздъ Ивана Ивановича радостно удивилъ насъ. Мы не нашли въ немъ большой перемѣны. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ вечеру, ночевалъ у насъ, обѣдалъ и скрылся; обѣщаетъ однакожь быть послѣ завтра; обѣдалъ у Государя на Каменномъ островѣ, какъ мнѣ сказывали, и поѣдетъ въ Павловское [108]).

Ждемъ отъ васъ извѣстія, ѣдете ли въ Одессу, или въ Кострому, или останетесь въ Остафьевѣ. Мы, слава Богу, здоровы. Сверхъ желѣзы, у Сонюшки болѣлъ еще глазъ: теперь лучше. Цѣлую ручку у милой княгини, обнимаю васъ и дѣтей. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

108.

Царское Село. 28 августа 1822.

Любезнѣйшій князь! Съ живѣйшимъ удовольствіемъ читалъ я ваше любопытное письмо о Нижегородской ярмонкѣ; соглашаюсь съ главными мыслями и жалѣю о худомъ состояніи нашей торговли, которая вездѣ худа отъ причинъ ясныхъ и неясныхъ. Думаю, что робкая цензура устрашилась бы нѣкоторыхъ замѣчаній и мыслей, еслибы вы вздумали ихъ напечатать [109]). Это не во вкусѣ Свиньина: онъ не жалуется на цензуру. Загляните въ ту книжку его журнала, гдѣ описанъ Петергофскій праздникъ съ Самсономъ и съ нектаромъ! [110]) Надѣемся, что вы уже въ Остафьевѣ съ вашимъ милымъ семействомъ, не скучаете и спите спокойно. Мы на сихъ дняхъ много говорили объ васъ съ Дашковымъ, не

очень нѣжнымъ другомъ Москвы; а я все еще не прощаюсь съ нею въ мысляхъ и могу оставить ей свои кости въ вѣчное потомственное владѣніе. Мы, слава Богу, здоровы, à quelque chose près. Желаемъ дожить здѣсь до октября. *Лѣтопроводецъ* Симеонъ уже на дворѣ, а погода еще теплая и сухая. Жуковскій хочетъ также быть царскосельскимъ жителемъ до глубокой осени. Я съ удовольствіемъ слушалъ его переводъ Энеиды. Воображаю васъ уже въ бесѣдѣ съ Иваномъ Ивановичемъ, который для насъ мелькнулъ и скрылся. Это похоже на сновидѣніе, какъ и вся наша жизнь; чѣмъ долѣе живемъ, тѣмъ болѣе увѣряемся въ сходствѣ. Гдѣ думаете провести осень и зиму? Обнимаю васъ нѣжно и цѣлую руку у милой княгини; цѣлую и крестницу и всѣхъ дѣтей. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

109.

Царское Село. 9 октября 1822.

Любезнѣйшій князь! Мы совсѣмъ не думали играть съ вами въ молчанку и ждали отъ васъ отвѣта на свое письмо: по крайней мѣрѣ дѣвицы увѣряютъ, что не вы, а мы писали послѣдніе. Впрочемъ не будемъ спорить: довольно знать, что и вы, и мы здоровы, уповая впредь на милость Божію, какъ писывали наши дѣды. Письмо Заіончека пріятно для васъ и для насъ: умно и благородно. Спасибо за копію; доставлю ее и Тургеневу. Правда, наши господа не написали бы въ такомъ тонѣ и въ такихъ отношеніяхъ, хотя это и не доказываетъ, чтобы Ляхи вообще были характеромъ благороднѣе Русаковъ [111]). Жалѣю вмѣстѣ съ вами о суетномъ любопытствѣ почты варшавской, думаю, а не московской. Мы смѣялись вашей перчаткѣ: надѣюсь однакожь, что ее не кому было поднять между Москвою и Царскимъ Селомъ. Для чего вы когда-нибудь хотѣли такъ сильно скромничать съ нами? Мы совсѣмъ не расположены затыкать себѣ ушей отъ вашей искренности, всегда для насъ любезной и безгрѣшной. Можемъ иногда поспорить; но это не бѣда. *Здравствуйте* только *желудкомъ;* питайтесь душевно и тѣлесно со вкусомъ, спите сномъ праведника, и въ воскресенье

старайтесь быть свѣтлѣе сердцемъ, нежели въ субботу. Люблю думать, что мы всѣ подъ крыломъ Провидѣнія—и въ Царскомъ Селѣ, и въ Остафьевѣ. Въ Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ (Gelehrte Anzeigen), № 133, 22 августа 1822, напечатана рецензія на мою Исторію, писанная, какъ вѣроятно, знаменитымъ историкомъ Гереномъ (Heeren): мнѣ читала ее Императрица Марія Ѳеодоровна, а я слушалъ съ удовольствіемъ, развѣсивъ уши. Здѣсь лѣто было прекрасное; осень также хороша: грустно слышать, что внутри Россіи гніетъ хлѣбъ отъ дождей. Мы думаемъ прожить въ Царскомъ Селѣ до 25 или 30 октября. Императоръ не поѣдетъ ни въ Неаполь, ни въ Римъ, какъ слышно, и возвратится въ декабрѣ. Нѣжно обнимаю васъ и цѣлую руку у милой княгини и свою крестницу въ розовые губы; цѣлую и всѣхъ остальныхъ Вяземскихъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mes bons amis, et suis fâchée de ce que vous nous accusez de paresse; c'est un peché originel qui va en croissant dans notre famille, surtout du côté des femmes: mais pour le moment ce n'était pas le cas de le reprocher, notre lettre ayant été la dernière écrite. Nous restons ici encore avec charme, car la campagne quoique dépouillée, les gazons, les eaux, le ciel restent encore pour consolation, et réellement nous avons une atmosphère qui rappelle plutôt le printemps que le mois d'octobre. C'est dans cette douce disposition printanière que je fais des voeux pour le bonheur de toute la famille.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Nous sommes dans les douceurs de *la tante* des pains d'épice de l'oncle bien aimé. С. К.

110.

Царское Село. 31 октября 1822.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Вотъ вамъ послѣднія строки съ береговъ Царскосельскаго озера! Черезъ два часа сядемъ въ карету, чтобы ѣхать къ нашей городской хозяйкѣ, къ Тургеневу, Блудову, Дашкову etc., проживъ здѣсь, слава Богу, шесть мѣсяцевъ безъ шести дней не въ свѣтскомъ, а въ семейственномъ шумѣ, въ разсказахъ о Годуновѣ, въ чтеніи Вальтеръ-Скотта, Шлегеля, мадамъ Сталь, Тацита, Плутарха, газетъ, журналовъ и въ прогулкахъ. Сосѣдство двора было для насъ только пріятнымъ сосѣдствомъ. Искренно благодаримъ Царя и за свое уютное китайское жилище, въ которомъ мы не чувствовали ни сырости, ни холода. Я еще болѣе жалѣлъ бы о Царскомъ Селѣ, если бы не думалъ, что и въ Петербургѣ то же Провидѣніе, которому охотно ввѣряю судьбу своей жизни и цѣлаго міра, не чужаго моему сердцу.

Отъ извѣстій добродушнаго *Австрійскаго Наблюдателя* о Грекахъ я провелъ худую ночь въ сентябрѣ; но Греки, кажется, еще бодрствуютъ: живъ, живъ курилка—а тамъ, что Богъ дастъ! Не радуюсь побѣдѣ Оттомановъ надъ Персами: 12,000 ушей прислано въ Константинополь. По разсказамъ одного любскаго корабельщика, пришедшаго къ намъ въ три дни, король Неаполитанскій уступилъ тронъ сыну, о чемъ и въ газетахъ намекали.

Грустно намъ слышать о худомъ состояніи вашихъ фабрикъ: видно, что тарифъ не производитъ обѣщаннаго дѣйствія. Можете, любезнѣйшій князь, безъ всякаго сомнѣнія не платить мнѣ по заемному письму до будущаго генваря: довольно, если можете прислать деньги около Крещенья. Для насъ худо то, что Слепинъ не платитъ: опасаюсь катастрофы во вкусѣ Акохова покойника. Останется тоскать послѣднія деньги изъ ломбарда.

Простите, любезнѣйшіе друзья! Всѣхъ васъ обнимаемъ нѣжно. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

111.

С.-Петербургъ. 2 декабря 1822.

Любезнѣйшій князь! Сердечно благодаримъ за послѣднее веселое письмо о безпутьѣ etc. Я почти долженъ виниться передъ вами, что пишу рѣдко, не столько отъ лѣни, сколько отъ прилѣжанія къ историческому дѣлу: спѣшу, если можно, дойти до конца, пока еще могу писать. Старость на дворѣ: того и смотри, что сгонитъ съ двора охоту писать, а мнѣ хотѣлось бы посадить Романова на тронъ и взглянуть на его потомство до нашего времени, даже произнести имя Екатерины, Павла и Александра съ историческою скромностію. Сижу часовъ пять, а напишу иногда строкъ пять; устану, а тамъ не легко писать и къ друзьямъ. Теперь пишу къ вамъ по утру, собираюсь ѣхать въ Академію, гдѣ я не былъ уже около двухъ лѣтъ: вотъ дорогая плата — не знаю, за что! Имѣете ли новое изданіе Лексикона?

Горюемъ о Батюшковѣ поэтѣ. Катерина Ѳедоровна хочетъ взять маленькаго. Въ Лицей никого не берутъ *прямо:* надобно пройти черезъ пансіонъ, гдѣ платятъ около двухъ тысячь въ годъ. Остаются корпусы, гдѣ не мягко стелятъ и жестко спать. Увидимъ когда малютка будетъ здѣсь: объ немъ уже писали въ Москву.

Я съ живымъ удовольствіемъ читалъ ваши стихи: *Первый Снѣгъ* и на рожденіе Ивана Ивановича; но цензура не пропустила *Снѣга* за 8 стиховъ сладострастныхъ, по чувству Красовскаго. И жалко, и смѣшно; но такова каррикатура свѣта [112]). Говорятъ, что Магницкій въ какомъ-то комитетѣ подалъ голосъ противъ чтенія Библіи безъ разбора: всему достается.

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ васъ всѣхъ. Нѣжно цѣлую руку у милой княгини. Вашъ Н. Карамзинъ.

112.

С.-Петербургъ. 20 декабря 1822.

Любезнѣйшій князь! Съ благодарностію отправляю къ вамъ Прохора на покой. Онъ довольно послужилъ намъ вѣрою и прав-

дою, и до конца хранилъ благосостояніе нашихъ старыхъ коней. Просимъ васъ быть къ нему милостивымъ. На сихъ дняхъ я писалъ къ вамъ; а теперь прибавлю только, что мы, слава Богу, здоровы. Будьте и вы благополучны. Нѣжно цѣлую ручку у милой княгини, а васъ обнимаю со всѣми малютками. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Долго ли вамъ за меня ратовать? Что за охота? И какая польза? Всякій видитъ и судитъ по своему [113]). Скажите, какъ рѣшили вы судьбу вашихъ фабрикъ?

113.

С.-Петербургъ. 1 генваря 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Нѣжно обнимаю васъ въ новый годъ! Будьте здоровы, спокойны и менѣе должны! Часто, часто о васъ думаемъ и говоримъ съ нашими общими друзьями. Послѣднее письмо К. А. Рябининой, въ которомъ она говоритъ объ васъ съ любовію, было намъ очень пріятно. Вы, милый князь, философствуете объ жизни вчернѣ: слава ей, ибо она развертываетъ въ насъ высокія чувства! За часъ до новаго года я пріятно занимался чтеніемъ Мендельзона и Якоби о метафизикѣ Спинозы: вы еще не занимаетесь метафизикою? Не давно читалъ я и доктора Омеру о Наполеонѣ: много лжи, но любопытно. Доѣхалъ ли до васъ Прохоръ? Видѣли ли вы нашу мамзель Кадо? Мы не безъ слезъ разстались съ нею. Еще разъ нѣжно всѣхъ васъ обнимаю. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous souhaite toutes les prospérités de ce monde, mes chers et bons amis, pour l'année 23, et entre autres l'arrangement de vos affaires, prospérité qui dépend plus immédiatement de vous et dont je désire ardemment que vous vous occupiez, car cela vous donnera les moyens de disposer de la vie. J'ai eu de vos nouvelles et surtout de celles de Macha et Pacha par m-me Rébinine de très satisfaisantes, et elle m'en a fait un portrait si détaillé que je les reconnaîtrais au premier abord. Nous sommes tous très affligés par

le départ de m-lle Cadot qui nous a laissé un vide par son absence que miss Scouguel ne remplira de longtemps par sa présence. Cette miss Scouguel est une anglaise que j'ai engagée pour être auprès de mes filles, que le Ciel bénisse ce choix. Je suis desolée de vous savoir sans gouvernante, c'est indispensable ayant des filles déjà grandes. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse tous de cœur et d'âme, père, mère et enfants.

114.

С.-Петербургъ. 19 генваря 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Насъ испугали вѣсти о московскомъ пожарѣ: не были ли вы на этомъ несчастномъ балѣ? [114]) Безпокоимся также и о милыхъ дѣтяхъ: что ихъ кашель? Дай Богъ, чтобы и вы и мы скорѣе успокоились. Пишу Ивану Ивановичу о собраніи академическомъ. Дашковъ не пускалъ туда Блудова, какъ въ чумное мѣсто: онъ уже и меня считаетъ въ моровой язвѣ [115]). Но болѣе всего жаль, что мы не видимъ его: онъ сталъ государственный мужъ и занятъ дѣлами. И здѣсь коммерція плоха: нѣтъ денегъ, старайтесь же копить ихъ. Любезные стихи Ивана Ивановича всѣмъ полюбились, кому я читалъ ихъ [116]). Докучайте ему, чтобы онъ не переставалъ писать. Я отдумалъ, хотя и не безъ сожалѣнія, печатать въ эту зиму 10-й томъ; хочу прежде дописать Самозванца, а будущее въ рукѣ Божіей! [117])

Нѣжно васъ всѣхъ обнимаю. Обрадуемся, когда узнаемъ, что дѣти здоровы. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Государя ожидаютъ завтра; а мы ожидаемъ всякій день князя А. П. Оболенскаго.

115.

С.-Петербургъ. 5 апрѣля 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Отъ всей души поздравляемъ васъ съ рожденіемъ милаго, *втораго* князя Петра: Дай Богъ, чтобы онъ имѣлъ умъ, дарованія и душевное благородство *перваго*! Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дальнѣйшихъ добрыхъ вѣстей о состояніи

родильницы любезнѣйшей, и надѣемся, что вы, милый князь, будете ея неусыпнымъ стражемъ въ теченіе шести недѣль и далѣе. Надѣемся также, что не пропустите почты безъ извѣщенія насъ хотя одною строкою о матери и новорожденномъ: авось весна подѣйствуетъ на нихъ лучше всякихъ лекарствъ. Здѣсь возвратилась было зима, и Нева едва снова не стала; но теперь идетъ теплый дождь.

Мы, слава Богу, здоровы, à quelque chose près. Собираемся говѣть на послѣдней недѣлѣ; а послѣ праздника желали бы скорѣе переѣхать въ Царское Село.

Худыя вѣсти о Батюшковѣ: онъ хочетъ непремѣнно лишить себя жизни. Послалъ стафету къ губернатору, чтобы онъ нашелъ хорошій способъ отправить его сюда. Государь взялъ участіе въ судьбѣ несчастнаго; но, можетъ быть, все уже поздно. Батюшковъ, готовясь умереть, писалъ къ брату и къ Н. М. Муравьеву, трогательно называя перваго *будущимъ* своимъ другомъ. Грустно и жалко до глубины сердца.

Всѣхъ васъ обнимаемъ нѣжно. Будьте здоровы и спокойны для нашего спокойствія. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Я радъ, что вы, любезнѣйшій князь, рѣшились продать знатную часть имѣнія для заплаты всѣхъ долговъ. Но старайтесь же скорѣе произвести свое намѣреніе въ дѣйство: время дорого, и нынѣ не легко найти покупщика.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Recevez aussi mes tendres félicitations et mes vœux pour que Pierre second soit aussi aimable et aussi aimé que Pierre premier que je me permets toujours d'embrasser sans façon, comme au bon vieux temps, et de toute la tendresse de mon cœur, ainsi que ma charmante tante. S. K.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je joins mes veux à tous ceux des personnes qui vous aiment, mais personne plus que moi; Dieu fasse que la chère accouchée fasse ses relevailles aussi heureusement que le principale acte, et pour cette fois au moins qu'elle soit quitte des douleurs et d'an-

goisses. J'espère que le petit Pierre aura toutes les bonnes et belles qualités de son père avec un peu moins de poësie et par conséquent un peu plus de *raison*, n'en déplaise au cher ami Pierre. Je vous embrasse tous, père, mère et enfants, de toute la tendresse d'un cœur qui vous est tout dévoué.

116.

С.-Петербургъ. 19 апрѣля 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Сердечно радуемся вашимъ добрымъ вѣстямъ: дай Богъ продолженія! Между тѣмъ берегите и берегитесь до шести недѣль и болѣе. Опытъ въ вашей памяти. Благодаримъ васъ, милый князь, за то, что вы доселѣ не оставляли насъ безъ увѣдомленія о родильницѣ, надѣемся, что и не будете оставлять.

Поздравляемъ васъ съ наступающимъ свѣтлымъ праздникомъ: авось въ слѣдъ за нимъ явится и весна, которую только предвидимъ, а не видимъ до нынѣшняго дня, слѣдственно, еще не можемъ помышлять о Царскомъ Селѣ. Мы цѣлымъ семействомъ говѣли и нынѣшній день причащались въ церкви у графа Шереметева.

Ждите въ Москву Тульскаго губернатора. Онъ доволенъ: будутъ ли имъ довольны? Или мы будемъ ли, какъ его добрые пріятели? О несчастномъ Батюшковѣ нѣтъ дальнѣйшихъ вѣстей. Все еще можно надѣяться; но страхъ сильнѣе надежды въ этомъ случаѣ.

Всѣ мы и всѣхъ васъ обнимаемъ нѣжно. Будьте здоровы и благополучны, къ нашему сердечному удовольствію! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous félicite de tout mon cœur, mes bons et chers amis, avec le beau jour de Pâque; nous l'attendons ici avec crainte et espérance par rapport au temps qu'il fait qui a été détestable et qui commence un peu à sourir; je suis un peu fatiguée de ma matinée, je me contenterai pour aujourd'hui de vous donner le baiser

de chrétienne que vous recevrez probablement tout juste, quand il le faudra. Portez vous bien et soyez tranquilles, c'est les vœux de celle qui vous aime de tout son cœur. J'envoye à la chère princesse Véra les fichus lavés, leur lessive coute 40 r. que vous aurez la complaisance de remettre à m-me Rebinine avec qui j'ai des comptes.

117.

С.-Петербургъ. 1 мая 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Послѣднее ваше извѣстіе насъ успокоило; однакожь все еще ждемъ дальнѣйшихъ. Спасибо вамъ, милой князь, за частыя письма. Надѣемся, что вашъ флюсъ уже прошелъ. Я самъ не очень здоровъ: болитъ горло уже недѣли двѣ, и вообще какъ-то не хорошо себя чувствую. Погода и здѣсь самая не веселая; вчера проглянуло солнце, а теперь опять дождь. Не знаю, когда переѣдемъ въ Царское Село: все черно и сыро. Новаго не знаемъ о Батюшковѣ. Крыловъ почти совсѣмъ здоровъ, но простился съ баснями. Жуковскій еще въ Дерптѣ. Читали ли вы графа Растопчина Verité sur l'incendie de Moscou? Обнимаемъ всѣхъ васъ нѣжно. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

118.

Царское Село. 1 іюня 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Желаемъ, чтобы вы были уже въ Остафьевѣ, и благодаримъ Бога, что милая княгиня на сей разъ отдѣлалась отъ родовъ безъ дальнѣйшихъ худыхъ слѣдствій.

Написавъ вчера письмо къ Ивану Ивановичу здоровый, я вдругъ въ сильный жаръ почувствовалъ дрожь, провелъ ночь дурно, и не могу заниматься обыкновеннымъ своимъ дѣломъ. По крайней мѣрѣ скажу вамъ нѣсколько словъ.

Изъ петербургскаго нашего жилища, вѣроятно, и насъ самихъ скоро выгонятъ. Когда мы сюда уѣхали, то Катерина Ѳедоровна перевела въ наши комнаты Батюшкова. Съ сердечнымъ удо-

вольствіемъ ожидаемъ любезныхъ Огаревыхъ: увѣдомьте, выздоровѣлъ ли Николай Ивановичъ? [118])

Друзья все дѣлаютъ для Батюшкова, что могутъ. Онъ безпрестанно говоритъ о самоубійствѣ: надѣюсь, что и впредь будетъ только говорить; но мало надежды видѣть его опять, какъ онъ былъ. У него полусумасшествіе, и тѣмъ опаснѣе. Всего хуже бываетъ онъ наединѣ съ людьми короткими.

Слухъ московскій о моемъ кураторствѣ не могъ имѣть никакого основанія, какъ вы сами догадались. Вѣроятно, что почтенный князь Андрей Петровичъ смѣется нашему совмѣстничеству! Пора уже не говорить обо мнѣ старикѣ.

На сихъ дняхъ однакожь, не смотря на старость, слушалъ я въ нашемъ семейномъ кругу съ живѣйшимъ удовольствіемъ чтеніе новаго романа г-жи Сузы: Comtesse de Sary. Теперь читаю Memoires de Napoléon, изданные Монтолономъ и Гурго: писано хорошо, но все въ смыслѣ хвалы.

Простите, любезнѣйшіе. Голова моя не совсѣмъ въ порядкѣ. Обнимаю нѣжно всѣхъ васъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

119.

Царское Село. 24 іюля 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Мысленно мы всѣмъ семействомъ пировали съ вами въ Остафьевѣ и между тѣмъ пили здѣсь здоровье новорожденнаго, желая ему всего, чего умѣетъ желать любовь сердечная.

Вы съ нами были не долго, милый князь, но оставили въ насъ пріятное впечатлѣніе надолго: трогательное воспоминаніе объ этомъ дѣйствіи вашей истинной къ намъ дружбы [119]). Я оправляюсь, только все еще слабъ, и Богъ знаетъ, когда примусь за работу: голова моя еще не въ силахъ производить и образовать мысли. За то читаю много: новѣйшій романъ Вальтеръ-Скотта и Mémorial Ласъ-Каза сдѣлали мнѣ не мало удовольствія.

Ждемъ отъ васъ подробнаго извѣщенія о праздникѣ. Цѣлую васъ и дѣтей нѣжно. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Combien j'ai été contente, mon cher et aimable oncle, en lisant dans votre lettre que vous êtes arrivé à Moscou le *onze matin*; mais n'allez pas croire cependant que ce sentiment de vive satisfaction aie été entièrement desintéressé; vous vous souvenez, j'espère, d'un certain pari proposé par vous dans la chaleur du désespoir, lorsque, ne voyant pas arrivé votre aimable compagnon de voyage, vous craigniez de faire évanouir tous les projets brillants formés sur votre retour (et qui, je l'espère, ont eu aussi une brillante réalisation): je vous prie donc de vous rappeler de la gageure, d'autant plus qu'elle est gagnée et de m'en envoyer le prix qui n'étant qu'un petit bout de papier bleu ne sera pas embarassant à me faire parvenir. Rappelez vous aussi la promesse que vous nous avez faite d'une description détaillé de la fête; je m'y suis transportée, si non en réalité, au moins en rêve, car je vous assure, qu'à force d'y avoir pensé et désiré d'y être, j'y aie fait un pelerinage pendant la nuit. Embrassez tendrement, bien tendrement de ma part ma tante et toute la petite famille, et chargez les de vous embrasser pour moi; mais de toute la tendresse de leurs cœurs réunis. Catherine Karamzine.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Elle a tant babillé qu'il ne me reste qu'un instant, tandis qu'on fait le paquet, pour vous embrasser, comme je vous aime, tous les deux, et c'est de tout mon cœur. Sophie K.

120.

Царское Село. 5 сентября 1823.

Любезнѣйшій князь! Давно я не писалъ къ вамъ, отъ безпокойства о дѣтяхъ, которое еще не прошло, хотя и уменьшилось. Нѣсколько недѣль слушать ужасный кашель пятерыхъ, видѣть рвоту и кровь текущую ручьемъ отъ надсады изъ носу—это могло вскружить голову, еще слабую послѣ горячки. Живемъ въ совершенномъ уединеніи, потому что всѣ насъ боятся какъ чумныхъ.

Богъ знаетъ, когда эта жестокая болѣзнь совсѣмъ пройдетъ. Кашель сдѣлался рѣже, но все еще силенъ; по крайней мѣрѣ, кажется, уже нѣтъ опасности, если какъ нибудь не простудимъ дѣтей. Очень желаемъ, чтобы хорошая погода продолжалась.

Сердечно жалѣемъ, что вы должны были отпустить любезную княгиню въ Саратовъ, и по христіанскому чувству радуемся скорому выздоровленію Кологривова [120]). Надѣемся, что она уже на обратномъ пути. Кажется, что одно изъ вашихъ писемъ не дошло до насъ то, въ которомъ вы писали о болѣзни Кологривова.

Дѣлаете ли что-нибудь для поправленія дѣлъ экономическихъ?

Не требую отъ васъ подробнаго извѣщенія о Государевомъ пребываніи въ Москвѣ [121]); хотѣлъ бы я только знать, какъ онъ обошелся съ С. С. Кушниковымъ [122]).

Знаете ли, что наши дѣвицы (кромѣ Лизы) дуются на васъ за послѣднее письмо?

Нѣжно обнимаю васъ и милыхъ дѣтей. Будьте здоровы и благополучны. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Батюшковъ чуть не утопился. Реминъ хотѣлъ прибрать его въ руки, но не могъ; а откладывать не должно.

Скажите отъ насъ ласковое слово любезнымъ Оболенскимъ.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Comme je suis de ma nature boudeuse à l'excès, je n'étais pas du tout disposée à vous donner signe d'une vie consacrée maintenant à l'indignation contre vos mauvaises plaisanteries: mais je suis aussi extrêmement compatissante de ma nature, et l'idée de l'absence de ma tante et de la *présence* m'ont attendrie si singulièrement que je n'ai pu résister au désir de vous envoyer mes compliments de condoléance et de vous embrasser du fond de mon cœur sans rancune, en vous engageant à en faire autant à la petite famille. Catherine K.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Quant à moi, papa a tort de dire que je suis fâchée: non, vos perfides plaisanteries en se continuant ont fini par éteindre le dépit, je les dédaigne, voyez que c'est beau! Et je vous embrasse

du *fond de mon coeur* trop plein de sentiment pour vous pour que ce mépris y pénètre! Sophie K.

121.

17 сентября (1823).

Отъ всего сердца поздравляю васъ, милая княгиня, съ именинами, равно какъ и васъ, любезнѣйшій другъ. Вчерашній день мы провели съ нашими общими пріятелями: слѣдственно много говорили объ васъ. Дѣтямъ, слава Богу, гораздо лучше. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je me joins à mon mari, chère et bonne princesse Véra, pour vous souhaiter tout ce qu'il y a de biens désirables dans ce monde; et si je vous avais écrit quelques jours plutôt et avec connaissance de cause, certainement parmi mes vœux vous auriez trouvé celui de ne pas être sur le grand chemin de Saratoff; mais ce qui est fait est fait; j'espère que vous ne vous en repentez plus; la fatigue et la peine sont oubliées, mais le souvenir de la bonne intention reste toujours. Je ne vous dirai rien sur moi, du moins pas autre chose, que je commence à me reposer morallement et physiquement de la coqueluche de mes enfants, cinq tous différentes de ton, c'était une musique aussi pénible pour les oreilles que déchirante pour le cœur et effrayante pour l'imagination; grace au Ciel, tout cela s'apaise petit à petit; les quintes ont presque cessé et mes angoisses avec; cependant les enfants toussent encore beaucoup.

Adieu, ma chère amie, donnez un bien tendre baiser au cher mari en le félicitant avec la chère grande et la chère petite именинницы.

Qu'il les voye toujours heureuses et partage leur bonheur; mille tendresses à tous les autres enfants et avec prédilection pour Macha et Nicolas.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Acceptez aussi de ma part, chère et bonne tante, un tendre baiser de félicitation sur votre fête et celle de la petite cousine inconnue; je ne vous parlerai point de mes voeux, car le 17 septembre, comme tous les jours qui le précèdent et le suivent, mon coeur ne les varie jamais pour vous, ils sont toujours également sincères et également *heureux*.

D'après ce que mon oncle nous dit dans sa dernière lettre je présume que vous avez passé votre fête à Moscou et par conséquent dépourvu des attributs brillants qui l'embéllissaient et la célebraient jadis et qui faisaient retentir les murs du cher château d'Ostafievo. Quant à ma soeur, elle a passé sa fête plus agréablement qu'elle ne pouvait s'y attendre au milieu de notre solitude: le prince Théodore Galitzin a fêté toutes les *Sophie* de Zarsko Sélo par un bal qu'il a donné en leur honneur et qui était fort dansant et par conséquent fort amusant pour les danseurs. A ma grande surprise je m'y suis trouvée aussi; mais ce n'était qu'en faveur de l'épithète de bal *champêtre*; car quant aux *bals* tout court, de longtemps encore je n'y metterai le nez ou plutôt le pied.

Dites je vous prie à mon oncle que depuis mille ans je ne pense plus à le bouder et que pour le lui prouver je lui envoie un long et tendre compliment, accompagné d'un tendre baiser. Veuillez, en en acceptant encore une collection de bien appliqués, en donner quelques uns à la chère petite famille et en conserver plusieurs envoyés par un coeur qui vous porte la plus constante et la plus sincère affection. Catherine Karamzine.

Excusez, je vous prie, mon audace à vous donner la peine de déchiffrer cet indéchiffrable gribouillage.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Catherine a tant babillé, ma charmante tante, qu'elle même me presse instamment d'avoir vite fini mes félicitations pour qu'elles puissent vous parvenir par cette poste; c'est avec beaucoup de mauvaise humeur que je vous les adresse, ainsi tous les ans sans prévoir, quand cela finira. Cependant j'ai passé la journée d'hier

plus gaîment que de coutume, comme ma soeur vous en instruit, en sautant de tout mon coeur; je pensais aux beaux jours de mon enfance, à Astafievo, à m. Sokovnine que le jour de Sainte Sophie rappelle vivement. Adieu, je vous embrasse comme je vous aime, et l'impatientant persiffleur aussi. Sophie K.

122.

Царское Село. 5 октября 1823.

Любезнѣйшій князь! Вы были не здоровы. Чѣмъ? Мы ничего не знали до вашего письма. И Тургеневъ, который все знаетъ, не говорилъ намъ о томъ ни слова. У дѣтей нашихъ коклюшъ прошелъ, но еще остается простой кашель. Начинаемъ помышлять о переѣздѣ въ городъ, гдѣ еще надобно кое-что приготовить. Вы вооружаетесь противъ Китайскихъ домиковъ; однакожь въ нашихъ нѣтъ замѣтной сырости. Ни моя горячка, ни коклюшъ дѣтей не произошелъ отъ Китая, гдѣ въ прошломъ году мы жили до ноября и были всѣ здоровы. Вы по своей дружбѣ гоните насъ въ городъ, а сами отправляетесь въ деревню ждать зимы, которая здѣсь уже показывалась, но скрылась. Я видѣлъ въ Гатчинѣ графа Литту и говорилъ ему о покупкѣ Краснаго: онъ не хочетъ. Жаль, что графъ Орловъ отказался. Нынѣ трудно находить покупщиковъ. Принцессу Шарлотту [123]), очень любезную, какъ всѣ увѣряютъ, видѣли мы также въ Гатчинѣ и здѣсь у Императрицы Елисаветы. Жуковскій уже воспѣлъ ее [124]). Теперь всѣ праздники и веселья отложены: Великая Княгиня выкинула. Я все еще усердно пишу; а въ вечеру читаемъ романы, и нерѣдко обливаюсь слезами какъ женщина.

Нынѣшній годъ не благопріятенъ для насъ и въ экономіи: едва ли что получимъ изъ деревень отъ худаго урожая и пожара. Видно мнѣ до смерти жить въ заботахъ и притомъ не искать лучшаго состоянія.

Какова экспедиція французовъ? Я пробѣжалъ нѣмецкую книжку нашего новаго министра финансовъ о финансахъ: что-то не внятно; а нѣмцы ищутъ въ ней будущей судьбы государства Россійскаго! [125]) Простите, любезнѣйшіе друзья. Цѣлую ручку у милой

княгини, отца съ дѣтьми обнимаю нѣжно! Будьте здоровы. Вашъ Н. Карамзинъ.

123.

С.-Петербургъ. 27 ноября 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Наконецъ мы въ городѣ и въ новомъ жилищѣ, на Моховой, въ домѣ Межуева, и расположились изрядно, по своему состоянію, то-есть, смиренно, въ небольшихъ комнатахъ, какъ должно людямъ, у которыхъ сгорѣла деревня, и которые лишились шести тысячъ рублей доходу. Теперь беру 16 тысячъ рублей изъ ломбарда для печатанія 10 и 11 томовъ Исторіи, хотя, какъ увѣряетъ Сленинъ, и мало покупщиковъ на книги.

Вы, милый князь, спрашиваете, гдѣ вамъ читать о Ермакѣ: въ Сибирской Исторіи Миллера или Фишера и еще въ двухъ или трехъ лѣтописяхъ Сибирскихъ, которыя можетъ вамъ доставить Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій; а болѣе всего въ вашемъ воображеніи. Куда васъ кинуло! Но предметъ хорошъ.

Сѣверинъ не можетъ нахвалиться пріятными часами, проведенными имъ съ вами, хотя и безъ политическихъ разговоровъ. Онъ былъ у насъ раза три и всякій разъ находилъ меня окруженнымъ людьми, которые съ нимъ не въ дружбѣ.

Я видѣлъ Батюшкова въ бородѣ и въ самомъ несчастномъ расположеніи духа; говоритъ вздоръ о своей болѣзни и ни о чемъ другомъ не хочетъ слышать. Не имѣю надежды.

Дѣти наши все еще не совсѣмъ здоровы. Радуемся, что вашему Николенькѣ лучше. Гдѣ искать васъ мыслями—въ Остафьевѣ, или въ городѣ?

Готовлюсь читать корректуры и ссориться съ типографіею за медленное печатаніе. Между тѣмъ читаю дѣла о Биронѣ и Волынскомъ, читаю и Ламартина: онъ не возвышается, а падаетъ дарованіемъ.

Обнимаемъ васъ нѣжно, всѣхъ до послѣдняго. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

124.

С.-Петербургъ. 21 генваря 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Мы рады, что вы спокойно расположились въ своемъ городскомъ домѣ или домикѣ и мысленно были у васъ на новосельѣ. И намъ не худо на Моховой; только смиряемся духомъ, смотря вокругъ себя на хижины, которыя легко могутъ и вспыхнуть. Вы даете надежду видѣть васъ въ Петербургѣ: не смѣю звать, но обрадуюсь. Какъ-то идетъ ваша экономія? И наша худо. Одна деревня сгорѣла, а орловская не платитъ оброка и даже не отвѣчаетъ на мои письма. Мало надежды, чтобъ и два тома Исторіи поправили наши финансы: книги не продаются, кромѣ Полярной Звѣзды [126]). Съ удовольствіемъ слышу, что Крыловъ написалъ 20 новыхъ басенъ и бросилъ перо только отъ усталости.

Болѣзнь Государя, любезнаго нашему сердцу, очень насъ тревожила. Теперь у него только болитъ нога, гдѣ была рожа; но мы совершенно успокоимся единственно тогда, когда увидимъ его на ногахъ.

Просимъ васъ отдать за насъ *сто* рублей князю Александру Петровичу Оболенскому: не забудьте.

Будьте здоровы, любезнѣйшіе друзья! Обнимаю васъ, милую крестницу и всѣхъ. И такъ, крестницу могу увидѣть? На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

125.

С.-Петербургъ. 8 февраля 1824.

Любезнѣйшій князь! Я просилъ Императрицу объ отсрочкѣ платежа. Послалъ справку въ Тверь о состояніи вашего имѣнія. Напишите скорѣе къ губернатору Всеволожскому [127]), чтобы онъ далъ удовлетворительный отвѣтъ. На сей почтѣ писалъ я и къ Сергѣю Сергѣевичу, чтобы онъ способствовалъ вамъ, буде можно, въ продажѣ имѣнія для строенія церкви [128]); но отнеситесь непремѣнно къ Витбергу [129]), отъ котораго зависитъ покупка.

Мы, слава Богу, почти совсѣмъ здоровы, и всѣ обнимаемъ нѣжно всѣхъ васъ. Спѣшу. Цѣлую ручку у милой княгини. Вашъ Н. Карамзинъ.

126.

С.-Петербургъ. 18 февраля 1824.

Любезнѣйшій князь! Я сдѣлалъ, что могъ: въ первый разъ просилъ Императрицу; она также дѣлаетъ, что можетъ. Но не имѣю *никакого* способа содѣйствовать продажѣ имѣнія: единственный способъ есть просить Витберга (или какъ онъ называется); отъ него зависитъ купить или не купить. Жаль, что вы не подумали объ этомъ прежде; странно, что и мнѣ не пришло въ голову сказать вамъ о томъ. Я писалъ къ Сергѣю Сергѣевичу; но онъ едва ли можетъ что сдѣлать. Вѣрно то, что мы очень, очень безпокоимся о вашемъ состояніи, любезнѣйшій другъ! Дай Богъ успѣха вашимъ планамъ, къ которымъ не имѣю вѣры паниста. Къ несчастію, развязка приходитъ въ трудное время, то-есть, безденежное, не способное для оборотовъ. Вы поэтъ, а я меланхоликъ, но обрадовался бы сердечно, если бы вы удачною развязкою осмѣяли мою черноту. Въ любви нѣтъ самолюбія. Между тѣмъ обнимаю васъ нѣжно.

Мы, слава Богу, здоровы, хотя и сижу дома, болѣе еще отъ лѣтъ, нежели отъ простуды. Спокойнѣе ли вы въ разсужденіи здоровья дѣтей? Всѣ мои вмѣстѣ со мною обнимаютъ васъ и всѣхъ вашихъ. Цѣлую ручку у милой княгини. Желаемъ вамъ, чего себѣ желаемъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

127.

С.-Петербургъ. 25 февраля 1824.

Я говорилъ о покупкѣ вашего тверскаго имѣнія и прибавилъ, что вы отдадите дешевле другихъ (разумѣется, нѣсколько дешевле): въ слѣдствіе того дано приказаніе князю А. Н. Голицыну, министру. Напишите немедленно письмо къ князю и предложите ему

эту покупку для строенія церкви, какъ бы ничего не зная и не упоминая обо мнѣ; скажите, гдѣ это имѣніе, сколько душъ и проч. Тургеневъ также будетъ писать къ вамъ завтра. Надобно опасаться оппозиціи Витберга. А вы между тѣмъ не говорите, что у васъ велѣно купить: во-первыхъ для того, что приказано *единственно* справиться, есть ли деньги, удобна ли эта покупка, и проч. Можетъ состояться и не состояться.

Мы, слава Богу, почти здоровы. Обнимаемъ васъ нѣжно. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

128.

С.-Петербургъ. 15 марта 1824.

Любезнѣйшій князь! Я послалъ къ вамъ новые томы моей Исторіи; читайте безъ большой скуки, если хотите и можете!

Бумаги о покупкѣ вашего имѣнія отправлены въ коммиссію. Можно предвидѣть оппозицію со стороны Витберга. Дай Богъ, чтобы благонамѣренныя старанія не остались безполезными!

Вы замышляете ѣхать въ Одессу для здоровья дѣтей; но какъ думать о чемъ-нибудь прежде устроенія вашихъ обстоятельствъ мрачныхъ? Богъ можетъ сохранить дѣтей и въ Москвѣ, а вашъ первый долгъ спасти ихъ отъ разоренія. Дорога стоитъ денегъ, и жить въ Одессѣ не дешево. Любезнѣйшій другъ! Ваше состояніе уже не прежнее. Мы будемъ рады, если у васъ останется и половина бывшаго дохода безъ долговъ. Слава Богу, если спасетесь отъ кораблекрушенія съ тридцатью или даже съ двадцатью тысячами дохода, съ честію и независимостію! Такъ я сужу, любя васъ какъ истиннаго брата, милаго, умнаго, но не совсѣмъ основательнаго. Думаю, что вамъ надобно продать не только тверское имѣніе, но и Остафьево, и выдернуть полипъ съ корнемъ, то-есть, заплатить всѣ долги до копѣйки: иначе они все пожрутъ. Для души благородной не тяжело отказывать себѣ въ прихотяхъ, когда дѣло идетъ о спасеніи семейства отъ зла ужаснѣйшаго смерти. Надѣюсь, что любезный Сергѣй Сергѣевичь сдѣлаетъ все возможное.

У насъ Катенька лежитъ въ постелѣ пять или шесть дней: у нее и крапивная лихорадка, и опухоль въ ногахъ, и желчь. Во-

обще я очень грустенъ—и тѣмъ живѣе чувствую горесть Растопчиныхъ: какой ударъ! Вѣра можетъ подкрѣпить мать: отецъ едва ли утѣшится [130]). Нынѣшній высокосный годъ пришелъ къ намъ въ траурѣ.

Нѣжно цѣлую руку у милой княгини и нѣжно обнимаю васъ, любезнѣйшій князь, со всѣмъ милымъ семействомъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

129.

С.-Петербургъ. 27 марта 1824.

Любезнѣйшій князь! Спѣшу сказать вамъ только два слова: въ канцеляріи у Императрицы ждутъ отвѣта отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, ждутъ отвѣта отъ Тверскаго губернатора, которому долго ли отвѣчать? Писали ли вы къ нему? Безъ того здѣсь нечего дѣлать.

Мы, слава Богу, почти здоровы, и нѣжно васъ всѣхъ обнимаемъ. Цѣлую ручку у милой княгини и моей крестницы. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

130.

С.-Петербургъ. 28 апрѣля 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Не можемъ противиться силѣ вашихъ доказательствъ и не споримъ о поѣздкѣ въ Одессу. Дай Богъ только, чтобы это принесло пользу милымъ дѣтямъ.

У насъ все нѣтъ здоровья; боленъ Николай уже 10 дней, корью, по мнѣнію одного доктора, или какою-то особенною сыпью, по мнѣнію другаго. Всѣ знаки исчезли; но больной плачетъ отъ боли въ ногахъ и рукахъ, худо спитъ и ничего не ѣстъ. Мы очень безпокоимся.

О вашей отсрочкѣ платежа Императрица, для формы, велѣла спросить у Московскаго опекунскаго совѣта; отсрочено будетъ по тверскому имѣнію, но едва ли и по костромскому.

Остается желать, чтобы коммиссія какъ можно скорѣе купила

ваши тверскія деревни, и чтобы вы какъ можно лучше употребили деньги, то-есть, единственно для заплаты долговъ.

Здѣсь гроза надъ ценсоромъ Бируковымъ за какую-то богословскую книгу. Преслѣдователи Гладкой и архимандритъ Фотій, какъ слышно. Авторъ есть здѣшній проповѣдникъ католицкій, Гослеръ [131]), если не ошибаюсь.

Нѣжно васъ всѣхъ обнимаю, родителей и дѣтей. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

131.

С.-Петербургъ. 5 мая 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Кажется, что у нашего Николая была не корь, а сыпь особенная; послѣ того сильнѣйшая боль въ ногахъ и рукахъ. Теперь ему, слава Богу, лучше, такъ, что мы черезъ нѣсколько дней могли бы думать о Царскомъ Селѣ, если бы дурная погода обратилась въ хорошую: здѣсь дожди и холодъ.

Обрадуюсь, если совершится ваша продажа. Вы, конечно, употребите все до послѣднихъ рублей на заплату долговъ. Надобно будетъ вырвать полипъ съ корнемъ.

Читалъ я вашу полемику и жалѣлъ, что вы издерживаете остроуміе на такую перестрѣлку. Московская ценсура, видно, либеральнѣе здѣшней. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше кончить. Говорю какъ старикъ, съ любовію къ тишинѣ [132]).

Прошу васъ, любезнѣйшій князь, отдать за меня Ивану Иванову Тургеневу 500 р. на содержаніе нашихъ людей и на жалованье кормилицамъ. Прилагаю къ нему письмо.

У меня все записано, чѣмъ мы другъ другу должны съ 1821 года на случай разсчета.

Доселѣ продано экземпляровъ 10-го и 11-го тома моей Исторіи около 1800, то-есть, менѣе нежели я думалъ. Нынѣшній годъ не хорошъ для нашей кассы.

Обнимаю васъ нѣжно и цѣлую милыхъ дѣтей. Будьте здоровы. Вашъ Н. Карамзинъ.

132.

Царское Село. 13 іюня 1824.

Любезнѣйшій князь! Раздѣляемъ мысленно ваше одиночество. Дай Богъ пользы для дѣтей! Вы не говорите, какія вѣсти имѣете съ дороги отъ княгини. Ждемъ вѣсти отъ васъ, что̀ дѣлается съ продажею тверскаго имѣнія: предвидите ли скорый конецъ?

Что̀ вамъ сказать о положеніи нашего Тургенева? Онъ спокоенъ, безпеченъ, какъ полусвятой; а я былъ огорченъ до глубины сердца и люблю его болѣе, нежели когда-нибудь. Слышно, что ему оставляютъ все жалованье, то-есть, 12000 р., и даютъ новую квартиру: вотъ матеріальность; но кажется, что его недоброжелатели умѣли повредить ему въ мнѣніи [133]): видите, какъ я пишу осторожно, хотя и не думаю, чтобы наши письма читались любопытными. Вы заставили меня смѣяться вашимъ сомнѣніемъ о печати: я нашелъ ее въ саду и печатаю ею, когда дочери унесутъ мою печать. Знаете ли, что и ваша у меня хранится?

Мы здѣсь сохнемъ: ни капли дождя; слѣдственно, я не веселъ, предвидя, что у насъ будетъ недостатокъ въ сѣнѣ. Это старое, какъ вамъ извѣстно. Впрочемъ дни прекрасные: свѣтло и тепло. Что̀ у васъ дѣлается? Для меня погода интересна не менѣе литературы и политики.

Жуковскій занимается не только грамматикою, но и азбукою, которая есть начало премудрости. Знаете ли, что я часто воображаю его въ французскомъ кафтанѣ, въ парикѣ, съ кошелькомъ, съ лентою черезъ плечо? Это будетъ въ 1862 году, не ранѣе, какъ надѣюсь. Но прошу не сказывать другимъ, безъ всякаго исключенія.

Между тѣмъ обнимаю васъ нѣжно. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Блудовъ все еще ни съ мѣста. Дашковъ живъ. Что скажете о ново-открытомъ обществѣ французскихъ свиней? [134])

Приписка Е. А. Карамзиной.

Vous voulez nous persuader, mon pauvre solitaire, que vous êtes plongé dans la mélancolie depuis le départ de votre femme et

de vos deux enfants; heureusement Hyppolite m'a rassuré à ce sujet, en me disant que vous dansiez, comme un perdu ou comme un bienheureux. Plaisanterie à part, je vous plains, mon cher ami, de vous trouver partagé en deux, des sollicitudes d'un côté, des inquiétudes de l'autre. Dieu veuille qu'au moins tous ceux qui sont avec vous, et vous à la tête, vous continuâssiez à vous bien porter et que les absents recouvrent dans les fameuses boues une nouvelle existence et la vigueur qui leur manquait. Quand vous écrivez à votre femme, parlez lui de nous et engagez la, dans des moments de désoeuvrement, à nous donner des détails sur son existence et même sur le pays qu'elle habite. Pour moi je me garderai bien de vous parler sur notre manière de vivre, vous en savez autant que nous mêmes; c'est invariablement la même chose depuis huit ans que nous sommes ici. Huit ans! Sentez vous que c'est un énorme laps de temps, quand il s'est écoulé loin d'une partie de nos affections; je ne veux pas continuer, mes yeux remplissent de larmes et mon coeur se serre, la mort n'est autre chose qu'une longue séparation. Adieu, je vous embrasse avec tendresse, hélas, comme je vous embrasserai dans l'autre monde, c'est à dire idéalement, et vous donnerai des baisers réels à vos enfants, mais en mon nom.

133.

Царское Село. 17 августа. 1824.

Любезнѣйшій князь! Деньги мною отъ Тургенева получены и заемное письмо возвращаю.

Здоровье милыхъ дѣтей, конечно, выше всего; но мнѣ грустно думать, что вы ѣдете въ край столь несчастный, гдѣ все сожжено солнцемъ и пожрано саранчею, которая до нынѣ движется тамъ въ страшныхъ кучахъ: это должно дѣйствовать и на самый воздухъ. Вы такъ хорошо судите о вашихъ обстоятельствахъ и должностяхъ, что мнѣ нечего прибавить. Не думайте только о службѣ *для большого жалованья*: вамъ могутъ предложить 2000 или много 3000 р. въ годъ; какая же подмога? Устройтесь такъ, чтобы проживать еще менѣе дохода; тогда будемъ за васъ спокойны. Со-

гласно съ вами думаемъ, что хорошо поручить ваше имѣніе которому-нибудь изъ нашихъ добрыхъ Оболенскихъ.

Поэту Пушкину велѣно жить въ деревнѣ отца его—разумѣется, до времени его исцѣленія отъ горячки и бреда. Онъ не сдержалъ слова, мнѣ имъ даннаго въ тотъ часъ, когда мысль о крѣпости ужасала его воображеніе: не переставалъ врать словесно и на бумагѣ, не могъ ужиться даже съ графомъ Воронцовымъ, который совсѣмъ не деспотъ! [135])

Сонюшка все еще носитъ повязку. Впрочемъ мы, слава Богу, почти совсѣмъ здоровы.

Скоро отправится къ вамъ Тургеневъ на 28 дней. Мнѣ кажется, что я люблю его еще болѣе прежняго. Нѣжно васъ и милыхъ дѣтей обнимаю. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

И Сѣверинъ къ вамъ ѣдетъ.

134.

Царское Село. 20 августа 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Пишу къ вамъ обоимъ, въ надеждѣ, что вы уже вмѣстѣ, въ Москвѣ или въ Остафьевѣ. Дай Богъ, чтобы одесская поѣздка не была безполезною для здоровья дѣтей: желаемъ скорѣе имѣть о томъ извѣстіе. Дѣти всего дороже; но Москва нравится мнѣ для вашего житья-бытья лучше Одессы, не смотря на то, что не плещется моремъ и не пылаетъ отъ солнца: въ ней какъ-то стоишь и ходишь тверже, все надежнѣе и вѣрнѣе. Одесса съ норовомъ, кромѣ саранчи, которою небо хлещетъ тамъ землю. Впрочемъ я вижу все своими глазами, а не вашими, милый князь. Вы пылаете холоднымъ огнемъ къ Европѣ, а я на старости люблю азіатскіе халаты: и Жанъ-Жакъ въ 57 лѣтъ нарядился армяниномъ! Для меня на вашемъ мѣстѣ было бы раздолье въ Москвѣ, безъ долговъ, въ уютномъ домикѣ, съ женою и съ дѣтьми, съ немногими пріятелями, съ стихами и прозою, съ италіанскою оперою, съ Англійскимъ клубомъ и съ Остафьевымъ для перемѣны.

Знаете ли, что пишетъ графъ Брей изъ Парижа къ академику Кругу? То, что онъ въ Петербургѣ заговѣлся пріятностями общества для людей уже не молодыхъ; что у него обѣдаютъ въ

Парижѣ министры, ученые, авторы, а ему грустно по насъ, петербургскихъ! Правда, вамъ не было бы грустно въ Парижѣ: вамъ не 60 лѣтъ; но премудръ, кто цѣнитъ высоко и даже украшаетъ воображеніемъ всс, что имѣетъ! Философствуйте теперь съ нашимъ любезнымъ Тургеневымъ, уже не стѣсняемымъ душною атмосферою министерскою; но прошу напомнить ему о возвращеніи къ намъ: мы безъ него сиротствуемъ вмѣстѣ съ совѣтомъ и съ коммиссіею etc. Ждемъ обѣщаннаго Лавинья, то-есть, его Наполеоновской панихиды съ ладаномъ [136]). Читали ли вы Пуквиля о возрожденіи Грековъ? Интересно и глупо. А Допа-Алонзо? [137]) Тутъ и Вальтеръ Скоттъ, и Шатобріанъ, и покойница Сталь, а не достаетъ многаго! Слава нашему Крылову: его басни, по милости Орлова [138]), переводятъ всѣ лучшіе стихотворцы Италіи и Франціи, какъ сказываетъ Инвалидъ.

Нѣжно обнимаю васъ и дѣтей. Вашъ Н. Карамзинъ.

135.

Царское Село. 14 октября 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Мы безпокоимся о вашихъ милыхъ дѣтяхъ, особенно о Николенькѣ. Ждемъ Тургенева, чтобы узнать, лучше ли имъ; но онъ не ѣдетъ. Мы безпокоились и объ васъ, любезнѣйшій князь. Надѣемся, что теперь вы уже совершенно здоровы.

Глубокая осень принесла намъ съ собою простуды; однакожъ не жалуемся. Отъ сильнаго насморка я не ѣздилъ въ Гатчину, гдѣ были и картины, и романсы въ лицахъ. Живемъ въ уединеніи, которое имѣетъ свои прелести. По утру занимаетъ меня Исторія, а въ вечеру романы. Сидимъ семейнымъ кружкомъ, читаемъ вслухъ и плачемъ. Барышни наши увѣряютъ, что такихъ пріятныхъ вечеровъ не можетъ быть въ городѣ. На сей разъ и домики наши довольно теплы. Думаемъ остаться здѣсь до ноября.

Мы, какъ добрые французы, поемъ многая лѣта Карлу X, au roi à cheval, по выраженію Шатобріана. Начало самое благополучное. Никто не восходилъ на престолъ въ шестьдесятъ-четыре года съ такою пріятностію. Это царствованіе можетъ быть весьма

важно и для Европы [139]). Съ Грековъ также не спускаемъ глазъ. Авось Богъ не предастъ ихъ въ жертву *Австрійскому Наблюдателю* и пашѣ Египетскому! Вотъ горизонтъ моей политики: далѣе и ближе ничего не вижу.

Вы обѣщали, но не прислали намъ стиховъ Лавинья на смерть Байрона. Недавно читалъ я въ какой-то статьѣ о славномъ покойникѣ, что онъ любилъ пить: это кольнуло меня почти въ сердце. Хотя стихотворцы издавна хвалятся пьянствомъ, но я всегда любилъ не вѣрить въ томъ любимымъ моимъ стихотворцамъ, какъ вѣтренымъ клеветникамъ на самихъ себя.

Обнимаю васъ нѣжно. Дай Богъ, чтобы вы были всѣ какъ можно здоровѣе. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Dans l'instant, mes bons amis, nous venons d'avoir de vos nouvelles par quelqu'un qui vient de nous quitter depuis quelques jours: c'est notre cher mr. Tourgueneff, qui vient de débarque-depuis une heure et qui est allé voir les Woyeykoff. Je profite donc de son absence pour vous dire quelques mots, et les premiers ses ront consacrés à exprimer ma douleur sur l'état de vos pauvres enfants et surtout du cher Nicolas; que le Ciel entende mes prièrer et mes voeux et qu'il vous les conserve! Je suis mécontente du résultat que nous a apporté notre *espion privilégié*, en nous disant que mari et femme n'ont réuni que le bout des lévres pour parler d'affaires, et qu'il n'en savait quelque chose qu'en demandant au tiers et au quart. Faites comme vous l'entendez, mes bons amis, mais pourvu que ce soit pour votre mieux et surtout pour le mieux de vos enfants, car un jour vous leur en devrez rendre compte. Mr. Tourgueneff nous a donné de bonnes nouvelles sur le reste de la famille. Dieu veuille que ce soit toujours ainsi. Pour le moment nous sommes très mécontents du temps; notre petit hiver est parti et ne nous a laissé pour souvenir que de la boue; mais j'espère que ce n'est pas pour longtemps et que nous recommencerons nos promenades interrompues. Adieu, chers amis, tous les miens vous embrassent, mais je le fais plus tendrement.

136.

С.-Петербургъ. 2 декабря 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Нѣсколько дней я нездоровъ такъ, какъ бывало со мною прежде; но гораздо болѣе безпокоился и еще безпокоюсь о нездоровьѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны, которую мы любимъ всею душою Она была въ жестокой простудѣ съ жаромъ и съ кашлемъ. Дней шесть ей лучше. Говорю вамъ о томъ, что̀ меня очень занимало и занимаетъ. У насъ и дома есть еще нездоровый: Владиміръ. Надѣемся однакожь, что это не будетъ имѣть важныхъ слѣдствій.

О здѣшнемъ наводненіи вы уже столько слышали, что не хочу говорить объ немъ. Погибло 500 человѣкъ и много милліоновъ рублей. Пока еще не думаемъ бѣжать отъ Невы, очень прекрасной и столь ужасной. Столицы наши прошли сквозь огонь и воду: чего еще ожидать? Авось будетъ долгой и широкой промежутокъ: потому что временныя бѣдствія государствъ и городовъ такъ же необходимы, какъ болѣзни человѣческія.

Мы провожали васъ, любезнѣйшій князь, мыслями до монастыря, гдѣ друзья наши, Тургеневы, погребли свою мать, и гдѣ лежатъ ваши дѣдъ и бабка. Эта обитель есть историческая: тамъ волкъ въ кожѣ агнца далъ совѣтъ Грозному не имѣть совѣтниковъ слишкомъ мудрыхъ [140]).

Вчера маленькій Пушкинъ читалъ намъ наизусть *цыганскую* поэмку брата и нѣчто изъ Онѣгина: живо, остроумно, но не совсѣмъ зрѣло [141]). Отъ Пушкина къ Байрону: его Донъ-Жуанъ выпалъ у меня изъ рукъ. Что за мерзость! И даже сколько глупостей! Теперь читаю Фуше; но точно ли Фуше? [142]) Едва ли. Однакожь любопытно. Всѣхъ васъ обнимаю нѣжно. На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. Н Карамзиной.

Quoique vous soyez le plus inexact des correspondents et que j'aie fait le voeux téméraire de ne jamais prendre la plume à votre intention, cher et paresseux oncle, je mets de côté mes prétentions

pour vous remercier du fond de mon coeur de vos félicitations, de vos promesses, assurément trompeuses, et surtout de l'aimable interêt que vous prenez à ma destinée *mondaine*.

Je m'en vais répondre à la question que le bon et distrait mr. Tourgueneff n'a pu résoudre, quoique plus d'une fois elle ait été agitée en sa présence. Si nous sommes tous en vie et en santé, je me lançerai dans le *monde souverain* cet été, mais pas avant, et quant à cet hiver, à l'exception de quelques sorties *intimes* ou *bien connues*, je continuerai à être *Cendrillon* (comme dit mr. Tourgueneff) et tout en attisant les cendres, je n'en conserverai que mieux le feu et la vivacité des sentiments, que je vous porte. Faites en part à ma chère tante, que je remercie bien des voeux qu'elle fait pour Pauline à propos de moi; tout en me sentant indigne d'une opinion aussi flatteuse, je n'en suis pas moins sensible au sentiment qui l'inspire. Je vous embrasse tous deux de toute la tendresse de mon coeur. C. K.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous remercie, mes bien bons amis, pour vos félicitations et vos voeux, nous n'avons guère passé nos jours de fêtes en plaisir et joie, car nous sommes tristes et inquiets pour la santé de l'Impératrice Elisabeth, malgré qu'elle aille un peu mieux. Je ne sais trop comment placer ici quelques baisers pour vous, tous mes bons amis, bien tendres. Je tâcherai de profiter de l'avis du cher prince Pierre et de réparer mes torts vis-à-vis de mr. Dmitri.

137.

С.-Петербургъ. 30 декабря 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Здравствуйте въ концѣ года и въ теченіе наступающаго со всѣми дѣтьми милыми!

Усердно желаемъ вамъ добра, здоровья, спокойствія и бережливости!

Третьяго дни мы довольно поговорили объ васъ съ княгинею А. Ю. Оболенскою [143]).

Рѣшились ли вы или еще не рѣшились въ разсужденіи службы, милый князь?

Непремѣнно найду m-me Gaud... и вручу ей 100 р., если она въ нуждѣ.

Байроновыхъ разговоровъ здѣсь нѣтъ въ лавкахъ; мнѣ давалъ ихъ читать на англійскомъ языкѣ Полетика.

Ждемъ А. И. Тургенева, живую отъ васъ грамоту. Думаемъ, что онъ уже въ дорогѣ, или будетъ, когда получите это письмо.

Мы, слава Богу, здоровы. Царицѣ нашей лучше.

Здѣсь уже кое-гдѣ танцуютъ, но Нева еще не совсѣмъ покойна. Въ нынѣшнюю ночь опять свѣтились фонари на Адмиралтействѣ, какъ волчьи глаза во мракѣ.

Нѣжно васъ обнимаемъ, любезнѣйшіе друзья. На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je ne veux pas que cette lettre parte sans vous apporter mes voeux pour la nouvelle année, mes bons et chers amis; que tout ce qu'il y a eu de pénible et de triste reste le partage de l'année 24, et que tout ce qu'il y a de bonheur sur la terre soit votre partage pour l'année 25, je le désire du fond de mon coeur, et pour être modérée dans mes voeux, je vous dirai que réellement mes voeux se bornent pour votre bien-être aux articles suivants: que votre santé soit bonne et celle des enfants meilleur, que vos affaires économiques aillent mieux, que votre courage grandisse et que vous puissiez prendre la résolution énergique de ne plus figurer parmi les dispensateurs des grâces, s'entend d'argent, voilà ou mes voeux se bornent pour l'année 25 pour votre bien-être réel, et celui-là je le demande à Dieu tous les jours; dans ce moment même je ne griffone plus que de coutume que pour aller à l'église redire la même prière et aussi pour demander au Ciel sa bénédiction pour mon Sachka qui aujourd'hui a 9 ans. Adieu, mes bons et chers amis, que les bénedictions de Dieu soient avec vous et vos chers enfants que j'embrasse de toute mon âme.

3 décembre.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Je vous embrasse tous les deux, mon cher oncle et ma chère tante, en vous souhaitant une année bonne et heureuse, et surtout le rétablissement des petits malades auxquels, ainsi qu'aux bien portants, vous voudrez bien distribuer de tendres baisers. C. K.

Приписка С. Н. Карамзиной.

C'est du fond de mon coeur que je forme les mêmes voeux et que je vous embrasse avec toute l'effusion de la plus vive tendresse. Hélas, hélas, cesserons nous jamais de commencer et de finir les années si loin les uns des autres? Sophie K.

138.

С.-Петербургъ. 16 генваря 1825.

Любезнѣйшіе друзья! Отъ глубины сердца раздѣляемъ вашу горесть. По всему слышанному нами мы ждали этаго несчастія: тѣмъ не менѣе оно тронуло наше сердце, исполненное любви не только къ вамъ, но и къ милымъ вашимъ дѣтямъ. Мы сравнялись съ вами потерями, также оплакавъ трехъ: жестокій платежъ за наслажденія родительскія! Не совсѣмъ утѣшаетъ и время: что-то отрывается отъ сердца и ничѣмъ не замѣняется. Обнимаемъ васъ нѣжно со слезами. Еще есть о чемъ просить Бога: да сохранитъ онъ милыхъ остальныхъ, и да будетъ эта жертва послѣдняя [144]). Намъ еще грустнѣе отъ того, что мы не съ вами въ дни вашей скорби. Надѣемся, что любезный другъ Александръ Ивановичъ, пока онъ въ Москвѣ, будетъ писать къ намъ о вашемъ здоровьѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Que vous dire, mes chers et malheureux amis, sur cette désolante circonstance? Hélas, je ne vous parlerai que du surcroît de ma douleur d'être séparée de vous; dans une occasion si triste j'aurais pleuré avec vous, sans chercher à vous consoler, car dans

ces douleurs il n'y a que la puissance de Dieu qui console encore avec le temps.

Malheureusement cela n'a pas été une surprise pour nous: depuis quelque temps nous ouvrions vos lettres datées de Moscou en tremblant, nous attendant à y trouver la nouvelle affligeante de votre perte; que le Ciel entende notre prière et que ce soit la dernière perte; puisse-t-il vous accorder la grâce de conserver vos autres chers enfants, puisse-t-il vous rendre au plutôt un peu de plutôt et verser un peu de baume sur la place de votre coeur paternel! Dites mille amitiés au cher et bon mr. Tourgueneff; je bénis les circonstances qui l'ont retenu à Moscou et qu'il se soit trouvé auprès de vous, mes bons amis; je n'ose plus désirer qu'il revienne parmi nous.

139.

С.-Петербургъ. 18 февраля 1825.

Любезнѣйшіе друзья! Мы какъ будто видѣлись съ вами, поговоривъ съ Тургеневымъ!

Теперь скажу только слова два-три о службѣ. Хотите ли непремѣнно вступить въ нее? Сидѣть въ Москвѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ надеждѣ сдѣлаться оберъ-прокуроромъ? Или здѣсь служить въ какомъ-нибудь министерствѣ? Или внѣ Россіи при миссіи, гдѣ жить не очень дорого: въ Дрезденѣ, Стутгартѣ, Франкфуртѣ, Флоренціи, Римѣ, съ изрядным, но небольшимъ жалованьемъ? Не отвѣчая за вѣрный успѣхъ, могу просить. Только рѣшитесь. Мнѣніе *мое* знаете: ваше собственное въ этомъ случаѣ важнѣе. Буду ждать отвѣта яснаго, твердаго. Государь въ самомъ началѣ весны долженъ ѣхать въ Варшаву: вѣроятно, что до лѣта (если буду живъ, и въ Царскомъ Селѣ) не найду удобнаго случая поговорить о вашей службѣ; но желаю гораздо ранѣе знать, на что вы, милый князь, рѣшитесь.

Мы, слава Богу, здоровы. Пьемъ чай съ пріятелями; пишу Шуйскаго, читаю Сегюра о 1812 годѣ, барона Фена [145]), второй томъ поддѣльнаго Фуше etc. Дошли ли до васъ отъ меня разговоры Байрона? Ждемъ къ себѣ обѣдать Марью Дмитріевну Боба-

рыкину [146]). Скажите намъ слово о Николаѣ Евг. Кашкинѣ [147]). Всѣ и всѣхъ васъ обнимаемъ нѣжно. Богъ съ вами и съ нами. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

140.

С.-Петербургъ. 6 марта 1825.

Любезнѣйшій князь! Сердечно благодаримъ Бога, что вы исцѣляетесь отъ жестокой болѣзни. Всего болѣе вамъ нуженъ теперь покой; берегите себя для милаго семейства и для пасъ, друзей вѣрныхъ, душевно къ вамъ привязанныхъ. Не думайте ни о чемъ, кромѣ пріятнаго. Жизнь для васъ обновится, и все будетъ свѣжѣе. Провидѣніе хотѣло васъ сохранить не даромъ. Вы должны быть еще счастливы въ здѣшнемъ свѣтѣ, и будете, какъ надѣюсь. Еще разъ: берегите и лелѣйте себя, играйте цвѣтами! Нѣжно, нѣжно васъ обнимаемъ. Цѣлую руку у милой княгини. Дай Богъ, чтобы ея здоровье не потерпѣло отъ такихъ тревогъ. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Au nom du Ciel, qui a été assez miséricordieux pour vous conserver à ceux qui vous chérissent, au nom de ce Dieu de bonté, conservez vous le plus tranquillement possible, mon bien cher et bien aimé frère; vous savez que je vous parle d'expérience, mon mari ayant été malade de la même maladie à Moscou, et ce n'est qu'un parfait repos qui l'a rendu à un parfait rétablissement et à une franche convalescence, laissez vous tout-à-fait aller aux soins de votre excellente femme, vous vous en trouverez bien. Vous l'embrasserez de notre part bien tendrement et vous l'engagerez à se soigner tout en vous soignant. Faites nous donner régulièrement de vos nouvelles à tous, ne serait-ce que par Hélène.

141.

С.-Петербургъ. 13 марта 1825.

Любезнѣйшіе друзья! Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ доброй вѣсти о совершенномъ выздоровленіи. Насъ успокоиваютъ

письма другихъ; но желаемъ удостовѣриться въ томъ вашею строкою. Какъ въ Москвѣ, такъ и здѣсь дружба и пріязнь изъявляли живѣйшее участіе: это утѣшительно для сердца. Надѣемся, что весна будетъ для васъ, милый князь, и цѣлебна, и пріятна: не посовѣтуютъ ли вамъ медики для разсѣянія куда-нибудь съѣздить? Душевно обрадуемся и всѣмъ семействомъ, и всѣмъ дружескимъ кругомъ, если загляните въ Петербургъ или въ Царское Село, но не въ распутье, а когда здоровье ваше разцвѣтетъ вмѣстѣ съ весною. Теперь всего чаще говоримъ объ этомъ. Мы думали и раздумали ѣхать въ Ревель: дѣло шло о моемъ здоровьѣ, которымъ я доволенъ. Хотѣлось бы въ нынѣшній годъ кончить всю историческую работу, а тамъ, куда угодно: въ Ревель, въ Москву etc. Берегите себя, милый князь, для всѣхъ насъ. Оставьте всѣ заботы до будущаго, а теперь наслаждайтесь только любовію семейства и друзей. Сколько удовольствій истинныхъ, сколько пользы можетъ ожидать васъ впереди! Обнимаю васъ нѣжно, всѣхъ до единаго. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Enfin nous pouvons exprimer toute la joie, toute la tendresse de nos coeurs; grâce au Ciel nous sommes tranquilles sur une vie si chère, et notre seul chagrin est maintenant de ne pas nous trouver près de vous pour distraire votre convalescence. Quel doux espoir on nous donne ici! L'idée de vous revoir est une récompense des inquiétudes si cruelles que vous nous avez causées, et combien vous serez charmant de nous récompenser ainsi. Nous vous procurerons à notre tour du plaisir; je vous annonce un spectacle de famille, des farces, un prologue de m. Joukoffsky, le tout surprise complète для милаго гостя. Tout cela vous amusera comme par le passé, car vous êtes toujours le même; dans la première lettre de ma tante, qui nous a tant consterné, vous nous avez fait rire au milieu des larmes, avec les truites que vous n'avez pas mangées; nous l'avons deviné, voyez vous; quand je dis *nous*, c'est votre favorite, à qui la gloire en appartient; je lui cède la plume et vous quitte, mon charmant oncle, en vous embrassant

ainsi que ma tante, avec toute l'effusion d'un coeur qui sent plus que jamais combien il vous aime tous les deux. Sophie Karamzine.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Nous venons de recevoir la lettre de ma tante, et avec quelle vive satisfaction nous y avons lu les trois lignes ajoutées par vous, cher et charmant oncle: je me suis bien apperçue cependant que vous n'étiez pas encore tout à fait vous même, puisque vous avez changé, pour la première fois depuis que nous sommes séparés, la formule invariable qui commence ou finit vos lettres ordinairement: en embrassant *vos amis*, vous avez oublié *les enfants*, ce dont j'ai été tout à fait affligée, puisque je suis comprise dans le nombre, moi, qui à la vue de votre écriture n'ai pu m'empêcher d'appliquer dessus un gros baiser. Vous êtes un ingrat, mais vous avez le moyen de me prouver le contraire, de nous dédommager de toutes nos inquiètudes, de tous nos regrets d'avoir été si loin de vous pendant votre maladie, en venant nous réjouir de la vue de votre bonne santé, de votre bonne humeur, que, comme vous le dit ma soeur, nous tâcherons d'entretenir. Si vous rejetez ce moyen, si vous nous refusez le plaisir de vous attendre, le plaisir plus vif encore de vous posséder, le souvenir si doux de votre visite, nous sommes brouillés pour la vie, et votre *soi-disante favorite* ne se pavanera plus de ce titre *usurpé,* puisque jamais il ne me fut conferé par vous.

Ma bonne tante voudra bien recevoir deux tendres baisers, envoyés par un coeur qui vous a voué à tous deux la plus vive, la plus inaltérable affection. Catherine Karamzine.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Nous venons de recevoir votre petit billet, mes chers amis; avec quel bonheur j'ai revu cette chère écriture ou plutôt ces figures hyérogliphiques. Il faut absolument, une fois le bon chemin établi, que vous veniez faire une douce surprise à vos bons amis de Pétersbourg; cela fera du bien à tous et de toute manière, et j'espère que le cher prince Pierre ne se refusera pas à cette invitation inspirée par la plus tendre amitie. Je me dépêche comme

une malheureuse; mon mari gronde, il craint que l'heure ne passe pour la poste; cependant je veux absolument vous donner une nouvelle, celle que m-r Séverine se marie (je ne le tiens pas de lui, mais c'est sûr) avec une comtesse Moltke, une demoiselle d'honneur, venue avec la Grande Duchesse Hélène. Adieu, je vous embrasse tendrement, ainsi que les chers enfants, desquels on ne nous dit rien.

142.

С.-Петербургъ. 28 марта 1825.

Любезнѣйшіе друзья! Радуемся строками выздоравливающаго, а еще болѣе стихами къ издателямъ Звѣзды. Дай Богъ здоровья совершеннаго, и какъ можно скорѣе! Весна на дворѣ: желаемъ вмѣстѣ съ нею встрѣтить васъ въ Царскомъ Селѣ, милый князь. Катерина Андреевна согласилась наконецъ не думать о Ревелѣ; я же сталъ и поздоровѣе на этой недѣлѣ. Всѣ наши молятся въ церкви, а я молюсь дома и въ сердцѣ, какъ обыкновенно. Встрѣчаемъ праздникъ въ домовой церкви Шереметева. Между тѣмъ нѣжно, нѣжно васъ обнимаю съ милыми дѣтьми. Говорю заранѣе: Христосъ воскресе! Завтрашній день пугаетъ мое воображеніе блестящимъ выѣздомъ: я сталъ такъ лѣнивъ и неподвиженъ! Читаю Memoires de Ségur, Memoires de Genlis — и еще разъ обнимаю васъ, милыхъ! На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

143.

С.-Петербургъ. 27 апрѣля 1825.

Любезнѣйшіе друзья! Давно не имѣемъ отъ васъ писемъ, зная, къ нашему успокоенію, что вы здоровы. Будемъ ждать васъ, милый князь, въ Царскомъ Селѣ, если Богъ дастъ. Но не задержитъ ли васъ Тургеневъ, который ѣдетъ въ Москву 4 или 5 мая? Правда, не надолго. Онъ смотритъ отъ насъ въ лѣсъ, то-есть, въ Европу; а мы остаемся мыкать азіатское свое горе въ уединеніи. Вы думаете и въ Ревель, куда мы раздумали? Боюсь необходимости ѣхать въ Нижній: это будетъ для меня хуже горячки. Впрочемъ да будетъ воля Божія! Между тѣмъ къ 10 мая желаемъ быть въ

Китайскихъ домикахъ и посылаемъ 3 главы 12-го тома Исторіи въ Варшаву къ ихъ Хозяину; пишу четвертую, иногда съ чувствомъ, и не худо, какъ мнѣ кажется: это лебединая пѣснь. Сомкну ротъ, но заткну и уши или до послѣдней минуты буду слушать только пѣніе графа Хвостова въ праведную себѣ казнь за то, что я не былъ у него съ визитомъ отъ лѣни во все теченіе зимы! У васъ ли Дашковъ? Хотя онъ и не простился съ нами, но мы любимъ его душевно, и безъ самолюбія. Надѣюсь, что А. М. Пушкину [148]) лучше. Обнимите за меня Василія Львовича; а мы всѣхъ васъ обнимаемъ нѣжно. На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

144.

С.-Петербургъ. 30 ноября 1825.

Любезнѣйшій князь! Вы знали искренность нашей любви къ Государю и чувствуете нашу горесть. Слова не отвѣчаютъ сердцу. Онъ уже не захотѣлъ бы къ намъ возвратиться, если бы и могъ, даже и для того, чтобы сдѣлать еще многое, многое для Россіи, какъ ему хотѣлось, по словамъ, слышаннымъ мною передъ его отъѣздомъ. 25 лѣтъ мы, невинные и неподлые, жили мирно, не боясь ни тайной канцеляріи, ни Сибири: скажемъ ему спасибо. Могущество Россіи также при немъ не упало. Въ душѣ его было что-то ангельское. Если онъ какъ человѣкъ не былъ лучше всѣхъ насъ, то и мы всѣ вмѣстѣ не лучше его. Кто умѣлъ такъ прощать и не мстить за личныя оскорбленія? Любя Россію, желаю, чтобы будущіе государи ея уподобились ему въ великодушіи и во многихъ прекрасныхъ свойствахъ. Связь моя съ нимъ кончилась слезами и скорбію, но благодарю за нее Бога. Императрица Марія Ѳедоровна оказываетъ умилительную твердость. 22-е ноября Императрица Елисавета была еще жива и тверда чудесно, не отходя отъ тѣла.

Мы довольно здоровы, кромѣ Андрея, у котораго сдѣлалось было лихорадка: онъ не плакалъ, а рыдалъ о нашемъ Незабвенномъ, такъ что испугалъ насъ. Цѣлую руку у милой княгини и нѣжно всѣхъ васъ обнимаю. Вашъ Н. Карамзинъ.

145.

С.-Петербургъ. 31 декабря 1825.

Любезнѣйшіе друзья! Дай Богъ вамъ и намъ хорошаго новаго года! Будьте здоровы и благополучны въ теченіе 1826 года! Обнимаемъ васъ нѣжно, всѣхъ, отъ мала до велика.

Душевная лихорадка моя еще несовсѣмъ прошла, то-есть, экзальтація, произведенная чрезвычайными обстоятельствами.

Чего мы, Карамзины, лишились въ Александрѣ, того уже никто не можетъ возвратить намъ. Вы, милый князь, говорите о *привычкѣ* моей: я говорю о *свычкѣ* души съ душою. Не было во мнѣ ослѣпленія, но было много любви, которую столько люблю! Можно ли читать безъ умиленія, что̀ пишутъ объ Александрѣ умнѣйшіе французы и англичане? Намъ лучше безмолвствовать краснорѣчиво. Отъ русской фабрики меня тошнитъ. Я не напишу ни слова: развѣ скажу что-нибудь въ концѣ XII-го тома, или въ обозрѣніи нашей новѣйшей Исторіи — черезъ годъ или два, если буду живъ. Иначе поговорю съ самимъ Александромъ въ поляхъ Елисейскихъ. Мы многаго не договорили съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Сколько горести и безпокойства въ семействахъ. Еще не имѣю точнаго, яснаго понятія объ этомъ и зломъ и безумномъ заговорѣ. Вѣрно то, что общество тайное существовало, и что цѣлію его было ниспроверженіе правительства. Отъ важнаго къ неважному: многіе изъ членовъ удостоивали меня своей ненависти, или по крайней мѣрѣ не любили; а я, кажется, не врагъ ни отечеству, ни человѣчеству. Слышно, что раскаяніе нѣкоторыхъ искренно и полно. Бѣдныя матери, жены, дѣти, младенцы! Не имѣя никакого политическаго вліянія, молюся за Россію. Богъ спасъ насъ 14 декабря отъ великой бѣды. Это стоило нашествія французовъ: въ обоихъ случаяхъ вижу блескъ луча какъ бы неземнаго. Опять могу писать свою Исторію: живъ, живъ, курилка! Нѣжно обнимаемъ васъ за предложеніе намъ вашего городскаго и сельскаго жилища. Иногда дѣйствительно думаю о Москвѣ, о Дрезденѣ для воспитанія дѣтей, о берегахъ Рейна; но прежде хотѣ-

лось бы издать дюжинный томъ моей исторической поэмы. Какъ Богъ дастъ: я вѣрю Ему не на шутку, проживъ въ свѣтѣ около шестидесяти лѣтъ не бездушно и не съ повязкою на глазахъ. Впрочемъ здѣсь ли, тамъ ли—не много разницы: могу остаться и въ Петербургѣ.

Безпокоюсь объ Иванѣ Ивановичѣ, давно не имѣя объ немъ извѣстія.

Простите, любезнѣйшіе. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de toute la tendresse de mon coeur, mes chers et bons amis, étant de moitié dans tous les voeux que forme mon mari pour vous; j'ai passé de terribles moments, ou plutôt mon coeur dans des angoisses extrêmes tout ce temps en songeant à vous, et continue d'adresser mes prières ferventes à Dieu, pour que vous continuâssiez à être parfaitement tranquilles. Hier nous avons été porter nos hommages aux nouveaux Souverains; vous pouvez penser combien mon coeur a été opressé de l'idée que notre adorable Alexandre ne les entendra plus adressés à lui; quoique j'aime beaucoup l'Impératrice Alexandrine, c'est la bonté et la pureté même, mais ce n'est pas la même chose, il y manque 10 ans d'amour et de douce habitude. Adieu, mes bons amis, embrassez aussi tendrement vos enfants de ma part, comme je vous embrasse. Voyez m-me Rebinine et dites lui que j'attends une lettre d'elle et que je suis inquiete sur elle, n'en ayant pas reçu depuis celle qu'accompagnait un dessin de Barbe.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

C'est avec toute l'effusion d'un coeur, enfin tranquille, que je vous embrasse, mon cher, mon bien aimé oncle, et vous aussi, ma bonne tante, en vous souhaitant à tous deux santé et bien-être pour l'année 26: quand je dis tous deux, j'enveloppe dans le voeux toute la petite famille, à laquelle je vous prie de donner de tendres baisers. C. K.

146.

С.-Петербургъ. 11 генваря 1826.

Любезнѣйшій князь! Пишу къ вамъ, съ г. Погодинымъ [149]) и тѣмъ искреннѣе могу сказать, сколько мы обрадовались, что бурная туча не коснулась до васъ ни краемъ, ни малѣйшимъ движеніемъ воздушнымъ [150]). Только ради Бога и дружбы не вступайтесь въ разговорахъ за несчастныхъ преступниковъ, хотя и не равно виновныхъ, но виновныхъ по всемірному и вѣчному правосудію. Главные изъ нихъ, какъ слышно, сами не дерзаютъ оправдываться. Письма Никиты Муравьева къ женѣ и матери трогательны: онъ во всемъ винитъ свою *слѣпую гордость*, обрекая себя на казнь законную въ мукахъ совѣсти. Не хочу упоминать о смертоубійцахъ, грабителяхъ, злодѣяхъ гнусныхъ; но и всѣ другіе не преступники ли, безумные или безрасудные, какъ злыя дѣти? Можно ли быть тутъ *разнымъ мнѣніямъ*, о которыхъ вы говорите въ послѣднемъ вашемъ письмѣ съ какою-то *значительностію* особенною? Если мы съ женою ошиблись въ смыслѣ и въ примѣненіи, то все сказанное мною само собою уничтожается; останется только чувство нѣжнѣйшей къ вамъ дружбы, принадлежность нашей сердечной жизни!

Александра пѣтъ: связь и прелесть для меня изчезли; вижу безъ очковъ, сужу безъ закупа и смиряюсь духомъ болѣе, нежели когда-нибудь. Еще повторяю отъ глубины души: не радуйте извѣтниковъ ни самою безвиннѣйшею нескромностію! У васъ жена и дѣти, ближніе, друзья, умъ, талантъ, состояніе, хорошее имя: есть что беречь. Отвѣта не требую. Увѣдомьте только о здоровьѣ дѣтей милыхъ и своемъ. Цѣлую руку у любезнѣйшей княгини, всѣхъ васъ обнимая нѣжно. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Vous nous désirez, cher ami, la santé, comme seul bien, sur lequel on n'a pas deux opinions, moi je vous en souhaite encore un, non moins précieux et sans lequel l'autre est inutile, c'est la tranquillité; le 14 je me portais aussi bien que le pont-neuf; mais qu'avais-je à faire de cette santé robuste, quand je craignais à

chaque instant pour la vie de mon mari et de mes filles, dont les brigands auraient pu disposer, si la miséricorde de Dieu n'avait confondu leurs projets homicides; que le ciel nous préserve de ces bienfaiteurs de l'humanité qui passent sur le corps de leurs mères, de leurs femmes, pour parvenir je ne sais à quelles chimères! Je vous reitère à tous deux, mes bons amis, la prière de mon mari, c'est d'être discrets et de ne pas attirer sur vous l'attention par quelques imprudences. Nous sommes affligés de la perte de notre auguste Ami, affligés jusqu'au dernier replis du coeur, nous sommes tristes de tout ce qui arrive et de toutes les suites nécessaires. Un temps du calamité et de deuil pour tous les bons Russes!

Nous ne sortons nulle part, nous ne voyons que Жуковскій et Блудовъ. Adieu, je vous embrasse de tout mon coeur, ainsi que les chers enfants.

Приписка С. Н. Карамзиной.

C'est ce que nous faisons aussi avec toute l'effusion de nos coeurs, qui commencent enfin à respirer du moins pour vous. S. K.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Oui, cher et bon oncle, c'est du fond de mon coeur que je rends tous les jours grâce au Ciel de vous avoir conservé *intact* pour la tranquillité, le bien être de votre famille et de ceux qui, comme nous, ne séparent pas leurs intérêts des vôtres; la sécurité sur votre sort est la seule douceur qui nous est réservée dans ce temps de deuil et de trébulations. Je désire si ardemment de vous voir et de vous exprimer tout ce que je sens pour vous et pour tous les vôtres, que je consentirais à être pour un jour le porteur de cette lettre, qui aura la satisfaction de vous la remettre lui-même. C. Karamzine.

147.

С.-Петербургъ. 20 апрѣля 1826.

Христосъ воскресе, любезнѣйшіе друзья! Сердечно цѣлуемъ васъ и милыхъ дѣтей, поздравляя съ свѣтлымъ праздникомъ и всего

болѣе желая здоровья послѣднимъ. Мое состояніе странное: мнѣ бываетъ лучше и хуже по днямъ, что̀ не даетъ умножаться силамъ, и сколько меланхолическихъ минутъ, въ которыя говорю себѣ: „Не выѣду изъ Петербурга“. Какъ вы далеки отъ истины, думая, что мнѣ трудно сдвинуться съ мѣста! Съ этого мѣста сорвала меня буря или болѣзнь, и я имѣю неописанную жажду къ разительно-новому, къ другимъ видамъ природы, горамъ, лазури италіанской etc. Никакъ не могъ бы я возвратиться къ своимъ прежнимъ занятіямъ, если бы здѣсь и выздоровѣлъ. Мнѣ не вѣрится, что буду на морѣ etc. Вашихъ дружескихъ предложеній въ разсужденіи нашего имѣнія ни мало не отвергаю, ни услугъ Ивана Иванова и Демида... Теперь съ нетерпѣніемъ жду отвѣта князя А. П. Оболенскаго, котораго убѣдительно просилъ быть въ наше отсутствіе господиномъ нашего имѣнія. Если согласится, то Иванъ Ивановъ или Демидъ можетъ быть, по вашему съ княземъ условію, отправленъ въ Макателемы для взысканія оброка всякими мѣрами, убѣжденіями и угрозою не выѣзжать оттуда, пока не заплатятъ оброка. Однимъ словомъ, поговоримъ послѣ. Теперь я долженъ отдохнуть.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Nous n'avons point encore instruit papa du nouveau coup dont vous a frappé la Providence, chaque émotion étant nuisible dans son état d'extrême faiblesse; mais nous avons pleuré avec vous, cher oncle et chère tante, la perte cruelle que vous avez faite, et c'est du fond de nos coeurs que nous prions le Ciel de vous consoler dans ceux qui vous restent de ceux qui ne sont plus. Je vous embrasse tous deux et toute la petite famille, en vous disant Христосъ воскресе de toute la tendresse de mon coeur. C. K.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Et moi aussi, en priant Dieu pour vous. S. K.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Христосъ воскресе, mes bons et malheureux amis, combien vos chagrins augmentent la somme des miens, mais je ne me permets

pas autre chose que de prier pour vous et pour nous Celui qui disperse et les maux et les consolations. Qu'Il vous comble de ses bénédictions, au moins pour le futur, et vous donne les forces nécessaires pour supporter les peines présentes.

148.

(1826).

Любезнѣйшіе друзья! Начинаю тѣмъ, что нѣжно васъ обнимаю. Богу опять угодно было еще оставить меня въ здѣшнемъ свѣтѣ. Хотя все еще слабъ, но кажется, идетъ не внизъ. Дѣйствія внутренности еще не совсѣмъ исправны.

Весьма одобряемъ, что отдаете домъ въ наймы: это умно, преумно. Вы уже, милый князь, не камеръ-юнкеръ. И мы, наконецъ, подобно вамъ, думаемъ нынѣшнимъ лѣтомъ перемѣнить климатъ. И медики, и собственное чувство удостовѣряютъ меня, что здѣсь, еще съ раздраженною, разслабленною грудью, съ кашлемъ хроническимъ ждать осени и зимы для меня неблагоразумно. Мысли стремятся во Флоренцію. Но все еще зависитъ отъ Бога: Онъ одинъ можетъ сдѣлать, чтобы нашелся для меня способъ съ моимъ семействомъ, недостаточнымъ состояніемъ, характеромъ и правилами моими ѣхать въ чужіе краи года на два съ *покойнымъ сердцемъ*, безъ котораго и флорентійское небо не будетъ цѣлительно.

Теперь столь же нѣжно обнимаю и мою милую крестницу и всѣхъ вашихъ малютокъ, усердно моля Бога, что бы Онъ подкрѣпилъ между ими слабыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ [151]).

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Je vous embrasse aussi, cher oncle et chère tante, de toute la tendresse de mon coeur et je vous prie d'en faire autant pour moi à la petite famille, en commençant et en finissant par la charmante pomme de terre, qui jusqu'à ce moment-ci encore fait tort à mon frère dans mon coeur. C. K.

Avant de quitter la Russie maman désirait savoir, si un *rosier de tous les mois* qu'elle possédait avant son mariage existe encore

dans vos serres chaudes d'Astafievo? Veuillez le demander à votre jardinier Романъ et le dire à maman qui vous en sera bien reconnaissante. Elle vous embrasse tous deux bien, bien tendrement.

Письма безъ означенія времени написанія.

149.

Mon très cher prince, c'est avec beaucoup de plaisir que j'ai reçu et lu votre paquet poétique. Il y a des choses bien pensées et bien dites. Tâchez de savoir les règles de la poésie française et russe, et vous ferez encore mieux votre affaire. Je vous envoie aussi des vers de ma façon, et je vous embrasse, comme je vous aime. Votre fidèle ami Karamsin.

150.

Любезнѣйшій князь и другъ! Не тревожьтесь ничѣмъ, а всего менѣе мыслію о *нашемъ сердцѣ*: имѣемъ его только для любви къ вамъ. Завтра, можетъ быть, напишу поболѣе: теперь недосугъ. Обнимаемъ васъ нѣжно. Мы здоровы. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Вторникъ.

151.

Прошу васъ, любезнѣйшій князь, *вѣрно* разослать эти письма: что будетъ добрымъ дѣломъ... для меня одолженіемъ. Еще разъ... обнимаю. Н. Карамзинъ.

Приписка А. И. Тургенева.

И я ваше сіятельство прошу о томъ же; для большей вѣрности одно письмо послалъ я чрезъ Булгакова. Тургеневъ.

4 генваря.

152.

2 de mai (1813 ?).

Notre cher et malheureux fils vit encore, mais il n'a l'air de respirer que pour épuiser toutes les souffrances; il a passé presque deux fois 24 heures sans fermer les yeux et sans pouvoir poser sa tête sur son oreillé; cette nuit-ci il a été plus tranquille, ce repos ne lui a pas redonné des forces. Ma petite Natacha est devenue jaune comme un coin: mais, Dieu merci, sa fièvre est presque passée. Vous voyez, mes chers amis, de quelle manière notre temps passe: cependant, dans tous les cas, nous nous préparons à partir d'ici, s'il plait à Dieu, dans le courant de ce mois, malheureux ou consolés. Votre lettre nous a donné le premier moment de satisfaction que nous ayons eu depuis deux mois; après l'inquiétude, où nous étions sur votre santé, mon cher ami, vous savoir infiniment mieux n'était pas peu; mais en grâce, point de cachet soit disant vert, car j'ai manqué me trouver mal à la vue de la lettre. Si les Nélédinsky sont encore avec vous, dites leur tout ce que nous sentons d'affectueux pour eux et quelle part nous prenons au malheur qui leur est arrivé, surtout à m-me Nélédinsky.

Adieu, chers amis, que le Ciel veille sur vous et vous protège. Je donne des baisers au cher enfant inconnu que j'aime déjà beaucoup.

Приписка Н. М. Карамзина.

Обнимаю васъ, милые друзья, и благодарю Бога, что вамъ любезный князь, стало лучше. Не можемъ сказать того о себѣ. Да будетъ воля Божія!

153.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 3 mars.

Votre lettre nous a atterré, chère amie, au lieu de porter la joie dans notre coeur, et nous attendons le courrier d'aujourd'hui avec une impatience pleine d'angoisse; nous n'avions pas l'idée, non

seulement du danger du cher malade, mais même nous ne le soupçonnions pas indisposé, aucun de nos amis d'ici ne nous ayant soufflé la dessus et ayant reçu une lettre du cher prince Perre par m-me Novosiltzoff, où il ne se plaignait de rien, et tout cela dans huit jours; il ne nous reste qu'à demander au Ciel la grâce de sa parfaite guérison et de la conservation de votre santé, chère amie, qui dans un moment aussi cruel et à la suite déjà d'un malheur a dû éprouver un terrible échec. Que le bon Dieu entende nos prières et nos voeux et que nous puissions avoir tous les jours des nouvelles meilleures sur le cher convalescent et sur toute la famille! Jusque là mon coeur ne se desserrera pas; embrassez le pour moi et sentez, combien il est cruel pour moi de ne pouvoir être avec vous, surtout dans un moment, où mon coeur est brisé et qu'il lui faudrait la consolation de le soigner.

Приписка Н. М. Карамзина.

Съ надеждою на милость Божію ждемъ извѣстія отъ васъ, милая княгиня, о нашемъ братѣ и другѣ; боимся, чтобы и ваше здоровье не потерпѣло отъ такой ужасной тревоги. Обнимаемъ васъ нѣжно.

Приписка А. И. Тургенева.

Сейчасъ возвратился съ Жуковскимъ съ театральнаго пепелища. Еще дымится; но все строеніе до основанія сгорѣло. Пристройки уцѣлѣли. Три человѣка пожарной команды сгорѣли, жившіе въ театрѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ концѣ 1809 года императоръ Александръ I былъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ великою княгиней Екатериною Павловною и сказалъ Карамзину нѣсколько привѣтливыхъ словъ, встрѣтясь съ нимъ на балѣ. Великая княгиня Екатерина Павловна осыпала его ласками и, познакомясь съ нимъ, пригласила къ себѣ въ Тверь; князь Александръ Петровичъ Оболенскій, служившій при ней въ Твери, могъ утвердить великую княгиню въ высокомъ мнѣніи о Карамзинѣ. Въ письмѣ къ брату, отъ 13-го декабря 1810 г., Карамзинъ писалъ: „Недавно былъ я въ Твери, и осыпанъ новыми знаками милости со стороны великой княгини. Она русская женщина: умна и любезна необыкновенно; мы прожили около пяти дней въ Твери, и всякій день были у нея“ (Погодинъ, *Н. М. Карамзинъ*. М. 1866, II, 58, 68). Въ 1810 году графъ де-Местръ писалъ изъ Петербурга въ Италію: „Образъ жизни великой княгини Екатерины Павловны въ Твери по истинѣ изумителенъ. Домъ ея, по вечерамъ, родъ монастыря. Г. Карамзинъ замѣчательный писатель, читаетъ тутъ лекціи русской исторіи, изученной имъ съ особеннымъ стараніемъ, и лица, которыхъ она, по здѣшнему обычаю, удостоиваетъ приглашенія на свои вечера, не находятъ на нихъ иного развлеченія“ (*Русскій Архивъ* 1871, стр. 0192).

2) Въ мартѣ 1811 года посѣтилъ Тверь императоръ Александръ I. И. И. Дмитріевъ, по приказанію государя, предувѣдомилъ Карамзина о желаніи его съ нимъ познакомиться ближе. Великая княгиня Екатерина Павловна звала неотступно, чтобы Карамзинъ спѣшилъ въ Тверь. Карамзинъ отправился въ Тверь съ написанными томами своей *Исторіи Государства Россійскаго* (Погодинъ. *Н. М. Карамзинъ*. М. 1866. II, 78). Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву изъ Твери, отъ 20-го марта 1811 г., Карамзинъ говоритъ: „Читалъ государю свою *Исторію* долѣе двухъ часовъ, послѣ чего говорилъ съ нимъ не мало — и о чемъ же? о самодержавіи!! Я не имѣлъ счастія быть согласенъ съ нѣкоторыми

его мыслями, но искренно удивлялся его разуму и скромному краснорѣчію" (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*. С.-Пб. 1866, стр. 140).

3) Послѣ Бородинской битвы, въ которой князь П. А. Вяземскій участвовалъ, состоя въ Мамоновскомъ полку, онъ вмѣстѣ съ Н. М. Карамзинымъ выѣхалъ изъ Москвы въ Ярославль. Здѣсь уже были жены ихъ; но оставаться въ Ярославлѣ нечего было и думать. Французовъ ждали и туда. Вслѣдъ за великою княгинею Екатериною Павловною поспѣшно выѣхали многіе ярославцы и пріѣзжіе. Карамзины рѣшились ѣхать въ Нижній Новгородъ, чтобы находиться въ близости помѣстья своего въ Арзамасскомъ уѣздѣ, а князь П. А. Вяземскій выбралъ для временнаго жительства Вологду. „Выборъ мой палъ на этотъ городъ" пишетъ князь Вяземскій,—„потому, что въ Вологду ѣхалъ нашъ знакомый, знаменитый московскій врачъ и акушеръ (профессоръ Московскаго университета) Рихтеръ. Жена моя была беременна первымъ своимъ ребенкомъ и вскорѣ должна родить. Въ ожиданіи родовъ ея Рихтеръ просиживалъ у насъ цѣлые часы и въ комнатѣ предъ спальнею ея писалъ извѣстное свое сочиненіе о медицинѣ въ Россіи" (*Русскій Архивъ* 1866, стр. 226—227).

4) Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, который съ супругою и дочерью находился тогда тоже въ Вологдѣ. „Въ 1812 году судьба забросила меня въ Вологду", писалъ князь Вяземскій;—„туда же забросила она и Нелединскаго, который также держался въ Москвѣ донельзя. Эта изгнанническая жизнь еще болѣе сблизила меня съ нимъ. Разность лѣтъ нашихъ могла бы служить препятствіемъ къ совершенному сближенію. Но родовая пріязнь, обстоятельства, общее бѣдствіе могли достаточно сгладить эту неравность. Къ тому же въ свойствахъ Нелединскаго было много сочувственнаго молодости, въ моихъ—какое-то особенное сочувствіе съ лѣтами зрѣлыми. Онъ изъ первыхъ одобрилъ мои первые опыты. Стихи мои, которые первоначально таилъ я отъ Карамзина, какъ дѣтскія шалости отъ строгаго наставника, встрѣчали въ Нелединскомъ благосклоннаго слушателя. Въ Вологдѣ, когда онъ занимался пересмотромъ своихъ стихотворческихъ рукописей, онъ иногда требовалъ моего мнѣнія. Третьимъ литературнымъ посредникомъ между нами былъ преосвященный Евгеній. Часто собирались мы у него по вечерамъ. Умъ его разносторонній, многія и обширныя свѣдѣнія, рѣдкое добродушіе придавали этимъ бесѣдамъ особенную прелесть" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1879, II, 382—383).

5) 15-го іюня 1813 года Карамзинъ былъ уже въ Москвѣ, а 21-го іюня того же года—въ Остафьевѣ. Изъ Москвы Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Я плакалъ дорогою, плакалъ и здѣсь, смотря на разва-

лины; Москвы пѣтъ: остался только уголокъ ея. Не одни домы сгорѣли; самая нравственность людей измѣнилось въ худое. Замѣтно ожесточеніе; видна и дерзость, какой прежде не бывало. Теперь хочется отдохнуть въ Остафьевѣ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 174—175).

6) 2-го февраля 1816 года Карамзинъ, вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, пріѣхалъ въ Петербургъ для представленія государю восьми томовъ своей Исторіи Государства Россійскаго. Семейство его оставалось въ Москвѣ. Въ Петербургѣ онъ прожилъ февраль и мартъ 1816 г. и оттуда писалъ къ своей женѣ (см. *Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина*, ч. 1. С.-Пб. 1862, стр. 141—182). 4-го апрѣля того же 1816 года, Карамзинъ увѣдомлялъ брата, что на дняхъ возвратился въ Москву, и что ему пожалованы чинъ статскаго совѣтника, лента св. Анны и 60 тысячъ р. на печатаніе Исторіи. „Положено печатать въ Петербургѣ, а мнѣ жить лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ: такъ сказалъ государь... Петербургъ славный городъ, но жить въ немъ дорого: не знаю, какъ мы тамъ устроимся“. 25-го мая 1816 г., изъ Царскаго Села, Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Мы пріѣхали благополучно 25 мая въ пятомъ часу вечера и нашли свой домикъ пріятнымъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 187, 081—082).

7) Графъ Адамъ Петровичъ (1776+1855), бывшій тогда начальникомъ Царскаго Села.

8) Сергѣй Григорьевичъ Ломоносовъ, лицейскій товарищъ Пушкина.

9) Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву Карамзинъ (8-го іюня 1816 г.) писалъ: „Государь призывалъ къ себѣ и говорилъ со мною весьма милостиво о вещахъ обыкновенныхъ“ (стр. 188).

10) Великая княгиня Анна Павловна и супругъ ея Вильгельмъ, принцъ Оранскій, впослѣдствіи король Нидерландскій.

11) Вѣроятно, сенаторъ и попечитель Московскаго учебнаго округа Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ (1767+1828 г.).

12) Иванъ Семеновичъ Набоковъ, московскій пріятель Карамзина.

13) Василій Львовичъ Пушкинъ (1770-+1830).

14) Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ (1754+1826).

15) Между 1810 и 1818 годами И. И. Дмитріевымъ были написаны двѣ басни: *Исторія и Бобръ*, *Кабанъ и Горностай*.

16) Генералъ отъ инфантеріи Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ, герой 12-го года, скончался 14-го ноября 1816 года. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Петровнѣ Оболенской. „Сей боевой служака“, пишетъ князь П. А. Вяземскій,—„женившись, сталъ мирный и добрый семьянинъ, совершенно свыкшій съ новымъ бытомъ своимъ. При пробужденіи моихъ воспоминаній о немъ, предо мною рисуется человѣкъ уже довольно пожилой, роста небольшого, сложенія плотнаго, обраще-

нія тихаго и скромнаго; помнится мнѣ, былъ онъ довольно молчаливъ, что̀ называется серьезенъ и невозмутимъ. Невозмутимъ былъ онъ, говорятъ, и въ пылу битвы. Кажется, Михаилъ Орловъ говорилъ мнѣ, что въ какомъ-то жаркомъ сраженіи, посреди самаго разгара, нашелъ онъ его спокойно сидящаго на барабанѣ и дающаго приказанія войскамъ, а пули и ядра такъ кругомъ и сыпались" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, VII, 490—491).

17) Семенъ Іоанникіевичъ Селивановскій, московскій типографщикъ, у котораго Карамзинъ печаталъ свои сочиненія съ начала восьмидесятыхъ годовъ. 27-го іюня 1816 года Карамзинъ писалъ ему: „Желаю имѣть отъ васъ рѣшительный отзывъ о печатаніи моей Исторіи. Возмете ли вы съ листа за 3000 экземпляровъ по 35 рублей?.. Я еще крѣплюсь и посматриваю на Москву, хотя дворъ ко мнѣ и милостивъ". Но въ слѣдующемъ письмѣ Карамзинъ пишетъ Селивановскому: „По приказанію государя, Исторія моя должна печататься въ военной типографіи" (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, 082—083).

18) Великая княгиня Екатерина Павловна (1788—1819), во второмъ бракѣ за королемъ Вильгельмомъ Виртембергскимъ.

19) Княжна Марія Петровна Вяземская.

20) Графиня Александра Григорьевна Лаваль, рожденная Козицкая.

21) Князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, бывшій впослѣдствіи Московскимъ генералъ-губернаторомъ (1777—1848), въ первомъ бракѣ былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Вяземской, а во второмъ—на Софьѣ Степановнѣ Апраксиной.

22) Князь Андрей Петровичъ Оболенскій (1769—1852).

23) Родіонъ Алексѣевичъ Кошелевъ, членъ государственнаго совѣта.

24) А. М. Рябининъ, московскій знакомый Карамзина. Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, отъ 5-го февраля 1817, Карамзинъ писалъ: „На сихъ дняхъ государь оказалъ намъ большую милость. Я осмѣлился черезъ письмо просить его о А. М. Рябининѣ, котораго не велѣно было опредѣлять ни къ какому мѣсту. Вынесли справку, и государь простилъ Рябинина... Это тронуло меня до глубины сердца, тѣмъ болѣе, что императоръ очень колебался. Онъ сказалъ графу Капо д'Истріи: „Je voudrais bien faire une chose agréable a mr. Karamsine; mais c'est une affaire fâcheuse: il y a eu une perte considérable d'argent et beaucoup de négligence au moins". Я въ письмѣ государю сказалъ, что связь моя съ Рябининымъ состоитъ въ дружбѣ нашихъ женъ" (стр. 205).

25) Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (1744—1817). Его московскою библіотекой, сгорѣвшею въ 1812 году, пользовался Карамзинъ при писаніи Исторіи Государства Россійскаго. 3-го іюля 1844 г. племянникъ графа Пушкина князь Н. А. Енгалычевъ сообщилъ

Погодину слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: „Въ бытность мою въ Москвѣ до нашествія Французовъ, съ 1804 по 1809 годъ, жилъ я въ домѣ означеннаго дяди моего родного по матери, и въ это время случалось мнѣ много разъ слышать о тщательномъ и разборчивомъ его собраніи рукописей и книгъ, относящихся къ русской исторіи. Потеря его библіотеки справедливо возбуждаетъ въ насъ сожалѣніе, но не совсѣмъ вѣрно, что она вся во время нашествія Французовъ сгорѣла. Еще до нашествія Французовъ, въ то время, когда Карамзинъ посвятилъ себя исключительно занятіямъ русской исторіею, онъ выпросилъ у дяди моего семнадцать книгъ. Это мнѣ обстоятельно извѣстно. Не знаю, какія именно были это книги. Помню, что къ этимъ семнадцати книгамъ дядя мой прибавилъ ему еще четыре книги *Записокъ русской исторіи* Крекшина, который занимался составленіемъ сихъ *Записокъ* при Петрѣ Великомъ; изъ сихъ послѣднихъ Карамзинъ, помнится, возвратилъ дядѣ моему три книги, а четвертую, равно какъ и первыя семнадцать книгъ, увозилъ съ собою изъ Москвы во время Французовъ, и такимъ образомъ онѣ уцѣлѣли; и когда, послѣ кончины дяди моего, супруга его графиня Екатерина Алексѣевна требовала ихъ отъ Карамзина, то онъ отвѣчалъ, что эти книги должны храниться не въ частныхъ рукахъ, а въ государственномъ книгохранилищѣ, въ каковое, по миованіи въ нихъ надобности, онъ не преминетъ ихъ препроводить“ (*Жизнь и труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1893. VII, 311—313).

26) Княжна Прасковья Петровна Вяземская.

27) Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ.

28) Павелъ Никитичъ Каверинъ, при Павлѣ I Московскій полиціймейстеръ, а при Александрѣ I губернаторъ въ Калугѣ. 23-го декабря 1800 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Мнѣ пріятно знать, что ты любишь Каверина; я самъ чистосердечно люблю его; онъ вѣтренъ, но уменъ и добръ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 122).

29) Степанъ Петровичъ Жихаревъ, впослѣдствіи сенаторъ (р. 1788 † 1860), извѣстный авторъ *Дневника студента и чиновника*. Въ Арзамасѣ носилъ прозваніе *Громобоя*.

30) *Асмодей*— арзамасское прозвище князя П. А. Вяземскаго.

31) Жуковскій, къ своимъ друзьямъ пишетъ: „*Мещевскій* въ Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете въ Петербургѣ! Если вы не собрались о немъ вспомнить отъ разсѣянности, то это срамъ и ребячество!.. На что же намъ толковать о добрѣ, общей пользѣ?.. Посылаю письмо Вяземскаго, чтобы пристыдить и поддать вамъ, если можно, жару. Онъ не безпеченъ, когда *надобно* дѣйствовать“. Объ этомъ несчастномъ имѣются свѣдѣнія въ Запискахъ Шишкова, который писалъ императору Александру I: „Цензоръ принесъ ко мнѣ стихи

и спрашивалъ, велю ли я ихъ пропустить. Стихи сіи присланы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Посланіе къ артельнымъ друзьямъ*. Годъ поставленъ 1817, имя сочинителя означено *Мещевскій*". По толкованію Шишкова, подъ словомъ *артельныя друзья* слѣдуетъ разумѣть *тайное общество*. „Годъ 1817 есть тотъ самый, съ котораго стали наиболѣе печатать и распускать книги, явнымъ образомъ возмутительныя противъ вѣры и правительства". Когда же Шишковъ призвалъ къ себѣ Воейкова и спросилъ его: „Какъ смѣлъ онъ такіе стихи принять?.." онъ „отвѣчалъ мнѣ, что не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ... Цензоръ тоже боится, что если не пропустить, то его разругаютъ и прибьютъ". Въ заключеніе своего письма, Шишковъ восклицаетъ: „Всемилостивѣйшій Государь! Вездѣ, въ сенатѣ, въ совѣтѣ, въ комитетѣ гг. министровъ, въ публикѣ и при самомъ дворѣ духъ сей находитъ защиту и покровительство". Въ книгѣ *Избранныя сочиненія изъ Утренней Зари. Труды благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона*. М. 1809 (ч. I, стр. 239—263) напечатано весьма удачное стихотвореніе А. Мещевскаго: *Уединеніе*.

32) Флигель-адъютантъ императора Александра I князь Никита Григорьевичъ Волконскій пользовался особыми милостями государя и былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ исполнителей его воли (*Русскій Архивъ* 1874, I, 1047, 1050).

33) Сергѣй Михайловичъ Соковнинъ, помѣщикъ Чернскаго уѣзда Тульской губерніи, питомецъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона (Руммель, *Родословный Сборникъ*. С.-Пб. 1883, II, 407.

34) Николай Николаевичъ Новосильцовъ (1762 † 1838) былъ племянникъ графа Александра Сергѣевича Строганова и воспитывался въ его домѣ. Страстный англоманъ, Новосильцовъ вмѣстѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ и графомъ П. А. Строгановымъ, составляли тріумвиратъ, имѣвшій значительное вліяніе на государственныя дѣла въ началѣ царствованія Александра I. По смерти М. Н. Муравьева Карамзинъ просилъ Новосильцова о покровительствѣ его историческому труду (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 093—094).

35) Карамзинъ говоритъ здѣсь о празднествахъ по случаю бракосочетанія великаго князя Николая Павловича съ Прусскою принцессою Александрою Ѳеодоровною.

36) Въ своемъ *Автобіографическомъ введеніи* князь П. А. Вяземскій пишетъ: „По распущеніи Московскаго ополченія оставался я въ Москвѣ въ службѣ, не въ службѣ, въ отставкѣ, не въ отставкѣ, а причисленнымъ по прежнему къ межевой канцеляріи или, вѣрнѣе сказать, не отчисленнымъ отъ нея. Наступилъ 1817 годъ. Пріѣхалъ въ Москву генералъ Михаилъ Михаиловичъ Бороздинъ, въ свое время блестящій воинъ

на поляхъ сраженій и равно блестящее лицо въ салонахъ обѣихъ столицъ. Въ дѣтствѣ моемъ заглядывался я на него и любовался красивою и мужественною наружностью и отличающейся отъ другихъ изящною и щегольскою осанкою. Онъ былъ одинъ изъ ближайшихъ пріятелей отца моего. По пріѣздѣ въ Москву Бороздинъ отыскалъ меня и очень обласкалъ, какъ сына пріятеля своего. Онъ дружески укорялъ меня въ тупеядствѣ моемъ и говорилъ, что въ молодыхъ лѣтахъ сыну Андрея Ивановича стыдно бить баклуши и быть какимъ-то Митрофанушкою, недорослемъ въ обществѣ. Къ тому же времени пріѣхалъ изъ Варшавы и Новосильцовъ, вызываемый государемъ, который тогда со всѣмъ дворомъ имѣлъ пребываніе въ Москвѣ. Бороздинъ былъ пріятелемъ и Новосильцова. Однажды Бороздинъ пригласилъ меня обѣдать съ Новосильцовымъ и передалъ меня ему на руки. Новосильцовъ благосклонно принялъ меня: участь моя была рѣшена" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* I, XXXVII—XXXVIII) 25-го августа 1817 года князь П. А. Вяземскій по Высочайшему указу Всемилостивѣйше пожалованъ въ коллежскіе ассессоры, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно ему было находиться при тайномъ совѣтникѣ Новосильцовѣ.

37) Жуковскій былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Въ *Воспоминаніяхъ* ея мы читаемъ: „Я принялась серьезно за уроки русскаго языка; въ учителя мнѣ былъ данъ Василій Андреевичъ Жуковскій, въ то время уже извѣстный поэтъ, но человѣкъ онъ былъ слишкомъ поэтичный, чтобы оказаться хорошимъ учителемъ. Вмѣсто того, чтобы корпѣть надъ изученіемъ грамматики, какое-нибудь отдѣльное слово рождало идею, идея заставляла искать поэму, а поэма служила предметомъ для бесѣды; такимъ образомъ, проходили уроки. Поэтому русскій языкъ я постигла плохо, и не смотря на мое страстное желаніе изучить его, онъ оказывался на столько труднымъ, что я въ продолженіе многихъ лѣтъ не имѣла духу произносить на немъ цѣльныхъ фразъ" (*Русская Старина* 1896, октябрь, стр. 32—33).

38) 16-го мая 1818 г. Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Мнѣ грустно, что гг. профессоры Московскаго университета оскорбились моимъ выраженіемъ въ *запискѣ* о Москвѣ, сочиненной мною для императрицы. Я не думалъ ничего худого, сказавъ: „Надобно возстановить университетъ и физически и *нравственно*". Это совсѣмъ не касается *нравовъ*. Я желалъ только, чтобы университетъ еще болѣе возвысился, болѣе одушевился и сдѣлался полезнѣе. Желаніе мое отчасти исполнилось. Профессоры ободрены награжденіями. Общіе эти пріятели распустили эту записку по Москвѣ къ моему неудовольствію; она была писана совсѣмъ не для публики" (стр. 238).

39) Графъ Брей, баварскій посланникъ. 22-го ноября 1817 Карам-

зинъ писалъ къ И. И. Дмитріеву: „На сихъ дняхъ отправляется къ вамъ посланникъ баварскій графъ Брей, человѣкъ съ умомъ и здѣшній хлѣбосолъ: онъ желаетъ познакомиться съ тобою“ (стр. 225).

40) Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ, сынъ друзей Карамзина Плещеевыхъ, Алексѣя Александровича и Настасьи Ивановны. Плещеевъ славился искусствомъ передразнивать знакомыхъ въ голосѣ, пріемахъ и походкѣ; притомъ онъ былъ отличный актеръ. По сосѣдству деревень, около Бѣлева, Плещеевъ познакомился съ Жуковскимъ, а этотъ представилъ его потомъ въ члены Арзамасса, гдѣ его нарекли *Чернымъ Враномъ* (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 042—043).

41) Д. Н. Блудовъ былъ назначенъ въ Лондонъ совѣтникомъ посольства.

42) Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ (1791 † 1865), впослѣдствіи чрезвычайный посланникъ при Баварскомъ дворѣ. „Былъ у меня пріятель“, пишетъ князь П. А. Вяземскій въ своемъ *Автобіографическомъ Введеніи*,— „даже другъ: остались мы друзьями до конца; нынѣ уже нѣтъ его на свѣтѣ. Онъ жилъ за границею. Императоръ Николай былъ иногда недоволенъ грѣхами языка моего и давалъ мнѣ это чувствовать. Пріятель мой зналъ это; между тѣмъ портретъ мой висѣлъ въ кабинетѣ его, который государь долженъ былъ занять въ одну изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ. Какъ тутъ быть? Оставить ли обличительный портретъ какъ онъ есть, или, для большей осторожности, снять его на время со стѣны? Наконецъ, храбро и великодушно рѣшился онъ на первое. Позднѣе говорилъ онъ женѣ моей, что хотѣлъ оказать себя предъ государемъ въ полной обстановкѣ своей, и выгодной и неблагопріятной“. (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, LX).

43) Княгиня Евдокія Ивановна Голицына, урожденная Измайлова, супруга князя Сергія Михайловича Голицына, прозванная princesse Nocturne. Пушкинъ написалъ ей посланіе, которое заключаетъ словами:

Вчера Голицыну я видѣлъ
И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

По предположенію князя П. А. Вяземскаго, къ княгинѣ Голицыной относятся слѣдующія слова Пушкина: „Одна дама, впрочемъ очень милая, при мнѣ, открывъ вторую часть (*Исторіи Государства Россійскаго*), прочла въ слухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... „*Однако!* зачѣмъ не но? Однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?“ (ibid. V, 58).

При входѣ въ храмъ Святаго Духа Александро-Невскія Лавры богомолецъ на лѣвой сторонѣ увидитъ бѣломраморный памятникъ, освященный иконою Богоматери, и прочтетъ вырѣзанную на немъ слѣдующую надпись: „Памяти рабѣ Божіей Евдокіи княгини Голицыной, уро-

жденной Измайловой. Родилась 4-го августа 1780 года. Скончалась 18 Генваря 1850 года. Прошу православныхъ Русскихъ и проходящихъ здѣсь помолиться за рабу Божію, дабы услышалъ Господь мои теплыя молитвы у престола Всевышняго для сохраненія духа русскаго".

44) Въ Варшавѣ императоръ Александръ I спросилъ князя П. А. Вяземскаго: прочелъ ли онъ Исторію Карамзина, которая только что вышла въ печати. „На мой отвѣтъ", пишетъ князь Вяземскій,—„что еще не успѣлъ я прочесть, государь съ видомъ какого-то самодовольства сказалъ мнѣ: „А я прочелъ ее съ начала до конца" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, XXXIX).

45) „До Варшавы", писалъ князь П. А. Вяземскій,—„зналъ я почти одну Москву: въ Петербургѣ наѣзжалъ я только на короткое время, за границею же не бывалъ. Варшава, тогда блестящая, не только *мирная*, но и празднующая перерожденіе свое, повѣяла на меня незнакомымъ, новымъ воздухомъ. Я скоро и легко аклиматизировался. Починъ мой въ Варшавѣ былъ самый благопріятный. Въ Новосильцовѣ нашелъ я начальника, котораго лучше и придумать нельзя" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, XXXVIII—XXXIX).

46) См. примѣчаніе 36-е.

47) „Еще до Варшавы государь", писалъ князь Вяземскій,—„явилъ намъ знакъ благоволенія своего. Дорогою, гдѣ-то въ Царствѣ Польскомъ, обогналъ онъ насъ, узналъ, велѣлъ коляскѣ своей остановиться и вышелъ изъ нея на встрѣчу къ намъ, также вышедшимъ изъ кареты. Государь былъ бодръ, свѣжъ и тщательно и красиво убранъ и одѣтъ, какъ будто бы выходилъ изъ уборной комнаты своей въ Зимнемъ Дворцѣ. Я ѣхалъ больной, чуть-чуть ли не въ халатѣ, не мытый, не бритый, неряшливый... Не только крѣпко захворалъ я дорогою, но въ Несвижѣ, гдѣ ночевали мы, насъ совершенно обокрали... По счастію, догналъ насъ И. С. Тимирязевъ и, сжалясь надъ бѣдствіемъ нашимъ, ссудилъ насъ двумя тысячами рублей" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, XXXIX—XLI).

48) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ былъ уже отчасти знакомъ съ *Исторіею Государства Россійскаго*. Еще въ 1810 году, у сестры своей великой княгини Екатерины Павловны, онъ слушалъ чтеніе Карамзинымъ его Исторіи. „Мнѣ разсказывали", писалъ графъ де-Местръ изъ Петербурга въ Италію,—„что ея братъ, великій князь Константинъ Павловичъ здѣсь говорилъ смѣясь, что онъ изъ русской исторіи только и знаетъ, что онъ узналъ въ этотъ вечеръ" (*Русскій Архивъ* 1871, стр. 0192).

49) Государь, пріѣхавшій изъ Москвы для открытія перваго польскаго сейма, былъ ко мнѣ отмѣнно внимателенъ и милостивъ. Онъ даже удостоилъ жену и меня своимъ августѣйшимъ посѣщеніемъ...

(*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, XXXVIII—XXXIX). 8-го апрѣля 1818 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые... Князь Петръ открылъ свое государственное служеніе переводомъ государевой рѣчи, съ поправками Новосильцова". Рѣчь государя была польскому сейму 15-го—27-го марта 1818. Переводъ этотъ былъ напечатанъ сперва въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 26), а потомъ явился и въ другихъ русскихъ журналахъ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 236, 098—099). Въ другомъ письмѣ, отъ 29-го апрѣля 1818 г., Карамзинъ пишетъ И. И. Дмитріеву: „Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ: спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать въ *Сынѣ Отечества*, въ рѣчи Уварова" (стр. 236—237).

50) Петръ Ивановичъ Полетика назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Сѣверо-Американскихъ штатахъ. Онъ родился въ 1778 † 1849 г. Служа по дипломатической части, онъ занималъ различныя должности при Стокгольмской, Неаполитанской, Мадридской и Лондонской миссіяхъ. Во время Наполеоновскихъ войнъ Полетика сопровождалъ русскую армію, состоя при Барклаѣ-де-Толли, затѣмъ принималъ участіе въ Ахенскомъ и Вероискомъ конгрессахъ. Полетика хотя не занимался русскою литературою, но находился въ близкихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Карамзина и былъ избранъ въ члены Арзамаса, получивъ прозвище *Очарованнаго челна*.

51) См. примѣчаніе 49-е.

52) Вслѣдъ за переводомъ рѣчи государевой, князю П. А. Вяземскому былъ порученъ переводъ на русскій языкъ польской хартіи и дополнительныхъ къ ней уставовъ образовательныхъ. „Спустя нѣсколько времени", свидѣтельствуетъ князь Вяземскій,—„поручено было Новосильцову государемъ составить проектъ конституціи для Россіи. Подъ его руководствомъ занялся этимъ дѣломъ бывшій при немъ французскій юристъ Deschamps; переложеніе французской редакціи на русскую было возложено на меня" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 86—87).

53) 11-го сентября 1818 Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Мнѣ гадки лакеи и низкіе честолюбцы и низкіе корыстолюбцы. Дворъ не возвыситъ меня. Люблю только любить государя. Къ нему не лѣзу и не полѣзу. Не требую ни конституціи, ни *представителей*, но по чувствамъ останусь республиканцемъ, и притомъ вѣрнымъ подданнымъ царя Русскаго: вотъ противорѣчіе, но только мнимое" (стр. 248—249).

54) См. *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, IX, 51—61.

55) 29-го мая 1818 года императоръ Александръ I, проѣзжая черезъ городъ Донковъ (Рязанской губерніи), утвердилъ новый уставъ и штатъ Россійской академіи. 5-го декабря того же года Академія праздновала торжественнымъ собраніемъ день своего учрежденія Екатериной и возобновленія Александромъ. Карамзинъ произнесъ рѣчь, написанную имъ по случаю избранія его въ дѣйствительные члены Россійской академіи (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 0112—0113).

56) Профессоръ Московскаго университета и редакторъ *Вѣстника Европы* Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій (1775+1842) былъ противникомъ Карамзина.

57) Въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* 1818 года (ч. X, стр. 139) было напечатано: „Университетъ Московскій нынѣ въ развалинахъ. Надобно возстановить его. Онъ со времени Елизаветы Петровны для Россіи полезнѣе С.-Петербургской Академіи Наукъ. Мы всѣ учились въ немъ если не наукамъ, то по крайней мѣрѣ русской грамотѣ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 0102). Ср. прим. 38-е.

58) Это стихотвореніе напечатано въ *Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 157—160.

59) Въ своей *Исповѣди* князь П. А. Вяземскій пишетъ: „Былъ я соучастникомъ и подписчикомъ въ запискѣ, поданной государю по предварительному на то его соизволенію, отъ имени графа Воронцова, князя Меншикова и другихъ, въ которой всеподданнѣйше просили мы его о позволеніи приступить теоретически и практически къ разсмотрѣнію и рѣшенію важнаго государственнаго вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Государь, говоря послѣ съ Карамзинымъ о томъ, что желаніе освобожденія крестьянъ раздѣлено многими благомыслящими помѣщиками, назвалъ ему въ числѣ другихъ и меня. Тутъ Карамзинъ и узналъ о поданной нами бумагѣ и участіи моемъ въ ней“ (ibid., стр. 88).

60) Неаполитанскій аббатъ Галіани (1726+1786) написалъ нѣсколько сочиненій по части политической экономіи, жилъ долго въ Парижѣ, гдѣ сблизился съ энциклопедистами. Онъ былъ врагъ гражданской свободы и независимой печати (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 0115).

61) Карамзинъ въ письмѣ своемъ къ И. И. Дмитріеву отъ 27-го января 1817 пишетъ: „Мы болѣе нежели когда-нибудь мыслимъ о возвращеніи въ нашу добрую, хотя и *азіатскую Москву*, какъ говоритъ князь Петръ“ (стр. 256).

62) Въ своей *Исповѣди* князь П. А. Вяземскій свидѣтельствуетъ: „Въ пріѣздъ мой въ Петербургъ, въ *мѣто* (?) 1819 года, имѣлъ я счастіе быть у государя въ кабинетѣ его, на Каменномъ островѣ. Велѣно мнѣ было пріѣхать въ 4 часа послѣ обѣда, за письмомъ Н. Н. Новосильцову. Государь говорилъ со мною болѣе получаса. Сначала онъ

разспрашивалъ меня о Краковѣ, изъяснялъ и оправдывалъ свои виды въ разсужденіи Польши, національности, которую хотѣлъ сохранить въ ней, говоря, что мѣры, принятыя императрицею Екатериною, были бы теперь несогласны съ духомъ времени; отъ политическаго образованія, даннаго Польшѣ, перешелъ государь къ преобразованію политическому, которое готовитъ Россіи; сказалъ, что знаетъ участіе мое въ редакціи проекта русской конституціи, что доволенъ нашимъ трудомъ, что привезетъ съ собою доставленныя бумаги въ Варшаву и сообщитъ критическія свои замѣчанія Новосильцову, что надѣется привести это дѣло къ желаемому окончанію, что на эту пору одинъ недостатокъ въ деньгахъ, потребныхъ для подобнаго государственнаго оборота, замедляетъ приведеніе въ дѣйствіе мысль, для него священную; что онъ знаетъ, сколько преобразованіе сіе встрѣтитъ затрудненій, препятствій, противорѣчій въ людяхъ, коихъ предубѣжденія, легкомысліе приписываютъ симъ политическимъ правиламъ многія бѣдственныя событія современныя, когда, при безпристрастнѣйшемъ изслѣдованіи, люди сіи легко могли бы убѣдиться, что сіи безпорядки проистекаютъ отъ причинъ совершенно постороннихъ. Предоставляю судить, какими сѣменами должны были подобныя слова оплодотворить сердце, уже раскрытое къ политическимъ надеждамъ, которыя съ того времени освятились для меня самою державною властію“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 87—88).

63) Николай Ивановичъ Тургеневъ. „Онъ страшный либералистъ, но добрый, хотя иногда и косо смотритъ на меня, потому что я отъявилъ себя не либералистомъ“, писалъ о немъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву 28-го ноября 1818 г. (стр. 253).

64) Извѣстный Александръ Скарлатовичъ Стурдза (1791—1854), служа въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, ѣздилъ на Ахенскій конгрессъ. Своею запискою о современномъ состояніи Германіи, тогда же напечатанною, онъ внушилъ германскимъ правительствамъ мысль о преобразованіи университетовъ, но за то и возбудилъ къ себѣ ненависть университетской молодежи, отъ кинжала которой едва спасся бѣгствомъ въ Россію (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 0120).

65) Здѣсь разумѣется стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго, подъ заглавіемъ *Былъ* (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, IV, 6—7).

66) Баронъ Гурго былъ три года при Наполеонѣ на островѣ св. Елены; по возвращеніи оттуда, въ 1818 году, издалъ онъ, со словъ Наполеона, книжку о Ватерлооскомъ сраженіи, за которую подвергся преслѣдованію (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 0121).

67) Прадтъ, возведенный Наполеономъ въ званіе барона и въ санъ

епископа Пуатье, впослѣдствіи архіепископъ, а въ 1812 г. посолъ въ Варшавѣ, написалъ множество сочиненій, относящихся къ политикѣ и исторіи его времени (ibid., стр. 0122).

68) 31-го марта 1819 Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріему: „Коцебу зарѣзанъ въ Мангеймѣ студентомъ, за его немодный образъ мыслей. Что-то будетъ съ Стурдзою?“ (стр. 259).

69) Черезъ сорокъ лѣтъ, то-есть, въ 1860 году, князь П. А. Вяземскій писалъ:

Послушать, вѣкъ нашъ—вѣкъ свободы,
А въ сущность глубже загляни:
Свободныхъ мыслей коноводы
Восточнымъ деспотамъ сродни.

У нихъ два вѣса, два мѣрила,
Двоякій взглядъ, двоякій судъ:
Себѣ дается власть и сила,
Своихъ на верхъ, другихъ подъ спудъ.

У нихъ на все есть лозунгъ строгій;
Подъ либеральнымъ ихъ клеймомъ
Не смѣй идти своей дорогой,
Не смѣй ты жить своимъ умомъ.

Когда кого они прославятъ,
Предъ тѣмъ колѣна преклони.
Кого они опалой давятъ,
Въ того и ты за нихъ лягни.

Свобода, правда, сахаръ сладкій,
Но отъ плантаторовъ бѣда:
Куда какъ тяжки ихъ порядки
Рабамъ свободнаго труда.

Свобода—превращеньемъ роли
На ихъ условномъ языкѣ—
Есть отреченье личной воли,
Чтобъ быть винтомъ въ паровикѣ;

Быть попугаемъ однозвучнымъ,
Который, весь оторопѣвъ,
Твердитъ съ усердіемъ докучнымъ
Ему насвистанный напѣвъ.

Скажу съ сознаніемъ печальнымъ:
Не вижу разницы большой
Между холопствомъ либеральнымъ
И всякой барщиной другой.

70) Лазарь Карно (р. 1753 † 1823). Ему между прочимъ принадлежитъ: *Memoire adressé au roi en juillet 1814.*

71) Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ (1781 † 1827), зять графа Николая Семеновича Мордвинова и другъ Сперанскаго.

72) Записка о дѣлѣ жены титулярнаго совѣтника Субочевой, по первому мужу Огаревой, по отцѣ Щепотевой (*Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина*, ч. I. С.-Пб. 1862, стр. 230—235).

73) Генералъ Гавріилъ Эдувиль (Hédouville) былъ французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ съ 1801 по 1804 годъ; умеръ въ 1825 г. Сколько извѣстно, онъ не занимался литературой. Братъ же его Николай (род. 1767 † 1846) извѣстенъ во французской литературѣ трагедіею *Jeanne Darc*; но она была издана въ Парижѣ, въ 1829 году.

74) Графъ Евграфъ Ѳедотовичъ Комаровскій, авторъ извѣстныхъ *Записокъ* напечатанныхъ въ *Русскомъ Архивѣ*.

75) Батонди, старый Италіанецъ, жившій въ домѣ князя Андрея Ивановича Вяземскаго; онъ ходилъ въ красной шапочкѣ и забавлялъ домашнихъ своими шутками. Умеръ въ 1812 году, въ Остафьевѣ.

76) Письмо это помѣчено: „Царское Село, 13 октября 1819 года“, а 17-го октября здѣсь же Карамзинымъ была написана знаменитая записка, подъ заглавіемъ: *Мнѣніе Русскаго Гражданина* (см. *Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина*, ч. I, стр. 3—8).

77) Князь П. А. Вяземскій, въ своей *Исповѣди*, писалъ: „Политическія событія, омрачившія горизонтъ Европы, набросили косвенно тѣнь и на мой ограниченный горизонтъ. Государь пріѣхалъ въ Варшаву; открылъ второй сеймъ. Онъ уже не былъ празднествомъ для Польши, ни торжествомъ для государя. Разными мѣрами, неразсчетливою государственною пользою внушенными, привели польскіе умы въ нѣкоторое раздраженіе, поселили недовѣрчивость къ государю. Поляками управлять легко, а особливо же Русскому царю. Они чувствуютъ свое безсиліе. Съ Поляками должно имѣть мягкость въ пріемахъ и твердость въ исполненіи“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 88—89).

78) Байковъ былъ главнымъ чиновникомъ въ канцеляріи Новосильцова въ Варшавѣ. Байковъ, по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, былъ лицо извѣстное въ Варшавѣ. „Въ началѣ столѣтія причисленъ онъ былъ къ неудавшемуся посольству графа Головкина въ Китай. Передъ тѣмъ состоялъ онъ на службѣ при посольствѣ графа Маркова

въ Парижѣ. Мицкевичъ, въ сатирической драмѣ, нарисовалъ его портретъ. По моему убѣжденію, Байковъ много вредилъ Новосильцову. Онъ былъ человѣкъ способный, особенно смѣтливый, вообще умный, очень занимательный и забавный въ разговорѣ. Нельзя назвать его добрымъ человѣкомъ, но нельзя назвать и злымъ... Онъ не былъ ни любимъ, ни уважаемъ въ варшавскомъ обществѣ, ни въ польскомъ, ни въ русскомъ кругу. Новосильцовъ любилъ его, то-есть, онъ забавлялъ Новосильцова. Байковъ былъ самъ натуры довольно беззаботной, тучной и лѣнивой, даже сонливой. Онъ нерѣдко засыпалъ на людяхъ, въ салонахъ и въ театрѣ, гдѣ иногда, съ просонья, обращался на сцену къ актерамъ и особенно къ актрисамъ съ шуткою, не всегда приличною... Подобное обращеніе не могло нравиться тогдашнему аристократическому варшавскому обществу. Поляки считали Байкова недостаточно благовоспитаннымъ и отъ него уклонялись... Въ числѣ забавныхъ слабостей Байкова была и та, что онъ сбивался на мѣстоименіяхъ. Новосильцовъ *онъ* на языкѣ его всегда сходилъ на *мы*. *Мы* дѣлаемъ, *мы* рѣшили, *нашъ* поваръ, *мы* даемъ балъ и т. д.“ (ibid. VIII, 353—356).

79) 28-го августа 1819 года президентъ Россійской академіи А. С. Шишковъ обратился съ слѣдующею жалобою къ министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну: „Въ прошедшихъ засѣданіяхъ Россійской Императорской академіи читана была напечатанная въ журналѣ *Сына Отечества*, подъ названіемъ критики на изданную отъ ней грамматику, обидная для академія брань. Академія нашлась принужденною поручить мнѣ бывшія по сему случаю сужденія ея препроводить къ вашему сіятельству, яко члену оной и министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, для свѣдѣнія, въ какомъ при таковыхъ обстоятельствахъ находится она положеніи, и при томъ донести, что если и впредь журналисты, и всякій, кто захочетъ, будутъ въ правѣ о издаваемыхъ ею книгахъ возвѣщать публикѣ съ своими ни разсудкомъ, ни пристойностію не обузданными толками, то ей не останется ничего другаго, какъ или таковыя происшествія съ нею для свѣдѣнія публики записывать и помѣщать въ своихъ изданіяхъ, или не издавать ничего, дабы не подвергаться стыду быть передъ цѣлымъ свѣтомъ отъ всякаго, кто захочетъ бранить ее, и молчать. Прилагаю при семъ бывшія по сему обстоятельству сужденія ея“. На этомъ письмѣ министръ народнаго просвѣщенія положилъ резолюцію: *Предложить на разсужденіе Главнаго Училищъ Правленія*. На основаніи этого *разсужденія* князь А. Н. Голицынъ отвѣтилъ Шишкову слѣдующее: „По отношенію вашего превосходительства, отъ 28 августа сего года, съ приложеніемъ записки о бывшихъ въ Императорской Россійской академіи сужденіяхъ и изъявленномъ ею неудовольствіи касательно напечатанной въ журналѣ *Сынъ Отечества* оскорбительной критики на вновь изданную академіею Россійскую Грам-

матику, не преминулъ я обстоятельство сіе предложить на разсужденіе Главнаго Правленія Училищъ. Заключеніе онаго, съ которымъ и я не могу не согласиться, состояло въ томъ, что дѣланіе примѣчаній на всякую издаваемую въ свѣтъ книгу, а тѣмъ паче на Грамматику, никакими узаконеніями не воспрещается, а потому не можетъ вообще никому быть возбранено; и въ случаѣ неосновательности таковыхъ примѣчаній критикъ подвергается самъ стыду предъ публикою и удобному на нихъ опроверженію тѣмъ же способомъ, какимъ и его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣдѣнія; но что касается до оскорбительныхъ для Академіи выраженій и отзывовъ, каковыми наполнены тѣ замѣчанія издателемъ *Сына Отечества*, то какъ сіе противно уставу о цензурѣ, я приказалъ учинить чрезъ кого слѣдуетъ надлежащій выговоръ цензору, дозволившему напечатать тѣ замѣчанія, и поставилъ несовмѣстность сего поступка на видъ и автору, который осмѣлился употреблять столь неприличные отзывы на счетъ Академіи, а притомъ предписалъ цензурѣ, чтобы впредь никакихъ подобно сему оскорбительныхъ отзывовъ ни на чей счетъ въ печать не было издаваемо".

80) 8-го января 1820 года, Россійская академія праздновала день своего возобновленія императоромъ Александромъ I, на которомъ Карамзинъ прочелъ нѣкоторыя мѣста изъ не изданнаго IX-го тома его Исторіи. По окончаніи чтенія, Шишковъ вручилъ Карамзину отъ лица Россійской академіи большую золотую медаль за „многотрудный подвигъ его въ сочиненіи Россійской Исторіи" (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 0129—0130).

5-го мая 1867 г., митрополитъ Филаретъ писалъ графу Ѳ. П. Литке: „Примите благодарность мою за удобство разсматривать достойный памятникъ благородной душѣ, подъ названіемъ: *Торжественное Собраніе Императорской Академіи Наукъ, въ память столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина.* При семъ вспомнился мнѣ между прочимъ за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ бывшій день, когда я узналъ Николая Михайловича. Въ Собраніи Россійской академіи онъ читалъ изъ своей Исторіи царствованіе Іоанна Грознаго. Читающій и чтеніе были привлекательны: но читаемое страшно. Мнѣ думалось тогда, не довольно ли исполнила свою обязанность исторія, если бы хорошо освѣтила лучшую часть царствованія Грознаго, а другую болѣе бы покрыла тѣнью, нежели многими мрачными рѣзкими чертами, которыя тяжело видѣть положенными на имя Русскаго царя. Хорошо видами добра привлекать людей къ добру: но полезно ли обнажать и умножать виды зла, чтобы къ нимъ привыкли" (*Чтенія въ Императорскомъ Моск вскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ*, 1880, IV, 12).

81) Секретарь императрицы Маріи Ѳедоровны дѣйствительный

статскій совѣтникъ Михаилъ Ивановичъ Полетика († 5 дек. 1824, въ С.-Петербургѣ), подъ псевдонимомъ L. H. de Jacob, въ 1818 году, въ Галле, напечаталъ сочиненіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Essai philosophique sur l'homme, ses principaux rapports et sa destinée, fondé sur l'expérience et la raison, suivi d'observations sur le Beau.*

82) 20-го февраля 1820 г. Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Знаешь ли о новомъ парижскомъ злодѣйствѣ? Фанатикъ-бонапартистъ зарѣзалъ герцога Берри при выходѣ изъ оперы, и пресѣкъ колѣно Людовика XIV для трона. Каковъ вѣкъ!“ (стр. 283).

83) 1-го апрѣля 1820 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „У насъ главная новость, что объявлены Сенату разводъ великаго князя Константина Павловича съ Анною Ѳедоровною и прибавленіе къ наслѣдственному Павлову акту, по коему дѣти великихъ князей, женящихся не на принцессахъ, лишаются права на корону. Догадываются, что великій князь Константинъ женится на полькѣ. Румянцовымъ кто-то сказалъ, будто я писалъ этотъ манифестъ: и знать не знаю; даже и не читалъ его до сей минуты“ (стр. 285).

84) Въ это время Испанцы требовали возстановленія конституціи 1812 года, и Ріего началъ возстаніе противъ Фердинанда VII, который вынужденъ былъ согласиться на это требованіе 8-го марта 1820 года (стр. 0131).

85) 20-го сентября 1820 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Знаешь ли, что Кривцовъ женится на Вадковской; что онъ ѣздилъ въ Варшаву къ государю и выпросилъ у него: 1) аренду въ 12 тыс. р.; 2) сто тысячъ въ заемъ безъ залога; 3) вензель фрейлинской для своей невѣсты; 4) мѣсто губернаторское на выборъ; 5) домъ для житья въ Царскомъ Селѣ; 6) не помню, что? Кривцовъ уже вышелъ изъ полку либералистовъ. Вчера онъ былъ у насъ, и щастливъ какъ влюбленный женихъ“ (стр. 293).

86) Императоръ Александръ I былъ въ это время на конгрессѣ, начавшемся въ Троппау и переведенномъ потомъ въ Лейбахъ. „Съ Тропавскаго конгресса“,—свидѣтельствуетъ князь П. А. Вяземскій,—„рѣшительно начинается новая эра въ умѣ императора Александра и въ политикѣ Европы. Онъ отрекся отъ прежнихъ своихъ мыслей; разумѣется, примѣръ его обратилъ многихъ. Я (хотя это мѣстоименіе тутъ и очень неумѣстно) остался такимъ образомъ приверженцемъ мнѣнія уже не торжествующаго, а опальнаго“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 91).

87) 20-го сентября 1820 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Вѣкъ конституцій напоминаетъ Тамерлановъ: вездѣ солдаты въ ружьѣ“ (стр. 293).

88) Въ *Сынѣ Отечества* 1821 года (№ 2) князь П. А. Вяземскій

напечаталъ свое *Посланіе къ М. Т. Каченовскому* въ которомъ, между прочимъ, сказано:

Насъ учитъ Карамзинъ презрѣнью клеветѣ.
На вызовъ крикуновъ, со степени изящной
Сходилъ ли онъ въ ряды, гдѣ битвой рукопашной
Предъ праздною толпой, какъ жадные бойцы,
Свой унижаютъ санъ прекраснаго жрецы?

(*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 219—223).

89) См. примѣчаніе 55-е.

90) См. *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, III, 164—169.

91) Pierre Bignon, дипломатъ (род. 1771 † 1841).

92) *Варшавскій гость* такъ и остался въ Москвѣ. 24-го мая 1821 года, Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву, изъ Царскаго Села: „Князь-поэтъ съ нами“ (стр, 307). Въ своемъ *Автобіографическомъ Введеніи* князь Вяземскій пишетъ: „Въ проѣздъ государя чрезъ Варшаву, великій князь Константинъ Павловичъ жаловался его величеству на меня. Я тогда былъ въ Россіи. По приказанію государя, Новосильцовъ написалъ мнѣ, что его величество, увѣдомившись, что я держусь принциповъ, несогласныхъ съ видами правительства, и разглашаю ихъ, находитъ нужнымъ воспретить мнѣ возвращеніе къ мѣсту служенія моего въ Варшавѣ“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, XVIII). Къ этому князь Вяземскій добавляетъ: „Впрочемъ, скажу заранѣе, что тутъ было много моей вины, то-есть, недосмотрительности, неосторожности, а еще болѣе виноваты были въ томъ посторонніе вліянія и неблагопріятныя обстоятельства. Государь не могъ поступить иначе: онъ долженъ былъ вызвать меня изъ Варшавы, но въ то же время велѣлъ онъ сказать мнѣ чрезъ Карамзина, что всякая другая служба остается для меня вполнѣ открытою“ (ibid. I, XXXVI—XXXVII). Какъ бы то ни было, но 4-го іюня 1821 года, князь П. А. Вяземскій уволенъ отъ службы и вмѣстѣ отъ дѣлъ канцеляріи тайнаго совѣтника Новосильцова.

93) Николай Александровичъ Загряжскій, въ службѣ съ 1754 г., дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-шенкъ (р. 1743 г.). Былъ женатъ на графинѣ Наталіи Кириловнѣ Разумовской.

94) Князь Александръ Ипсиланти, вождь греческаго возстанія.

95) „Мой отецъ“, писалъ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій,— „любившій и понимавшій поэзію въ устахъ самого народа, всегда недовѣрчиво и враждебно относился къ письменной народной поэзіи, обработываемой и выпускаемой въ свѣтъ литературными людьми“ (*Собраніе сочиненій князя П. П. Вяземскаго*. С.-Пб. 1893, стр. 529—530).

96) „Въ Варшавѣ“, писалъ князь П. А. Вяземскій,—„былъ я въ пріязненныхъ отношеніяхъ и съ либералами и съ консерваторами, съ старыми Поляками, не покидавшими кунтуша, и молодежью, подчинившеюся модѣ и лозунгу изъ Парижа; былъ я близокъ и съ сановниками и съ средними общественными слоями ученыхъ, художниковъ и актеровъ. Богъ свидѣтель, что я популярности не заискивалъ и никакими уступками ей не мирволилъ. Но популярность сама вышла ко мнѣ на встрѣчу и осталась мнѣ вѣрна, даже по выѣздѣ моемъ изъ Варшавы“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, IX). „Я былъ любимъ Поляками“,—писалъ князь Вяземскій въ своей *Исповѣди*,—„и въ числѣ немногихъ Русскихъ былъ принимаемъ въ ихъ дома на пріятельской ногѣ. Но ласки отличнѣйшихъ изъ нихъ покупалъ я не потворствомъ, не отриновеніемъ національной гордости. Напротивъ, въ запросахъ, гдѣ отдѣлялась Русская польза отъ Польской, я всегда крѣпко стоялъ за первую и вынесъ не одинъ жаркій споръ по предмету возстановленія старой Польши и отсѣченія отъ Россіи областей, запечатлѣнныхъ за нами кровію нашихъ отцовъ“ (ibid., стр. 89).

97) Сенаторъ Алексѣй Ульяновичъ Болотниковъ. 4-го мая 1820 года, Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Я полюбилъ А. У. Болотникова за его дѣльный голосъ, и съ искреннимъ удовольствіемъ у него обѣдалъ“ (стр. 289).

98) Никита Михайловичъ Муравьевъ—будущій декабристъ.

99) *Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ивана Ивановича Дмитріева* напечатано въ первомъ томѣ *Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, стр. 112—166. Карамзинъ писалъ И. И Дмитріеву (2-го января 1822 г.): „Милый князь Петръ пишетъ умно, но фразами не легкими и не ясными; умнѣе всѣхъ нашихъ писателей. Дай Богъ, чтобы онъ нашелъ истинное наслажденіе въ сильномъ дѣйствіи мысли и слова, переставъ излишно рыцарствовать за либерализмъ! Теперь читаю твою біографію“ (стр. 322).

100) Еще въ 1821 году, князь П. А. Вяземскій сдѣлалъ воззваніе объ изданіи стихотвореній В. Л. Пушкина: „Первые опыты его принадлежатъ эпохѣ преобразованія, введеннаго въ нашъ языкъ твореніями Карамзина и Дмитріева, которыя освободили его отъ тяжкихъ оковъ, на него наложенныхъ неудачными послѣдователями Ломоносова, Петрова и Державина, и отъ сухой принужденности и черствaго однообразія, приданныхъ ему слишкомъ удачными подражателями Сумарокова“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, 71 — 72). Въ 1822 году, въ Петербургѣ, вышла въ свѣтъ книжка подъ заглавіемъ: *Стихотворенія Василія Пушкина*, напечатанная въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія и украшенная гравированнымъ портретомъ автора, работы С. Галактіонова. Въ этотъ сборникъ стихотвореній

В. Л. Пушкина не вошли *стихи* его, *пѣтые въ честь ея сіятельства, княгини Натальи Петровны Голицыной, въ селѣ Ильинскомъ*. Стихи эти отпечатаны на отдѣльномъ листкѣ, въ 1819 году, въ Московской университетской типографіи и пропущены 18-го іюля того же года цензоромъ адъюнктомъ словесныхъ наукъ, надворнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Петромъ Побѣдоносцевымъ. Княгиня Н. П. Голицына упоминается въ печатаемыхъ письмахъ Карамзина (см. стр. 24). Племянникъ В. Л. Пушкина писалъ князю П. А. Вяземскому (изъ Кишинева 2-го января 1822): „Желаю счастія дядѣ. Скоро ли выйдутъ его творенія? Всѣ они вмѣстѣ не стоятъ *Буянова*“ (*Сочиненія А. С. Пушкина*. С.-Пб., 1887, VII, 28)

101) *Замѣтка о Сочиненіяхъ Жуковскаго и Батюшкова* напечатана при статьѣ о Батюшковѣ въ книгѣ Греча: *Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы*. С.-Пб. 1822.

102) Павелъ Александровичъ Катенинъ (1792 † 1853), извѣстный писатель.

103) Авторъ *Обозрѣнія Кормчей книги въ Историческомъ видѣ*.

104) Вѣроятно, *Изреченіе Мелхиседека* (*Сочиненія К. Н. Батюшкова*, I, 298).

105) Князь Петръ Александровичъ Оболенскій, „родоначальникъ многочисленнаго потомства Оболенскихъ“. См. о немъ въ „Московскомъ семействѣ стараго быта“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, VII, 485—499).

106) 16-го іюня 1822 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Мы безпокоимся о князѣ Петрѣ Андреевичѣ: слышимъ, что онъ не спитъ ночи, и что нервы его очень разстроены. Намекни мнѣ о немъ. Я люблю его какъ брата, хотя и непослушнаго“ (стр. 331).

107) То-есть, *Кавказскаго Плѣнника*, о которомъ князь П. А. Вяземскій, въ томъ же 1822 году, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Кстати, о строгихъ толкователяхъ замѣтимъ, что, можетъ быть, они поморщатся и отъ новаго произведенія поэта пылкаго и кипящаго жизнію .. Авторъ ея, и въ разныхъ опытахъ еще отроческаго дарованія, уже поражалъ насъ силою и мастерствомъ своего языка стихотворнаго; впослѣдствіи подвигался онъ быстро отъ усовершенствованія къ усовершенствованію, и нынѣ являетъ намъ степень зрѣлости совершенной“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, 77—78). 25-го сентября 1822 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Въ поэмѣ либерала Пушкина слогъ живописенъ: я недоволенъ только *любовнымъ похожденіемъ*. Талантъ дѣйствительно прекрасный: жаль, что нѣтъ устройства и мира въ душѣ, а въ головѣ ни малѣйшаго благоразумія“ (стр. 337).

108) Друзья видѣлись тогда въ послѣдній разъ. Дмитріевъ этимъ свиданіемъ остался не совсѣмъ доволенъ. „Дворъ, изрѣдка и слегка

Исторія, городскія вѣсти были единственнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ, и сердце мое ни однажды не было опрошено его сердцемъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 0150).

109) Письмо это напечатано въ *Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, IX, 65—69.

110) Въ *Отечественныя Записки* 1822 года.

111) Князь Заіончекъ, намѣстникъ Царства Польскаго, по отзыву князя П. А. Вяземскаго, „былъ храбрый генералъ, лишился ноги въ сраженіи, ходилъ на костыляхъ, былъ человѣлъ честный. Онъ не имѣлъ ни партіи, ни клевретовъ, ни трубачей за себя; мало имѣлъ даже и связей въ Варшавскомъ аристократическомъ обществѣ“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, VIII, 108).

112) Напечатаны въ *Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, III, 262—263, 146—149.

113) Вѣроятно, Карамзинъ разумѣлъ статью: *О двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ Европы* (См. *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, 84—95).

114) Московскій пожаръ былъ 13-го января 1823 года, въ день рожденія императрицы Елисаветы Алексѣевны, во время бала у князя Д. В. Голицына, въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, который и сдѣлался жертвою пламени (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 0154).

115) 19-го января 1823 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „На сихъ дняхъ, было блестящее собраніе въ Россійской Академіи: читали кое-что, а я о Димитріѣ и Годуновѣ. 2 сцены Шаховского очень изрядны; а переводъ Жуковскаго изъ Виргилія мнѣ полюбился своею живостію. За то доброй Соколовъ душилъ публику своимъ Ливіемъ и гусями Капитолія за новость! Говорятъ, что графъ Аракчеевъ плакалъ; по крайней мѣрѣ многіе плакали, но не отъ гусей“ (стр. 345).

116) *Подражаніе Псалму 136-му* (*Сѣверные Цвѣты* 1826, стр. 10).

117) 14-го декабря 1822 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Государь написалъ изъ Вероны, что онъ *записалъ* свои примѣчанія на 10-й томъ моей Исторіи“ (стр. 243).

118) Сенаторъ Николай Ивановичъ Огаревъ былъ женатъ на Елисаветѣ Сергѣевнѣ Новосильцовой, племянницѣ Николая Николаевича.

119) Больного Карамзина посѣтилъ князь П. А. Вяземскій, и изъ Царскаго Села, 15-го іюня 1823 года, писалъ И. И. Дмитріеву: „Свидѣтельствую вамъ мое душевное почтеніе. Н. М. сегодня въ первый разъ выѣзжаетъ въ каретѣ прогулятьтя. Слава Богу! онъ, кажется, совершенно выздоравливаетъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 354).

120) Полковникъ Петръ Александровичъ Кологривовъ былъ же-

натъ на вдовѣ княгинѣ Прасковьѣ Юрьевнѣ Гагариной, рожденной княжнѣ Трубецкой, и приходился вотчимомъ княгини Вѣры Ѳедоровны Вяземской.

121) Въ это пребываніе императора Александра I въ Москвѣ совершилось важное государственное событіе. 27-го августа 1823 года императоръ вручилъ архіепископу Филарету, для храненія въ Успенскомъ соборѣ, актъ отреченія цесаревича Константина Павловича. Сей государственный актъ былъ сложенъ въ ковчегъ за государственною печатью и съ собственноручною надписью государя: *Хранить въ Успенскомъ соборѣ, съ государственными актами, до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины, открыть Московскому епархіальному архіерею и Московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія* (*Жизнь и Труды М. П. Погодина.* I, 240).

122) Родная сестра Карамзина, Екатерина Михайловна, была въ замужествѣ за казанскимъ помѣщикомъ Чебоксарскаго уѣзда, С. А. Кушниковымъ. Сергѣй Сергѣевичъ былъ сынъ ихъ и, стало быть, племянникъ Карамзина.

123) Великая княгиня Елена Павловна, до замужества принцесса Шарлотта, дочь Виртембергскаго принца Павла, была тогда невѣстою великаго князя Михаила Павловича.

124) *Ангелъ и пѣвецъ.*

Кто ты, ангелъ свѣтлоокій,
Съ лучезарною звѣздой?
Изъ какой страны далекой
Прилетѣлъ на сѣверъ мой? и пр.

(*Сочиненія В. А. Жуковскаго.* С.-Пб., 1885, II, 403—406).

125) Графа Егора Францовича Канкрина.

126) *Полярная Звѣзда* издавалась А. А. Бестужевымъ и К. Ѳ. Рылѣевымъ.

127) Николай Сергѣевичъ, извѣстный впослѣдствіи авторъ *Путешествія чрезъ Южную Россію, Крымъ и Одессу, въ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ* (въ двухъ томахъ. М. 1839).

128) Христа Спасителя, въ Москвѣ.

129) Строитель сего храма.

130) 1-го марта 1824 года скончалась въ дѣвицахъ дочь графа Ѳ. В. Ростопчина, графиня Елисавета Ѳедоровна.

131) Госперъ, католической патеръ, вызванный изъ за-границы, проповѣдывалъ въ Петербургѣ, въ римско-католической церкви св. Екатерины. Ему принадлежатъ толкованія на Новый Завѣтъ, которыя

были переведены на русскій языкъ и пропущены цензоромъ Александромъ Степановичемъ Бируковымъ.

132) Въ 1824 году, въ Москвѣ, князь П. А Вяземскій издалъ на свой счетъ *Бахчисарайскій фонтанъ* Пушкина и, по просьбѣ автора, написалъ предисловіе къ этой поэмѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова* (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, 167—173). Пушкинъ остался чрезвычайно доволенъ этимъ предисловіемъ; но *Разговоромъ* остался недоволенъ М. А. Дмитріевъ и выступилъ въ *Вѣстникѣ Европы* противъ князя Вяземскаго. Завязалась полемика (*Жизнь и Труды М. П. Погодина*. I, 250—252).

133) 20-го мая 1824 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Ты уже вѣрно знаешь о перемѣнѣ въ министерствѣ духовномъ и просвѣщенія. А. С. Шишковъ на мѣстѣ князя (А. Н. Голицына)“; а до того времени А. И. Тургеневъ былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 372, 0163).

134) Общество это такъ названо въ оффиціальной бумагѣ С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа М. А. Милорадовича. Членами этого Общества были Французы и только одинъ Русскій: с.-петербургскій мѣщанинъ Сидоровъ, молодой человѣкъ дурного поведенія (*Русская Старина* 1881, январь, стр. 183—186).

135) Пушкинъ былъ сосланъ въ родительское село Михайловское, Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда, вслѣдствіе столкновеній съ графомъ М. С. Воронцовымъ

136) Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Ты, кажется, любишь Казимира (Делавинь), а я такъ нѣтъ. Конечно, онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гёте... Далеко кулику до орла“ (*Сочиненія А. С. Пушкина*. С.-Пб. 1887, VII, 129).

137) *Don Alonzo ou l'Espagne, histoire contemporaine* (1824, 4 vol. in 8°), par M. de Salvandy.

138) Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ издалъ въ Французскомъ переводѣ Лемонте басни Крылова.

139) Еще будучи наслѣдникомъ французскаго престола, Карлъ X питалъ страстную ненависть ко всему, что̀ напоминало о революціи и о Наполеонѣ. Вступивъ же на престолъ, онъ сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы „въ союзѣ съ церковью и дворянствомъ“, уничтожать всѣ либеральныя учрежденія, и самъ палъ жертвою іюльской революціи.

140) Дѣдъ князя П. А. Вяземскаго князь Иванъ Андреевичъ и бабка княгиня Марія Сергѣевна, рожденная княжна Долгорукова, погребены въ Николаевскомъ Пѣсношскомъ монастырѣ (Московской епархіи, Дмитріевскаго уѣзда, въ соборной св. Николая Чудотворца церкви). Правнукъ князя Ивана Андреевича, князь Пв. П. Вяземскій, такъ ха-

рактеризуетъ своего прадѣда: „Это былъ человѣкъ суровый, съ оттѣнкомъ Русскаго приказнаго человѣка XVII столѣтія и Нѣмецкаго бюрократа при дворѣ императрицы Анны, такимъ онъ остался въ отношеніяхъ къ сыну до конца жизни“ (*Архивъ князя Вяземскаго*. С.-Пб. 1881, стр. III, XXII). *Волкъ въ кожѣ агнца*, есть Вассіанъ Топорковъ, епископъ Коломенскій, о которомъ Карамзинъ въ своей *Исторіи Государства* Россійскаго повѣствуетъ: „Важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего такъ называемаго *Кирилловскаго пъзда* (1553) было Іоанново свиданіе въ монастырѣ Пѣсношскомъ съ бывшимъ Коломенскимъ епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда особенною милостью великаго князя Василія, но въ боярское правленіе лишился епархіи за свое лукавство и жестокосердіе. Маститая старость не смягчила въ немъ души: склоняясь къ могилѣ, онъ еще питалъ мірскія страсти въ груди, злобу, ненависть къ боярамъ. Іоаннъ желалъ лично узнать человѣка, заслужившаго довѣренность его родителя; говорилъ съ нимъ о временахъ Василія и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править государствомъ. Вассіанъ отвѣтствовалъ ему на ухо: „Если хочешь быть истиннымъ самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ мудрѣе себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не учиться — повелѣвать, а не слушаться. Тогда будешь твердъ на царствѣ и грозою вельможъ. Совѣтникъ мудрѣйшій государя неминуемо овладѣетъ имъ“. Сіи ядовитыя слова проникли во глубину Іоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ Вассіанову руку, онъ съ живостію сказалъ: *самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта*!.. Нѣтъ, государь! могли бы мы возразить ему: нѣтъ! совѣтъ, тебѣ данный, внушенъ духомъ лжи, а не истины. Царь долженъ не властвовать только, но властвовать благодѣтельно: его мудрость, какъ человѣческая, имѣетъ нужду въ пособіи другихъ людей, и тѣмъ превосходнѣе въ глазахъ народа, чѣмъ мудрѣе совѣтники имъ выбираемые. Монархъ, опасаясь *умныхъ*, впадетъ въ руки *хитрыхъ*, которые, въ угодность ему, притворятся даже глупцами; не плѣняя въ немъ разума, плѣнятъ страсть, и поведутъ его къ своей цѣли. Цари должны опасаться не мудрыхъ, а коварныхъ или безсмысленныхъ совѣтниковъ“ (*Карамзинъ*, VIII, 213—215).

Мать Тургеневыхъ Екатерина Семеновна, рожденная Качалова (Руммель, *Родословный Сборникъ*. С.-Пб. 1887, II, 550).

141) Младшій братъ писателя, Левъ Сергѣевичъ.

142) Фуше, герцогъ Отрантскій, былъ министромъ полиціи при Наполеонѣ. Въ 1821 г. появились подъ его именемъ *Mémoires de Fouché*, но онѣ признаны подложными; впрочемъ, свѣдѣнія въ нихъ сообщаемыя, заимствованы изъ оффиціальныхъ источниковъ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 0166).

143) Княгиня Агриппина Юрьевна, дочь писателя Юрія Алексан-

дровича Нелединскаго-Мелецкаго, супруга князя Александра Петровича и мать князя Дмитрія Александровича Оболенскаго, автора *Хроники недавней старины*.

144) 21 января 1825 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Мы теперь грустны отъ горести нашихъ Вяземскихъ, которые погребли своего Николеньку. Вмѣсто насъ плакалъ съ ними любезный Тургеневъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 389).

145) Баронъ Фенъ (le baron Agathon-Jean Fain), личный секретарь Наполеона (род. въ 1778 г. 11-го января), авторъ *Manuscrit de 1814, trouvé dans les voitures impériales prises a Waterloo, contenant l'histoire des derniers six mois du règne de Napoléon*. Paris 1823—1825.

146) Съ семействомъ Боборыкиныхъ Карамзинъ былъ въ давнихъ сношеніяхъ. Въ 1819 году онъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Если нашъ С. С. Кушниковъ присутствуетъ въ 7-мъ департаментѣ, то сдѣлай одолженіе, скажи ему, что я убѣдительно прошу его о дѣлѣ малолѣтнихъ Боборыкиныхъ; они правы: слѣдственно, онъ можетъ оказать имъ благодѣяніе правосудіемъ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 253).

147) Бригадиръ, впослѣдствіи сенаторъ, Николай Евгеніевичъ Кашкинъ, пріятель Карамзинскаго семейства, гостепріимный и всюду въѣзжій москвичъ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 0128). Изъ Остафьева, 29 мая 1827 года, князь П. А. Вяземскій писалъ Ив. Д. Киселеву: „Съ лица Москвы стираются всѣ родимыя пятна, которыя служили ей характеристичными клеймами и давали значительность ея физіономіи. Вотъ и Кашкинъ, который долго пребывалъ у насъ родимымъ пятномъ бригадирства, измѣнившимся послѣ въ бородавку сенаторства, уже стерся съ лица Москвы. Скоро Москва будетъ круглая, плоская, хоть шаромъ покати по ней, такъ ни за что не задѣнешь“ (*Русская Старина* 1896, декабрь, стр. 630).

148) Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ былъ извѣстенъ „остроуміемъ, парадоксами и оригинальностью понятій и сужденій, которыя онъ выражалъ ровно, оригинально, энергически и эксцентрически“ (*Русскій Архивъ*, 1866, № 6, стр. 862).

149) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*, I, 329 — 332. Такимъ образомъ, черезъ Карамзина, съ 1825 года завязались у князя П. А. Вяземскаго сношенія съ М. П. Погодинымъ, которыя тянулись непрерывно черезъ всю ихъ жизнь. Драгоцѣннѣйшія письма Погодина, а равно и друга его С. П. Шевырева къ князю Вяземскому, хранятся въ Остафьевскомъ архивѣ и представляютъ важнѣйшій источникъ исторіи Россіи XIX столѣтія. Князь Вяземскій пережилъ своихъ друзей. Въ 1864 году, на чужбинѣ, сошелъ въ могилу Шевыревъ, а за нимъ, въ 1875 году, въ своемъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, Погодинъ...

И князю Вяземскому пришлось совершить словесную поминку по послѣднемъ:

...На голосъ родины всѣ чувства въ немъ звучали;
Онъ родину любилъ и въ мертвыхъ, и въ живыхъ;
Съ любовью провѣрялъ народныя скрижали,
Не гордо мудрствуя, а вслушиваясь въ нихъ...

Въ вопросахъ дня, въ шуму житейскихъ треволненій,
Горячимъ былъ и онъ участникомъ въ борьбѣ,
Но не заискивалъ чужихъ страстей и мнѣній;
Онъ ошибаться могъ, но вѣренъ былъ себѣ.

Онъ современникъ былъ плеяды лучезарной,
Созвѣздья свѣтлаго онъ самъ звѣздою былъ.
Почтимъ же памятью глубоко-благодарной
Почившаго въ семьѣ родныхъ ему могилъ.

150) „19 ноября 1825 года", свидѣтельствуетъ князь П. А. Вяземскій,—„отозвалось грозно въ смутахъ 14 декабря. Сей день, бѣдственный для Россіи, и эпоха кроваво имъ ознаменованная, были страшнымъ судомъ для дѣлъ, мнѣній и помышленій настоящихъ и давнопрошедшихъ. Мое имя не вписалось въ его роковыя скрижали. Сколь ни прискорбно мнѣ было, какъ Русскому и человѣку, торжество невинности моей, купленное цѣною бѣдствія многихъ согражданъ, и въ числѣ ихъ нѣкоторыхъ моихъ пріятелей, павшихъ жертвами сей эпохи, но по крайней мѣрѣ я могъ, когда отвращалъ вниманіе отъ участія ближнихъ, поздравить себя съ личнымъ очищеніемъ своимъ, совершеннымъ самыми событіями. Мнѣ казалось, что я, въ глазахъ правительства отъявленный крамольникъ, бывшій въ пріятельской связи съ нѣкоторыми изъ обвиненныхъ и оказавшійся совершенно чуждымъ соумышленія съ ними, выигралъ рѣшительно мою тяжбу. Скажу безъ уничиженія и безъ гордости: имя мое, характеръ мой, способности мои могли придать нѣкоторую цѣну моему завербованію въ ряды недовольныхъ, и отсутствіе мое между ними не могло быть дѣломъ случайнымъ, или отъ меня независимымъ. Но, по странному противорѣчію, предубѣжденіе противъ меня не ослабло и при очевидности истины; мнѣ извѣстно слѣдующее заключеніе обо мнѣ: отсутствіе имени его въ этомъ дѣлѣ доказываетъ только, что онъ былъ умнѣе и осторожнѣе другихъ. Благодарю за высокое мнѣніе о моемъ умѣ, но не хочу на него промѣнять сердце и честь... Нѣтъ, знающіе меня скажутъ, что ни умъ мой, ни сердце мое не свойства разсчетливаго и промышленнаго; если я былъ бы хотя и сокрытымъ дѣйствующимъ лицомъ въ бѣдственномъ предпріятіи, то

вѣрно былъ бы на лицо въ сотовариществѣ несчастія... Въ мнѣніяхъ своихъ бывалъ я неумѣренъ и заносчивъ за себя, но вездѣ, гдѣ только имѣлъ случай, старался всегда умѣрять невоздержность другихъ“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 96—98).

151) 22-го мая 1826 года, въ $5^1/_2$ часовъ послѣ обѣда, въ Таврическомъ дворцѣ, въ Петербургѣ, скончался Н. М. Карамзинъ. Въ своей *Старой записной книжкѣ*, подъ 6-го августа 1826 года, князь П. А. Вяземскій отмѣтилъ: „Я писалъ сегодня Жуковскому: „Чувство, которое имѣли къ Карамзину живому, остается теперь безъ употребленія. Не къ кому изъ земныхъ приложить его. Любимъ, уважаемъ иныхъ, но все нѣтъ той полноты чувства. Онъ былъ какимъ-то животворнымъ, лучезарнымъ средоточіемъ круга нашего, всего отечества. Смерть Наполеона въ современной исторіи, смерть Байрона въ мірѣ поэзіи, смерть Карамзина въ русскомъ быту оставили по себѣ бездну пустоты, которую вамъ завалить уже не придется. Странное сличеніе, но для меня истинное и не изысканное! При каждой изъ трехъ смертей у меня какъ будто что-то отпало отъ нравственнаго бытія и какъ-то пустѣе стало въ жизни“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, IX, 89—90).

17/VIII 2014

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА
СПБ. АПТЕЧНЫЙ ПР. 33